

Основы гуманной педагогики

Шалва Амонашвили

РАЗГОВОР С СЕРДЦЕМ

Амрита-Русь
Москва
2017

УДК 371
ББК 74.2
А62

Амонашвили Ш.А.

А62 Основы гуманной педагогики. В 20 кн. Кн. 9. Разговор с сердцем / Шалва Амонашвили. — М.: Свет, 2017. — 432 с.

ISBN 978-5-00053-898-2

Вся жизнь и творчество Ш.А. Амонашвили посвящены развитию классических идей гуманной педагогики, утверждению в педагогическом сознании понятия «духовного гуманизма». Издание собрания сочинений автора в 20 книгах под общим названием «Основы гуманной педагогики» осуществляется по решению Редакционно-издательского Совета Российской академии образования. В отдельных книгах психолого-педагогические и литературные творения группируются по содержанию.

Девятая книга включает в себя три тома — «Разговор с Сердцем», «Проводы в вечность» и «Учитель, укажи Путь Красоты Духа!», в которых автор повествует о своей жизни, вспоминает значимые моменты, открывает нам путь в самую глубину его сердца. Вся книга пронизана трепетными чувствами и искренними размышлениями о любви, смерти, мудрости, о ценности времени и его скоротечности. Произведение словно завораживает своей открытостью, призывая читателя стать свидетелем исповеди автора, а где-то даже и соучастником событий.

В своих мыслях Шалва Амонашвили передает бесценный опыт, с каждой минутой заставляя преобразаться и изменять свою жизнь в лучшую сторону.

Эта книга, как и все издания, обращена к широкому кругу читателей: учителям, воспитателям, работникам образования, студентам, ученым.

ISBN 978-5-00053-898-2

© Амонашвили Ш.А., 2017

© Оформление.

ООО «Свет», 2017

РАЗГОВОР С СЕРДЦЕМ

Предисловие

Дорогой читатель,

Вы держите в руках очень необычный том. В него вошли три удивительных книги Шалвы Александровича Амонашвили — «Разговор с Сердцем», «Проводы в вечность» и «Учитель, укажи Путь Красоты Духа!». Каждая из них — отрезок жизненного пути, наполненный трепетными событиями, глубокими переживаниями, осмыслениями и мудростью. Автор искренне, очень доверительно впускает нас в свой мир и делится самым сокровенным. Он размышляет о быстротечности и ценности времени, о жизни и смерти, о Любви, о Сердце, о Пути Красоты Духа и многом другом. Эти книги дадут каждому вопрошающему сердцу ответы на самые непростые вопросы. В них философские размышления сопровождаются примерами достойных поступков, осмысленного и ответственного прохождения Пути. Все три книги настолько искренни, что в какой-то момент может возникнуть чувство, что Вы становитесь свидетелем некоего таинства — исповеди — разговора человека с самим собой, с жизнью. Это особая исповедь. В ней предельная честность с самим собой. Такая исповедь способна переродить не только самого человека, но и тех, кто становится её свидетелями — нас с вами, читателей. Поэтому эти книги могут стать преобразующим событием в жизни каждого, кто

прикоснется к ним своим сердцем и сознанием. Позвольте этому событию состояться в Вашей жизни! Желаю Вам прожить глубину этих мыслей во всей полноте, впитав с благодарностью мудрость этих книг с теми же трепетом и любовью, с которыми они были подарены нам автором!

Елена Шуванникова

Вся жизнь проходит через Сердце

Сердце мое!

Жизнь на закате.

Ты, конечно, помнишь, как в день моего восемнадцатилетия я занялся калькуляцией своей жизни и сделал следующие расчеты. Я допустил, что проживу 100 лет. Это будет составлять 38 000 дней. Я испугался: так мало! Но испугался больше, когда из этого количества дней вычитал уже прожитые и те будущие, которые мог провести в праздности или в болезнях, дни, которые выпадут на старость, и увидел, что для активной творческой работы остается лишь 40–45 лет, что равняется примерно 16 000–17 000 дней. Потом сообразил, что часть каждых прожитых суток уйдет на сон, на бытовые нужды, на перемещения, на разные неожиданности. И опять — сокращение того времени, что я хотел уберечь для активного творчества.

Что это было за активное творчество, я еще не знал. Я только чувствовал в себе, что в грядущем будущем буду заниматься чем-то очень важным, на что жизни может и не хватить. Это было в 1949 году.

С тех пор я начал бережно относиться к каждому дню и учился ценить свое и чужое время. Меня сейчас действи-

тельно удивляет, как могут люди тратить время впустую, проводить время в праздности, убивать время. Ведь так обесценивается бытие и, стало быть, извращаются наши нравы и смысл жизни.

В общем, мы с Тобой, Сердце мое, уже давно живем, считая дни. А сегодня, когда я приступил к написанию этой книги, мы проживаем 28 628 день от рождения. Мои расчеты тогда этим не завершились. Тогда, в день своего восемнадцатилетия, я впервые обратился к Тебе, Сердце мое. Я еще не знал, какой сущностью являлось Ты во мне. Я обратил на Тебя внимание, потому что, проходя медицинский осмотр, врач сказала мне: «Хорошее у тебя сердце!». Я заинтересовался, что это значит. Она объяснила: «74 нормальных ритмичных удара в минуту». У меня же промелькнуло в голове: «А в течение часа, суток, года?».

Взяв за среднее 70 ударов в минуту (чтобы облегчить себе вычисления), я скоро узнал, что в течение часа Ты, Сердце мое, делаешь 4 200 ударов, в течение суток — 100 800, а в году — 36 792 000! А за 100 лет — 3 679 200 000!

Я был потрясен. «Неужели выдержишь, Сердце мое, столько ударов, да еще каждое биение сопровождать стуком?!» — спрашивал я. Но Ты не отвечало, видимо, были у Тебя дела по-важнее.

Шло время. Я со всей увлеченностью отдавался жизни, в которой нащупал свою тропинку, свою миссию. Сталкивался со многими противоречиями, соблазнами, трудностями; испытывал муки поражения и радости победы. А время от времени вспоминал о Тебе, о том, что Ты есть у меня. Иногда

Ты кололо меня и тем самым подавало знак, что ты на пределе своих ритмов.

Я успокаивал Тебя таблетками валидола и нитроглицерина, но сбавлять темп не собирался. Иногда я не обращал на Тебя никакого внимания: просто левой рукой сжимал на груди место, где Ты кололо. Это означало: «Подожди, не мешай!», и я стремился обогнать жизнь. Я причинял тебе боль и требовал, чтобы Ты не болело у меня и не задерживало в моих дерзаниях.

Но на какой-то ступеньке своей жизни я вдруг остановился, чтобы осмыслить мудрость: «Вся жизнь проходит через сердце».

Действительно, ведь вся моя жизнь прошла через Тебя, Сердце мое. Ты волновалось, радовалось, возмущалось, страдало, стыдилось, гордилось. И почему все это было так? Потому что, как говорят мудрецы, Ты есть Свыше действующий орган в каждом человеке. И во мне тоже. О моей жизненной тропинке, о моей миссии на Земле Тебе было известно изначально, и Тебе же было доверено Небесами направлять меня по ней. И когда я ошибался, спотыкался или отходил от пути, Ты тревожилось, возмущалось, звало и посылало мудрости, — и это до тех пор, пока я не находил свою Истину, не возвращался к ней. А когда я проходил промежутки пути правильно, Ты радовалось, торжествовало и опять посылало мне мудрости — как лучше служить своей Истине. Только Ты одно знаешь, насколько правильно прожил я свою жизнь, и одно Ты предугадываешь, как правильно пройду я

остаток пути. И какова длина этого остатка, тоже известно только одному Тебе.

Спросил я у Сердца:

*— Почему у тебя такие тонкие и узкие капилляры —
чуть напряжение, и тут же рвутся и лопаются?*

Ответило мне Сердце:

*— Лопаются железные трубы,
когда давление в них превышает норму.
А ты через мои капилляры пропускаешь
кипящую сверх нормы жизнь.
Почему же жалуешься?*

«Да-да-да-да»

Сердце мое!

Конечно, всю жизнь знал, что Ты есть у меня, но ни разу Тебя не видел. Иногда приложу руку к груди и чувствую Твое биение. Иногда же беру фонендоскоп и слушаю Тебя. Но видеть Тебя, как вижу, скажем, свои руки, вижу нос и уши в зеркале, не доводилось. Ты ведь там, внутри, там трудишься и даешь трудиться всему организму.

Но я все же увидел Тебя.

Это было в августе 2008 года.

Находились мы тогда в Бушети, где у нас маленькое «поместье». Это в Грузии, недалеко от города Телави или, лучше сказать, совсем близко от поселка Цинандали, где в свое время венчались Грибоедов и Нина.

У нас тогда гостила Мери, теща моего сына Пааты, она врач. Я сказал ей, что постоянно чувствую сильные боли в груди, это кость что ли болит? После того, как я ответил на пару ее вопросов, она сказала решительно: это от сердца, надо немедленно провериться. Потом я доверился Паате и рассказал, что время от времени (а на самом деле постоянно, стоит только ускорить шаг) Ты у меня шалишь. Я собирался сказать ему еще и о некоторых моих решениях, если со мной что-то произойдет. Но он дальше не стал и выслушивать меня. Открыл мою тайну маме, моей жене, и уже на

другой день они усадили меня в машину и отвезли к врачам в Тбилиси.

Врачи были предупреждены и ждали нас. Они задали мне несколько вопросов, и я был вынужден откровенно им рассказать, Сердце мое, как Ты ведешь себя.

— Это опасные симптомы, — сказал врач, — надо немедленно поставить стент...

Утром другого дня я уже лежу на операционном столе. Команду составляют четыре молодых врача. Они стажировались в лучших клиниках Германии и, вернувшись, открыли свою частную клинику. Работают слаженно, молча, уверенно.

Слева от меня стоит большой монитор. На нем я и увидел Тебя, Сердце мое, впервые в моей жизни.

Увидел, как Ты трудишься!

Увидел, как Тебе трудно трудиться!

Смотрел на Тебя, как Ты ритмично сокращалось и расширялось!

Потом увидел, что происходит внутри Тебя: бьются артерии, трепещут капилляры, они как тончайшие нити с разветвлениями. Вижу, как капилляры с трудом пропускают через себя кровь, а многие из них без движения.

Врач, который у монитора, объясняет мне, что в Тебе, Сердце мое, происходит.

— У вас лет пять-шесть тому назад был инфаркт, и вы перенесли его на ногах...

А потом все вчетвером шушукуются, что-то друг другу объясняют, и я улавливаю мысль: почти половина капилляров не действует, в них кровь не поступает...

— Только Бог знает, как он до сих пор живет... — говорит один из врачей и обращается ко мне, — Смотрите на монитор, видите, вот эта часть сердца отключена. Сейчас надо сделать так, чтобы кровь поступила туда тоже... Вот здесь будем ставить стент... — и указал мне пальцем ту границу, где кровь не пробивается.

И Тебя, Сердце мое, показывают мне на мониторе в разных ракурсах. Одна часть Твоя в беспокойном движении, а другая часть — как кусок лунной поверхности.

— Откройте вену... — распорядился врач, ведущий операцию.

Стент — чудо медицинской техники. Это малюсенькая трубочка, которую подведут к капиллярам с помощью некоего тончайшего «провода» (забыл, как он именуется). «Провод» вводится в вену от бедра. Врач должен владеть искусством, чтобы направлять головку «провода» со стентом, доставить стент в капилляр, перекрывающий движение крови. А потом с помощью специальной аппаратуры расширить стент и оставить там. Так стенки капилляра отодвигаются и кровь устремляется в доселе закрытую часть сердца.

В общем, это мое некомпетентное описание хирургической операции, которую я наблюдал на мониторе. Я ничего не чувствовал, но видел: как согнулся «провод», головка остановилась как будто в раздумье — в какую сторону направиться, где нужна помощь. Потом она приближается к границе лунной поверхности, останавливается, и вдруг брызги крови покрывают часть давно заброшенного участка, начинают орошать его.

— Эту артерию открыли...

— Удачно...

— А теперь вставим второй стент...

— Здесь?.. Здесь?..

— Думаю, вот здесь... И большая часть будет покрыта...

Так шепчутся врачи.

Вскоре я вижу, как движется другая головка...

Сердце мое! Врачи подарили мне видеозапись операции. Она у меня в компьютере. Часто смотрю, как Ты работаешь, и вместе с Тобой благодарю и сына Паату, и невестку Тамрико, и жену свою Валерию и, конечно же, прекрасную команду врачей...

Стояла жара в Тбилиси. Валерия ухаживала за мной, и мы вместе провели жаркую ночь в больнице. Утром врачи сказали, что мне можно выписаться.

— Я могу плавать в бассейне? — спросил я у врача.

— Конечно, — ответил тот, — даже нужно. Двигайтесь как можно больше и не бойтесь, вы здоровы...

Мы вернулись в наше «поместье». У нас большое травяное поле, оно наша гордость. Я снял обувь и побежал по ковровой траве босиком.

— Где Тамусики? — кричу я радостно.

Тамусики — моя правнучка, ей еще нет и годика. Она только что начала ходить. До сих пор я не осмеливался брать ее, играть и бегать с ней вместе. Но я уже здоров, и мы с Тамусики бегаем вдгонку. Вот я поймал ее. Потянул за обе ручки и закружил. Мы радуемся, Сердце мое. Я весело приговариваю:

— Да-да-да-да-да-да...

И опускаю взлетевшую в воздух Тамусики на траву, как будто самолетик приземляется. Тамусики ложится на траву, и я — вместе с нею. Но она быстрее меня привстает и протягивает обе рученочки.

— Да-да-да-да... — то есть, еще-еще, требует она. Кружжмся еще, потом еще.

— Хватит... Вчера только операцию сделали на сердце... — возмущается Валерия (она же для меня Пика, так я ее назвал с первых же дней нашей совместной жизни).

— Береги себя... — уговаривают родные.

Но меня охватывает счастье: пару дней тому назад я не мог брать Ребенка на руки, а сегодня могу. Как я упущу эту возможность? Кто знает, что будет завтра?

Нет, не буду себя беречь! Иначе зачем нам нужна была операция, Сердце мое, если не шалить с Ребенком как Ребенок?

... Мы с Пикой уехали в Москву. Прошло больше полугода. Позвонил Паата.

— Хочешь поговорить с Тамусики?

— Она уже говорит?.. Она помнит меня?..

И слышу в трубке любимый голос: Да-да-да-да...

Вот что значит стенты: они нужны человеку только для того, чтобы оставить добрую память о себе если не во всех детях, то хотя бы в сердце одного Ребенка.

Я спросил у Сердца:

— Все меня предупреждают: «Береги Сердце!»...

Как мне тебя беречь?

— Отходи от праздных мыслей,

праздных желаний и

праздных дел,

и я сослужу тебе до назначенного срока.

Естество Сердца

Сердце мое!

Были случаи, когда я действительно беспощадно обращаюсь с Тобой. Врачи правильно догадались насчет инфаркта. Вполне возможно, что однажды я действительно перенес его на ногах.

В лабораторию завезли книги. Пачки с улицы надо было доставить на второй этаж и аккуратно уложить в комнате. Рабочих, которые могли бы нам помочь, не было. Двое моих сотрудниц, вовсе не молодых, начали их таскать. Им было тяжело это делать. Тоже иду на улицу, загружаю себя пачками и иду наверх. Женщины забеспокоились.

— Вам не надо, мы сами, — говорят они.

Но я — мужчина, не могу иначе. Третий и четвертый раз я загрузил себя еще большим количеством пачек и иду по лестнице. Чувствую — мне очень тяжело. Чувствую, Сердце мое, как Ты напрягаешься. Мне трудно дышать и подавать Тебе воздух. Бросить книги и сесть на ступеньках лестницы тоже не хочу — еще несколько ступенек, и все.

И вдруг ощущаю сильную холодную боль: в Тебе, Сердце мое, что-то произошло. С этой болью я поднялся еще на несколько ступенек. Женщины ахнули:

— Зачем столько таскать!

Я аккуратно кладу пачки на место и сажусь на стул. Женщины говорят со мной, и я стараюсь не выдать себя.

Не тогда ли случилось то, о чем говорили врачи?

Может быть, вполне может быть.

Мог ли я тогда уберечь Тебя, Сердце мое?

Конечно, мог, если бы Ты разрешило мне закрыть глаза и не видеть, как женщинам трудно таскать тяжелые книги. Если по какой-либо ложной причине я оставил бы женщин одних, это тоже было бы против Твоих правил. Меня так воспитывали: уважать женщин, помогать им. Моя мужская гордость требовала от меня облегчить женщинам труд. Значит, есть в жизни обстоятельства, когда совесть, воспитанность превосходят возможности артерий твоего сердца.

Был потом еще один случай, который, может быть, стал, Сердце мое, причиной того, что произошло с Тобой.

Мы с Дмитрием Дмитриевичем Зуевым должны были ехать в Казань. Нина, дочка моя, взялась отвезти меня на Казанский вокзал. Но к ней пришла подружка. Она задержалась. А потом, когда я сказал, что опаздываю на поезд и лучше поеду на метро, она вдруг спохватилась, сказала, что тоже опаздывает: «Берите меня, это по пути». Так мы направились к машине. Но улица, которую она искала, оказалась вовсе не по пути.

Оставалось всего 15 минут до отправления поезда, но ее это не волновало. Тогда я попросил дочку высадить меня у ближайшего метро. Там начался мой марафон. С нелегким портфелем в руках я бежал по эскалатору то вниз, то вверх,

сделал две пересадки и когда, наконец, оказался на вокзале, последняя минута была на исходе. Перрон был пуст. Проводники стояли в дверях своих вагонов. На перроне стоял только один человек — Дмитрий Дмитриевич со своим чемоданчиком. Видимо, решил без меня не ехать и вышел из вагона. Увидев меня, закричал:

— Шалва, прыгай в любой вагон!

Но я бежал к нему, и уже на ходу он втоптал меня в поезд. Я еле добрался до купе, лег на койку и три часа не мог прийти в себя, набрать воздух, сказать слово.

О, Сердце мое, что Ты тогда пережило! Как будто какой-то дьявол сразу десятью иглами колол мне Сердце.

Милый мой Дмитрий Дмитриевич! Как он был взволнован и напуган, и с какой любовью заботился обо мне! Нашел важные таблетки и заставил меня их проглотить, говорил мне прекрасные и ласковые слова.

Сердце мое, Ты не ругаешь меня, что не пощадил тогда Тебя? Именно, не пощадил. Ибо мог же я заблаговременно сам уехать на вокзал: метро — надежный и быстрый транспорт. Ты же тревожило меня, подсказывало: «Выезжай из дома, не жди, когда уйдет подружка дочери, опоздаешь».

Но я не послушался Тебя.

Я понял, Сердце мое, понял поздно: темп Твоего ритмичного биения есть Твое естество, и если я буду принуждать Тебя биться быстрее за пределами Твоего естества, то причину Тебе непоправимый вред. Что и случилось, когда попытался Твой сорокапятиминутный темп уложить в пятнадцать минут.

Мне позвонили: другу плохо!

— Спешу... — волнуется Сердце.

Бегу, еле дышу, вот-вот упаду.

— Не останавливайся... — приказывает сердце.

— Но ты же колешь меня...

*— Ничего... Важно, чтобы
совесть не колола тебя до конца жизни...*

Мудрость смерти

Сердце мое,

давай вспомним, как к нам пришла Любовь, пришла сама.

Я гнался за воображаемой любовью, а настоящая сама меня нашла. Или, может быть, все было совсем по-другому, Тебе это лучше знать. Но мне доставляет радость вспоминать, как Любовь приоткрыла двери моего маленького кабинета и уселась передо мной.

До этого я влюблялся то в одну, то в другую, то в третью девушку. Обычно это происходило так: я оглядывался вокруг и в ближайшем пространстве обнаруживал красивую девушку. «Это — любовь», — говорил я и начинал ухаживать за ней, просил выйти за меня замуж. А она, как принято у грузинских девушек, начинала «кривляться». За это время я обнаруживал в себе, что любовь моя прошла и, чтобы не обманывать девушек, извинялся перед ними.

Бывало и так, что девушка сразу же наотрез отказывала мне. Я страдал, но спустя время, чувствовал, что все правильно: она не та, кого ищу. Потому я по сей день благодарен всем тем двум десяткам девушек, которые долго «кривлялись» или сразу отказывались стать моими половинками.

Были и попытки посватать меня за ту, у которой были состоятельные родители, люди именитые, с высокими должностями. Но это категорически противоречило моему пониманию любви и свободы.

Не от Тебя ли, Сердце мое, шло все это? Не Ты ли уведило меня, порой насильно, от воображаемого счастья? Конечно, Ты. До тех пор, пока не настало время.

Приехал из Кыргызстана гость. Мой директор, всеми уважаемый Гиви Трифонович, поручил мне достойно принять его. Я устроил гостю нужные встречи, поводил по улицам Тбилиси. А перед отъездом пригласил к себе домой. Мама накрыла на стол. Пришел и Гиви Трифонович. Мама впервые увидела моего начальника. Ужин прошел отлично. Как только гости ушли, между мамой и мной состоялся следующий диалог:

— Сынок, твой директор — прекрасный человек...

— Да, его любят и уважают, прошел всю войну...

— У него разве нет дочери?

— Не знаю, есть ли у него дети...

— Нет, обязательно будет у него дочь, воспитанная, умная, красивая...

— В чем дело, почему ты этим интересуешься?

— А ты не мог бы с ней познакомиться?

— Откуда ты вообразила, что у него есть дочь?

— Не знаю... Ты познакомься с ней...

— Зачем мне, мама, с ней знакомиться, к чему ты клонишь?

— А разве тебе непонятно?

— Ты хочешь, чтобы я женился на дочери своего директора? И чтобы люди говорили, как я карьеру себе устраиваю? Не бывать такому никогда...

— Сынок, не надо брыкаться... Мое сердце чувствует...

— Не хочу знать, что твое сердце чувствует... Прекратим этот разговор...

Мама обиделась, что я не дослушал ее. Я рос без отца, пробивался в жизни своим трудом. Так хотел и дальше жить. Старались сосватать меня с племянницей академика, важного человека, но я увильнул, а академик лишил меня своей милости. Жизнь усложнилась, но я принял вызов. Предлагали дочку богатого человека, партийного деятеля. Опять увильнул, и тоже не обошлось без последствий. А теперь мама заводит разговор о дочери моего непосредственного начальника. Пусть даже у него есть дочь, пусть даже самая красивая, но я лучше уйду из института, чем буду искать через жену покровителей. Такому не быть никогда!

Но Ты, Сердце мое, было заодно с сердцем матери.

Не знаю, как могло продолжаться ваше единение, ибо во мне вы бы нашли яростное сопротивление. Но случилось именно так, как говорится в мудрой пословице: «Не было бы счастья, да несчастье помогло».

Гиви Трифионович вскоре после встречи в моем доме неожиданно ушел из жизни. Человек прошел всю войну, был награжден многими орденами, среди которых есть и такой редкий, как орден Александра Невского. Был тяжело ранен. Но вот нелепый приступ аппендицита... В пятницу он почувствовал боль. Решил переждать выходные дни. Но в понедельник начался перитонит, и врачи не смогли его спасти.

В семье остались двое: жена и единственная дочь!

Оказывается, у него действительно была дочь! (О, Сердце матери!)

Она работала в школе учительницей. Друзья Гиви Трифоновича позаботились о ней — выделили должность научного сотрудника в НИИ, где отец ее был директором, а я — ученым секретарем. Вот и открылась дверь моего кабинета, и вошла она — Валерия Гивиевна Ниорадзе, одетая в черное. Я увидел ее впервые: худенькую, с заплаканными глазами, с каштановыми волосами до плеч, какую-то отрешенную. Я еще не знал, кто она. Она протянула мне папку. Я открываю ее и узнаю, что у меня в кабинете — дочь Гиви Трифоновича.

Сердце мое, Ты можешь сказать, что мы пережили уже с первого взгляда?

— Садитесь, пожалуйста... — говорю я, еще не веря, что ко мне пришла судьба.

Она садится. Мне надо что-то сказать, и я говорю:

— Какой у вас был удивительный отец... Мы все его очень любили...

Она заплакала.

Я не знал, что делать. Смотрел на плачущую девушку, и со мной происходило то, чему обратного хода не было — я влюблялся. Чувство это было другое, отличное от ранее пережитых. Мне очень хотелось подойти к ней, приласкать нежно, обнять, расцеловать ее мокрые от слез глаза, хотелось прижать к себе, успокоить... И я сделал бы все это, ибо Ты, Сердце мое, ликовало, чувства и желания эти шли от Тебя. «Вот она, к кому я тебя вело, для кого тебя оберегало, к кому вело тебя сердце матери»...

Я встал, подошел к ней и...

Но разум и воспитанность успели обуздать чувства.

И я только произнес:

— Не плачьте, пожалуйста...

Горе, которое несет радость!

Несчастье, которое рождает счастье!

Был бы жив Гиви Трифонович, не произошла бы эта встреча. А если все же произошла бы, разум мой охладил бы все чувства. И тогда не сбылось бы все то, чему было суждено произойти в последующие десятилетия. Ибо, как я сейчас вижу, всему тому причиной была она — плачущая в моем кабинете девушка, дочь ушедшего из жизни директора.

Нет, люди так просто не умирают. Смерть иных таит в себе особую мудрость — мудрость рождения судьбы других.

Не так ли, Сердце мое?

— Скажи мне, Сердце,
что есть судьба и где ее искать?

— Она есть оправдание предназначения,
а искать ее нужно во мне.

— Могу я ошибиться в поиске?

— Ты уже ошибся не раз.

— Чем чревата ошибка?

— Сокрушением на судьбы других людей —
близких и далеких,
знакомых и незнакомых,
настоящих и будущих...

- Могу поправить свою судьбу?
- Можешь, если осознаешь и захочешь.
- Дай мне совет.
- Ищи судьбу, но не упускай ее,
как бы она ни выглядела рядом с соблазнами...

Жизнь на волоске

Сердце мое,

кто еще лучше может ответить на вопрос: это правда, что наша жизнь висит на волоске?

Четыре или пять раз, по крайней мере, моя жизнь могла оборваться. Она могла прерваться еще в детстве, в 1942 году. Находясь в деревне, я умудрился, тайком от дедушки и бабушки, начинить дуло заржавевшего охотничьего ружья порохом и камнями, спрятаться в курятнике и взорвать его. Дуло разлетелось на мелкие осколки, и я почувствовал, как пролетели они мимо лица, моего тела и врезались в каменную стену. Все куры — десять или пятнадцать — разом были убиты, а я остался совсем невредимым.

Как это могло произойти?

Потом жизнь моя могла прерваться в пионерском лагере в Сурами, где я был пионервожатым. Я устроил детям соревнование в беге на сто метров и сам попробовал свои возможности. За сколько секунд пробежал я эту дистанцию — не знаю. Но когда добежал до финиша, на мое плечо откуда-то свалился огромный камень. Я упал, потеряв на несколько секунд сознание. Камень мог попасть в затылок, в лоб, в висок, в темя, и тогда, думаю, я бы не встал никогда. То, что я потерял сознание, никто не заметил, ибо, когда пионеры добежали до меня, я уже улыбался им, не показывая, какую

чувствовал страшную боль. Кто бросил в меня камень, я не стал выяснять. Наверное, это были местные ребята, которые смотрели на нас, сидя на стенах старинных развалин.

Позже произошла другая история. Мы с коллегами на поезде поехали в Цинандали для встречи с учителями и привезли с собой несколько пачек книг. Поезд стоял всего две минуты. Пачки быстро выгрузили и бросили прямо у колес вагона. Поезд тронулся. Но я не дождался, когда отъедет состав, и начал перекладывать пачки подальше от вагона. Я нагнулся, чтобы поднять еще две пачки, и в это мгновение мимо моего виска пролетела ступенька вагона (у тогдашних вагонов ступеньки находились снаружи), задев мою шевелюру. Я сразу понял: спасся, но могло все закончиться мгновенно. Почему ступенька вагона уже мчавшегося поезда не врезалась мне в висок, что ей помешало? Что помешало мне склониться к своему грузу на два миллиметра ближе?

Вот еще одна история. Мы с моим сынишкой Паатой (ему было тогда пять лет) отправились в продовольственный магазин по поручению Валерии — Пики. Нам нужно было перейти через проспект Важа Пшавела. Мы шли весело, но внимательно проверяли нашу безопасность: дождавшись прекращения потока машин, мы поспешили пересечь улицу. Были уже в середине пути, когда вдруг буквально у наших ног грохнулась бутылка шампанского. Видимо, она была полная, потому разорвалась как бомба, и осколки с шампанским брызнули нам в лицо, на одежду. Я быстро отбросил сына назад и взглянул на девятиэтажный дом. Окна были открыты на седьмом и девятом этажах. Оттуда слыша-

лись грубая музыка и крики. Значит, бутылку выбросили из этих окон. Целились в нас или бросили неоткрытую бутылку просто так, не думая ни о чем? Точно знаю только одно: нас спасли доли секунды и несколько сантиметров. Могла произойти трагедия с сыном или со мной. Мне и сейчас тяжело вспоминать это жуткое мгновение.

Могу припомнить еще несколько таких случаев, и все они станут подтверждением того, что жизнь моя не раз висела на волоске, и спасался я каждый раз чудом.

Сердце мое, объясни мне это!

Я понимаю, что складываются обстоятельства, в силу которых возникает опасность. Но складываются и другие обстоятельства, которые отводят в последнее мгновение эту опасность, и происходит чудо. Но разве это объяснение?

Любая случайность имеет причину. Скажи мне, Сердце мое, каковы были причины моих опасных случайностей, и каковы были причины чуда, спасавшие меня от опасностей? Ты ведь знаешь все причины и их последствия, Сердце мое?

— Сердце мое, это правда, что у каждого есть свой Ангел Хранитель?

— Да, и у тебя тоже.

— Но я его ни разу не видел!

— Сколько раз твоя жизнь висела на волоске?

— Много раз...

— Но остался в живых?

— Да, чудом...

— А кто свершал чудеса в твоей жизни?

— Это мой Ангел Хранитель?!

— Он и сейчас рядом с тобой и оберегает тебя.

Улыбнись ему, люби его.

У него сложный труд...

Вера в Истине и Истина в Вере

Сердце мое,

только Ты можешь подтвердить действительность того, что произошло с нами и только один единственный раз. Это не был обычный сон, а было это что-то совсем другое.

Начитавшись некоторых книг, я решил провести один эксперимент: войти в сон с волевым сознанием. Это выглядело так: ты устраиваешься в постели, ждешь наступления сна и не должен упустить тот миг, когда сон унесет тебя, то есть сознание и воля отключаются, и ты впадаешь в «небытие»; ты должен пройти, проскользнуть через этот миг, сохранив волевое сознание. Говоря иначе, ты знаешь, что находишься во сне и можешь выйти из него в любой момент по своей воле.

После многих неудач, — ибо караулить миг наступления сна невероятно сложно, — мне удалось пережить очень странное для новичка ощущение. Передо мной открылось необыкновенного цвета синее море, в которое я сам был погружен. И «услышал» сзади голос: «Лети!». И я полетел. Увидел высокие горы, а потом ущелье. Горы стояли, как скалистые стены. В них я увидел неприступные пещеры. Невидимый Водитель направлял мое движение. Я влетел в одну из пещер. В ней стояли странные аппараты, какие-то зеркала. У аппаратов находились люди, их я тоже видел. Но «уви-

дел» еще несколько невидимых людей, они тоже работали у аппаратов. Сквозь скалы я влетаю в другую пещеру. Там тоже стоят разные аппараты, ими заняты невидимые люди. Через скалу влетаю в третью пещеру, это огромная библиотека. Хотя в каждой пещере нахожусь всего несколько мгновений, но вижу все ясно, «слышу» объяснения. Наконец, мне велено покинуть пещеры. Я вылетаю наружу и еще раз оглядываю высокую скалистую гору с пещерами, смотрю на ущелье. Далее лечу обратно и опять погружаюсь в синее море. Знаю, что вернулся домой и лежу в постели, но открывать глаза не хочется, размышляю об увиденном и пережитом.

Чем Ты тогда наполнялось, Сердце мое?

Верой и восхищением!

На протяжении всего этого чудного «путешествия» сознание того, что я во сне и могу выйти из него, не покидало меня. Я открываю глаза, сажусь за столом и записываю то, что увидел и пережил. Был бы художником, нарисовал бы целую серию картин: горы с пещерами и все, что увидел в пещерах. Утром рассказываю о своем путешествии Пике. Она внимательно слушает, но верит мне или нет, не знаю.

Сердце мое, помнишь, какое это имело продолжение?

Оно было такое. Мы с Валерией Гивиевной находились в Нижнем Новгороде, проводили семинар со студентами педагогического университета и учителями города. В последний день семинара (это было 4 ноября 1994 года) я спросил у своих милых коллег, есть ли какие-либо картины Рерихов в городском музее искусств.

— Есть, — сказали мне и спросили, — вы хотели бы их видеть?

Я сказал, что да, но они забеспокоились:

— Уже семь часов, музей закрыт.

— Ну что же, как-нибудь в следующий раз, — успокоил я коллег.

Чуть позже подошла еще одна сотрудница кафедры, и, узнав о моем желании, сказала:

— Если вы действительно хотите посмотреть картины Николая Рериха, музей откроем.

Я удивился: как можно открыть музей, если он закрыт?

Но нас пустили в музей через черный ход и повели в тот зал, где были выставлены семь или десять картин художника. Включили освещение. Коллега оказалась прекрасным знатоком искусства вообще и этих картин, в частности. Она разбирала каждую картину, объясняла их смысл. Мои глаза скользили от картины к картине и остановились на одной из них.

Что это такое? Моему удивлению не было предела: на картине я видел то самое ущелье, те самые скалистые высокие горы с пещерами, что и в том необычном сне. Я шепнула Валерии Гивиевне: «Помнишь, рассказывал о пещерах? Вот они... Послушаем, что она об этой картине скажет!». Когда дело дошло до нее, наша коллега сказала о том, о чем я уже знал. Сказала, что в этих пещерах, по преданию легенд, находится уникальная аппаратура и зеркала, с помощью которых Высшие Существа изучают Землю, людей, Космос, направляют энергии...

Сердце мое, как Ты тогда трепетало, радовалось!

Вера наша стала непоколебимой. Пусть скажут нам сто раз, что это — случайное совпадение. Мы, Сердце мое, не будем никому ничего доказывать, не будем возмущаться, что нам не верят. И, вообще, зачем об этом каждому рассказывать? У нас есть вера, закреплённая истиной, и пусть она сделает нас чуть лучше.

Входить в сон с волевым сознанием я больше не пробовал, не занимался этим делом, если только само собой не происходило нечто подобное. Скажем, 29 февраля 1996 года, находясь в Лос-Анжелесе, в гостинице перед сном я рассматривал книгу, а потом закрыл глаза для обычного сна. Но вскоре меня что-то вывело из сна. Ты, Сердце мое, стучало громче и с какой-то странной частотой, быстро. Я знал, что не надо открывать глаза, и постепенно погрузился в светло-фиолетовое море. Какое это было прекрасное ощущение! Я чувствовал, что какая-то сила старается увести меня вглубь моря. Некоторое время я шел за ней, потом остановился.

— Дальше не надо.

— Почему?

— Боюсь.

— Не бойся

— Боюсь.

— Как хочешь, воля твоя.

Еще некоторое время я блаженствовал, оставаясь погруженным в фиолетовое море. Но море скоро отступило, и я вернулся в обычное состояние. Я встал и записал о пережитом.

И Ты, Сердце мое, упрекнуло меня: надо было следовать зову. Ты дало мне наказ: сжечь в себе всякие страхи. Я стараюсь.

Если кто спросит нас, чем силен человек, у нас с Тобой, Сердце мое, есть ответ: не знаниями о законах внешнего мира, — от клетки до космических далей, — а той крохотной Истиной, которая открывается ему в духе и вселяется в веру. Вера в Истине и Истина в Вере, — в этом источник силы духа человека.

Обратился я к Сердцу своему,

как ученик к Конфуцию:

— Дай мне жизненный совет!

Сказало мне сердце:

— Настраивай чувства как струны арфы

и играй на них музыку разума...

— И что это будет?

— Твое бытие станет жизнью...

Образ орла

В том же Лос-Анжелесе нам разрешили купить вещи в студенческом супермаркете. Там для студентов все продавалось по заниженным ценам. У ювелирного отдела я заметил необычно красивый перстень и долго его рассматривал. Он из золота, массивный. По бокам украшен виноградными листьями, а в центре, на фоне черного камня, красуется орел с раскрытыми крыльями. Ты, Сердце мое, не помешано на украшениях, тем не менее, принудило купить его. «Хорошо, — согласился я, — куплю для зятя».

Но перстень оказался ему мал, а на мой средний палец был как раз. Так перстень достался мне. Это как в грузинской пословице:

«Старался для тебя, но получилось для меня».

С тех пор я ношу его на среднем пальце правой руки.

Учителя, студенты часто спрашивают: что изображено на перстне, и что оно означает. Да, изображение на перстне приняло для меня особый смысл. Ты, Сердце мое, знало с самого начала, что мне нужен будет именно этот перстень. В изображении орла смысл моего совершенствования, и перстень служит постоянным напоминанием. Я приучил себя, чтобы каждое утро, надевая перстень, и каждый раз, глядя на него в течение дня, во мне звучало напоминание, а перед сном, снимая его, задумывался бы о том, насколько я выдер-

жал смысл моего символа. А его подсказало Ты, Сердце мое. Ты шепнуло мне: «Учись трем вещам у орла — высоте полета, зоркости и бесстрашию».

Это Ты, Сердце мое, внушило мне мудрость: возможности, дающиеся для совершенствования, не повторяются, потому дух твой крепнет, если чуешь их и пользуешься ими, но слабеет, если упускаешь их. Однако каково бывает мне, когда перед сном Ты шепчешь: «Сегодня упущена возможность».

Легко ли научиться качествам орла?

Мне трудно, но я стараюсь.

Спросил я у сердца:

*— Можешь открыть мне
самое сокровенное твое желание?*

Ответило мне Сердце:

*— Чтобы мудрость моя воцарилась
на троне разума твоего...*

Зачем любовь, если она не устремляет к совершенству

Сердце мое!

Голос Твой — чудный и прекрасный!

Всегда, всегда, внимая Твоему голосу и следуя ему, если не сразу, то позже я видел, какую заботливую и мудрую помощь Ты мне прислало. Могу представить, сколько же я упустил возможностей в преуспейнии и совершенствовании, когда оставался глухим к Тебе. Винить ли в этом внешний мир, который втягивал меня в свои кишачие события, или искать причину в слабости моих чувств и умении слышать Тебя и слушаться.

Вот стал я студентом. И что же нужно первым делом делать?

Конечно, учиться.

Но есть еще и другое, распространенное среди студентов: надо начинать курить, если не занимался этим еще в школе, будучи в третьем, пятом или седьмом классе. Все курят, кури тоже, ты ведь уже взрослый и самостоятельный, докажи это другим! Так ложное понимание взрослости и свободы, а также провоцирующая среда затмили во мне свет. Ты, Сердце мое, помню, отчаянно старалось достучаться до моего разума, но безуспешно. Я гордо доставал из кар-

мана новую пачку сигарет, протягивал другим, закуривал сам и вел «важную» болтовню с однокурсниками. Никто из них не говорил мне: «Не делай этого!». Многие из них тоже утверждали таким образом свою взрослость. Только один фронтовик-подводник, с протезом на правой ноге, мой однокурсник Андро, спросил меня:

— Ты раньше курил?

— Нет, — ответил я.

— А зачем же сейчас начал курить?

— Так... все курят.

Тогда он сделал следующее: швырнул свою недокуренную сигарету в унитаз (дело было в туалетной комнате университета), молниеносно скрутил мне обе руки и начал бить по заду протезом. Он не шутил, и мне было больно.

— Отпусти... — кричал я.

А он, избивая меня, приговаривал:

— Увижу тебя с сигаретой, убью... Понял?

Я дергался, но подводник был более ловким и сильным.

— Понял?.. Понял?.. — угрожал он мне, ударяя протезом. И я был вынужден выдохнуть:

— Да-да, понял... Отпусти...

Он забрал мою пачку дорогих сигарет, тоже отправил её в унитаз и еще раз пригрозил:

— Я буду следить за тобой.

Не Ты ли подослало его ко мне, Сердце мое?

Я испугался его, отрезвел и бросил курить с того же дня.

Прошли годы. Мне понравилась девушка. Но она не проявила ко мне особых чувств. Тогда мама ее, которая стара-

лась склонить дочку в пользу меня, доверила мне тайну: ей, видите ли, нравились парни курящие, умеющие курить красиво. Я опять начал курить, старался научиться элегантно курить, чтобы понравиться ей.

Чувствовал, Сердце мое, как Ты тогда возмущалось, подавало голос, знаки, что она — не моя судьба, и курить из-за нее не стоит.

И однажды я услышал Твой голос. Это был сон об отце, погибшем на войне в 1942 году. Я проснулся, а во мне пробудилась память, как однажды, будучи четырех-пяти лет, я скрутил бумагу и положил в рот, как будто выкуриваю папироску. «Пап, смотри», — сказал отцу, желая показать, как я подражаю взрослым. Отец был некурящим. Он строго посмотрел на меня и предупредил: «Не смей больше этого делать!». Грустные воспоминания взволновали меня. А Ты, Сердце мое, видимо, этого и ждало: «Девушка, которая толкает тебя к дурным привычкам, не сможет по-настоящему любить тебя, и твоей любви тоже не стоит», — шепнуло Ты мне.

Я послушался Тебя, Сердце мое: бросил курить навсегда и отдалился от той девушки. «Действительно, — подумал я тогда, — если кто полюбит меня, пусть полюбит таким, какой я есть, а дальше пусть поможет своей любовью сделать меня лучше. Иначе зачем любовь, если она не устремляет к совершенству!».

Спросил я у Сердца:

*— Что ты хочешь сказать мне мыслями,
которые внушаешь постоянно:*

«Вера есть предчувствие знания.

Надежда есть крылья духа.

Любовь есть Истина».

Ответило мне сердце:

*— Сложи эти слагаемые,
и в сумме получишь стрелку,
которая укажет тебе Путь в Жизни.*

Вера

Можно ли жить без веры, Сердце мое?

«Нам нельзя, — говоришь Ты мне, — мы уже не можем, ибо открыли в себе свою Истину».

Какое это прекрасное, могущественное, созидательное состояние духа — верить!

«Вера есть предчувствие знания», — читаю я в одном источнике.

«Вера есть Вечный Свет, Ведущий Свет, Принятие Истины», — читаю в другом.

«Вера есть природное чувство», — читаю в третьем.

От себя скажу: Вера есть устремленность к Творцу. Она открывает человеку Путь к восхождению, делает его могущественным, вселяет в него смысл и радость жизни.

Мне было тогда семь лет, а сестре — годик, когда мама и бабушка повели нас в Цинандальскую Церковь, чтобы крестить. Все прекрасно помню. Повели нас «тайком» от отца. Он был коммунистом, для него было опасно крестить своих детей, поэтому он якобы не знал об этом.

Батюшка прочел молитвы, провел нужные обряды, и когда сестренку окунули в воду, она заплакала и рученками крепко вцепилась в бороду священника. После крещения мама предупредила меня: «Не говори об этом никому».

Стал ли я тогда, после крещения, верующим православным христианином, Сердце мое?

Нет. Это свершение нас с Тобой ждало впереди. Школа и жизнь делали все, чтобы отвести меня от веры, воспитать во мне веру в неверие. Так воспитывался весь народ, — время было такое.

Когда я бывал в Бушети (обычно во время школьных каникул), бабушка по вечерам перед сном садилась у изголовья и начинала читать мне молитвы. Будучи пионером и комсомольцем, я смеялся над молитвами бабушки. «Нет Бога, бабушка», — говорил я. Она спокойно отвечала: «Сынок, не говори так, Бог есть, Он тебя любит». Молитвы бабушки до сих пор звучат во мне, убажывая душу. В них я чувствовал чистую, преданную, безграничную любовь бабушки и, может быть, самого Бога.

Прошли десятилетия.

Бабушкины молитвы, как семена, начали прорасти во мне. С конца 60-х годов я увлекся чтением Библии, особенно же — Нового Завета. В Новом Завете я нашел подтверждение своей Истины, а также истоки для своей гуманной педагогики. Я стал верующим. Но не воцерковленным, а в душе, в сердце своем. Я люблю молиться, люблю размышлять о Боге, безгранично восхищен Природой и Звездным Небом. Все, что меня окружает и есть во мне самом, вся высшая разумность во всем естественном — для меня объяснимы только через Волю Бога.

Я не религиозный фанат и не стал религиозным педагогом. Я — светский педагог. Светскими педагогами и мысли-

телями были классики мировой педагогики: Квинтилиан, Коменский, Песталоцци, Ушинский, однако были они искренне верующими, и их вера отразилась на глубинных основах их учений.

Люблю ходить в церковь, особенно когда там мало народу, постоять в центре и молиться в душе. Не оправдываю действия, свершающиеся в храме. Они мне не всегда понятны. Знаю, что часть из них досталась христианству от язычества, часть же была сотворена самой церковью. Стоять в храме четыре-пять часов и смотреть на театрализованные действия, связанные с разными торжествами, не вызывают во мне возвышенных религиозных чувств, хотя зрелища интересные.

Отношение к религиозным деятелям у меня почтенное, но смущает какой-то гонор у части священников, которые, общаясь с верующими, почему-то стремятся продемонстрировать якобы превосходство над ними, чем следовать заповеди Христа: «Больший из вас да будет вам слуга: ибо кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится». Такие священники ведут себя, как будто только что получили наставления от самого Господа Бога, спешат возвеличить себя и не хотят дожидаться, когда сами люди, видя их дела, возвеличат их. Вот с такими священниками чувствую себя неуютно.

Но знаю и таких, которые, как мне представляется, действительно Божьи Люди: внимательные, чуткие, сострадательные, любящие, мудрые и, конечно же, скромные. Они никогда не навязывают ничего, просто несут Слово Господа,

несут красиво, с любовью, и дарят каждому, кто его примет. С ними я сам чувствую их превосходство и стремлюсь получить от них благословение.

Не могу понять, почему церковная власть то и дело осуждает тех или иных деятелей, отлучает кого-то от церкви, предаёт кого-то анафеме; почему требует от светских властей, чтобы те приняли меры против неудобных и неугодных церкви людей. Как иные служители церкви могут писать доносы, распространять заведомо ложные оценки? О ком же тогда сказано: «Не судите да не судимы будете», или «Не лжесвидетельствуй»?

Не могу понять разобщенность внутри церкви, тогда как разобщенности внутри Учения Христа нет. Даже сказано: «Всякое царство, разделившееся само в себе, разрушится; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит».

Многое ещё я не могу понять.

Мы с Тобой, Сердце мое, знаем свою Истину — она в нашей Вере. Она у нас крепкая и неувыдаемая. Из нее черпаем мы с Тобой, Сердце мое, смысл нашей жизни.

— *Сердце мое, хочу,
чтобы в тебе царствовала чистота...*

— *Ты хозяин в доме,
бери метлу и выметай весь мусор.*

— *Какую метлу?*

— *Волю.*

Пусть будет в Сердце моём чистота

Сердце моё,
я придумал урок о Тебе: он называется «Сердцеведение». Люблю дарить его учителям на каждом моём семинаре, чтобы они потом подарили его своим ученикам. Когда творю его прямо на сцене с участием моих коллег, вижу, как они погружаются в свой внутренний мир, и с ними происходит что-то важное. То же самое переживаю и я.

Вначале предлагаю им мысли, которые могут направить наши размышления:

«Вся жизнь проходит через Сердце».

«Источник богатств, духовных и материальных, есть Сердце».

«Где сокровища человека, там и будет Сердце его».

«Солнце всех солнц есть Сердце».

«Добрый человек из доброго сокровища Сердца своего выносит доброе».

Свои непринужденные рассуждения мы ведём вокруг трёх вопросов: сперва — «Что есть Сердце?», потом — «Как облагораживать Сердце?» и, наконец, — «Заглянем в своё Сердце».

В поиске ответов на них мы составляем словарь речевых выражений о Сердце и видим, что в них Сердце мыслится

как особая сущность в нашем организме: оно умеет думать, предвидеть, предсказывать, подсказывать, требовать, запрещать, звать, предостерегать; в нём чувствознание, оно принимает Весть и стремится сделать каждого из нас человеком совести; в нём живут Вера, Надежда, Любовь, Мудрость; Доброта, Сорадость, Сострадание; оно есть дом Духа; из него исходят живительные тепло и свет; оно хранит тайны судьбы человека. Но сердце бывает и другое: злое, тёмное, жестокое, равнодушное, ледяное, предательское, завистливое...

В осознании сути Сердца помогают притчи.

К мудрецу пришёл царевич и говорит:

— Научи меня управлять государством.

Мудрец отвечает:

— Охотно, но для начала назначу тебя правителем своего Сердца. Если осилишь это царство, приходи и дам тебе совет.

Следующая притча.

Ученик приходит к Конфуцию.

— Учитель, дай мне жизненный совет.

— Постись, и дам тебе совет, — отвечает Конфуций.

— Я из бедной семьи, Учитель. Вот уже два месяца не ем мяса и не пил вина. Это же пост? Дай совет! — не отступал ученик.

— Так постятся перед торжественным жертвоприношением.

А я говорю тебе о посте Сердца.

Ученик задумался, потом спросил:

— Учитель, скажи мне, что есть пост Сердца?

— Пусть будет в Сердце твоём чистота. Приди, и я дам тебе совет... — ответил Конфуций.

Потом мы познаём могущество любви Сердца и читаем гимн о Любви из Нового Завета.

Делаем выводы по каждому обсуждаемому вопросу:

«Сердце есть Свыше действующий орган».

«Нужно дать Сердцу постоянную работу».

«Пусть будет в Сердце моём чистота».

Стоит ли откладывать совершенствование, очищение своего Сердца на потом? Решаем, что лучше заняться этим сразу. Каждый на клочке бумаги записывает те свои нежелательные привычки и свойства, которые мешают ему иметь Сердце в чистоте и от которых найдёт в себе волю освободиться. Мы собираем эти сорняки Сердца и сжигаем их. Среди них сгорают и мои сорняки. Пылает костёр.

Лица моих коллег светлеют. Светлеет моё лицо тоже, Сердце моё. Очищается от сорняков мой огород, их становится всё меньше и меньше.

Урок заканчивается. А может быть, начинается, ибо работа на огороде — дело долгое.

Спросил я у сердца:

— С чем тебя сравнить?

— С дровами: дрова горят

и дарят тебе свет и тепло...

— И что же от тебя останется — зола?

— Зола будет остатком твоих недостойных мыслей, которые я сожгу, а в тебе оставлю свет и тепло...

СМЫСЛ ЖИЗНИ

Надо ли, Сердце моё, говорить вслух о своём Смысле Жизни?

Может быть, он есть такая сокровенная тайна, которую следует запрятать в самые потаённые уголки Твои?

Нет, прятать его от других мы не будем. Но и не станем кичиться перед каждым своим Смыслом Жизни. Мы скажем о нём тихо, и если кто захочет, услышит, кому же он не нужен, пройдёт мимо.

Мой Смысл Жизни мне достался с трудом, и я не раз спотыкался в его поисках.

Было время, когда я вовсе не задумывался о Смысле Жизни, моё подсознание Смыслом Жизни принимало саму Жизнь.

Смысл Жизни я видел в мелких целях и устремлениях, и испытывал разочарования, когда они загоняли меня в тупик.

Но Ты, Сердце моё, знало, где я должен был искать сокровище своё. Однако я не всегда прислушивался к Твоему голосу и жалею об этом. Спасибо Тебе, что несмотря ни на что, Ты не отступало от меня и, в конце концов, достигло своего. Могу сказать, что помогало Тебе влиять на меня: во мне не было злобы и зависти, я не искал материальных благ, меня не подавляло чувство собственности, натура у меня была добрая, в душе гнездилась потребность к самопозна-

нию. Но вот досада: часто поддавался я обстоятельствам текущей жизни, которые будили во мне мелкие желания и забрасывали в моё сознание нечистые мысли.

Со временем я разобрался.

Ты, Сердце моё, как Солнце: разогнало пасмурность моего сознания и показало Свет.

Я понял, что Смысл Жизни, а не жизнь, есть причина моего существования на Земле. Он есть родитель всего, чем я живу. Он есть ответ на все мои мысли, на мои устремления, дела, заботы. Он есть творец жемчужины моей каждодневности.

Истинный Смысл Жизни ведет человека только к Свету. Но мнимый смысл жизни может повести его к тьме.

Наша свободная воля, Сердце моё, выбрала путь к Свету, путь к Богу — Творцу.

Этот выбор наполнил всё моё земное бытиё особым содержанием. Я нашёл для себя ответы на многие философские вопросы.

Когда, будучи аспирантом, читал я об этом у Коменского, моё тогдашнее материалистическое сознание возмущалось. Но время, опыт, размышления, внутренний голос унесли мои заблуждения, и я понял: земная Жизнь есть путь к Жизни Духовной, Вечной, Беспредельной.

Смысл моей Жизни на Земле — готовиться к Жизни Вечной. А для этого нужно: направить свои мысли к Высшему, Прекрасному; возвышать свои чувства, желания, устремления; все дела, всю свою деятельность подчинить цели совершенствования Духа.

Теперь зову все свои силы: Волю, Сознание, Подсознание, Чувства, Переживания, Мудрость, Творчество, Веру, Надежду, Любовь, — и вручаю эту армию Тебе, Сердце моё! Возглавь её, и дай мне верно исполнить Смысл моей Жизни. Ты же само знаешь, Сердце моё, надо спешить!

Спросил я у Сердца:

*— Видишь, сколько я делаю добра,
ты это запоминаешь?*

*— Нет, я стираю эти мысли, чтобы в памяти
и следа от них не осталось...*

— Почему?

*— Запоминать добро, чтобы вспоминать о нем —
пища для гордыни.*

*А чтобы напоминать о нем другим —
граничит со злом.*

Добро любит быть как майский дождь.

Мудрость недоразумения

Сердце моё,
спрашиваю у Тебя: может ли быть такое, что возникшее в жизни человека недоразумение или нелепость становилось бы в действительности мудрой причиной для важных последствий? Спрошу по-другому: что провоцирует недоразумение, возникшее в настоящем — ошибка прошлого или необходимость будущего?

Моё чувствознание, идущее от Тебя, сообщает мне: настоящее есть детище прошлого и будущего, потому недоразумения и нелепость есть способы осмысления, изменения, переустройства жизни. Какими бы горькими ни были недоразумения, возникшие в настоящем, в будущем они будут оправданы. Только надо понять закон: прошлое плетёт недоразумения и нелепости по заказу будущего.

А теперь вспомним, Сердце моё, историю одного недоразумения-нелепости по заказу будущего.

Я сдал документы на оформление российского гражданства. Сказали: ждите три месяца, а в грузинском паспорте записали московскую регистрацию и прописку.

Мы готовились к отъезду в Грузию на лето, потому я спросил у начальника милиции — нужна ли будет мне российская виза при возвращении обратно. Он мне сказал определённо: «У вас есть регистрация и прописка в паспорте, никакая другая виза вам не нужна».

Мы спокойно поехали на родину 31 мая 2005 года. А пятого сентября прилетели обратно в аэропорт Домодедово.

Вот мы — Валерия Гивиевна, наш внук Сандрик и я — стоим в очереди у паспортного контроля. Сандрик прошёл первым. Подошла Валерия Гивиевна, подала паспорт. Проверили, тоже пропустили.

Теперь подаю паспорт я. Человек в погонах долго рассматривает мой паспорт. Потом выходит из кабины и уводит меня в отдельную комнату.

— У вас нет визы, — говорит он и передаёт паспорт другому.

— У меня есть прописка, регистрация, вид на жительство. Я подал документы на получение гражданства. Мне сказали, что никакой другой визы не нужно, — объясняю я.

— Кто вам сказал?

— Начальник милиции Замоскворецкого района.

В общем, ничего не получилось. Они твердили своё и чем-то меня пугали.

— Что мне делать? — спрашиваю.

— Депортировать будем. Авиакомпания (Сибирская) допустила оплошность, она будет оштрафована. Следующий рейс в Тбилиси этой авиакомпании будет послезавтра. Вот и полетите обратно.

Как я ни объяснял, ничего не получилось.

Их было несколько молодых девушек и парней, все в погонах. Они грубили, держали при себе какой-то секрет, говорили, что оштрафуют меня, делали какие-то намёки.

Пика с Сандриком и Ниной (дочкой, которая встретила нас), не могли понять, в чём дело. Им никто ничего не объясняет, мне не дают возможности поговорить с ними. Мой мобильник, как назло, заглох. Я чувствую себя как злостный правонарушитель, как за решёткой. Шло время.

Пришёл какой-то начальник. Обращаюсь к нему. Он даже не желает разбираться в деле.

Я точно знаю, что это произвол, ущемление всех моих прав. Они тоже знают это. Я не могу сказать им, что понял их намёк — сколько нужно? А они этого ждут, но осторожничают.

Я поворачиваюсь к стене, молюсь, прощаю всех устройств этого произвола. «Ну что же, они делают своё дело», — говорю самому себе.

— Вы собираетесь отправить меня обратно? — спрашиваю.

— Да, будем депортировать послезавтра, — отвечает один из них.

— А если уехать завтра же утром?

— Тогда вам придётся лететь другой авиакомпанией за свой счёт...

— Хорошо, я готов завтра же первым рейсом лететь обратно за свой счёт. Могу взять обратный билет?

Все трое с удивлением смотрят на меня.

— Вы хотите вернуться за свой счёт?

— Это что, запрещается?

— Нет, но вам нужно пройти в кассу.

— Дайте мне пройти в кассу.

— Но касса за паспортным контролем.

— Проведите меня.

Им это очень не хочется делать. Один из них говорит:

— Ну, хорошо, пошли, это будет стоить вам много денег...

Сопровождающий ведёт меня к авиакассам, боится, что ли, что я сбегу?

Я встречаюсь там со своими и объясняю, в чём дело. У дочери оказались деньги. Я пересчитываю укассам нужную сумму. Сопровождающий смотрит на деньги и с досадой говорит:

— Сколько денег вы платите... Зря... Могли бесплатно... Могли бы по-другому...

— Как по-другому? — спрашиваю.

— А вы разве не поняли?

— Я не понимаю, скажите...

Он молчит. Я беру билеты туда и обратно, прощаюсь с родными как заключённый. Они ждали развязки этого нелепого состояния семь часов. Сопровождающий, точнее, конвой, повёл меня обратно и оставил в зале вылета.

— Здесь дождётесь утра, — сказал он мне, как бы называя.

Там я и провёл всю ночь.

Недоразумение, нелепость, дурацкое положение, абсурд...

Как по-другому можно назвать эту ситуацию?

Она ещё и криминальная, но не с моей стороны, а со стороны служащих паспортного контроля.

Мой мобильник включился. Из Тбилиси звонит сын Пата, потом сестра Натела, потом племянник Гиви. Звонит

Пика... Все волнуются, всех успокаиваю. Ничего, говорю, эту ночь переживу, а потом Валерия позаботится, чтобы университет, где я работаю, срочно выслал визу.

Недоразумение! Но кто его породил?

Может быть, начальнику милиции я задал неправильный вопрос, или он дал мне неправильный ответ, или я ослышался? Получается, сплелось это недоразумение-нелепость в прошлом, в конце мая, когда мы готовились к отъезду?

В первые два-три часа моей изоляции я так и думал и винил себя за свою оплошность. Но потом во мне всё преобразилось и сложилась другая философия.

В руках у меня остался портфель, где лежали компьютер и рукопись незавершённой книги «Рука ведущая». Я не смог закончить рукопись в деревне, так как не мог найти финал — как завершить историю с мальчиком. Я всё ждал, что вот-вот прилетит ко мне Муза и принесёт весть. Но этого не произошло.

Грустно шагая по залу вылета, я наблюдал за большой группой евреев. Они — мужчины в шляпах, с длинными двумя локонами — шумели, играли с детьми, тех тоже было много. Но вдруг все уединились по углам, стали лицом к стене, достали молитвенники и начали молиться.

Я тоже шепнул сам себе: «Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твоё...».

И чувствую, как сильно хочется мне уединиться и писать.

К счастью, евреи уже пошли на посадку, зал совсем опустел.

Временно, до утра, полёты прекратились, буфет закрылся. Я сел в кресло, достал рукопись и, не думая о сло-

вах, о том, что и в какой последовательности писать, начал быстро-быстро переносить на бумагу всё, что само собой приходило в голову.

Я был на Седьмом Небе, я блаженствовал. Радовался не тому, что пришла мысль, пришёл долгожданный финал книги. Это было уже не важно. Радовался тому состоянию духа, которое иначе как блаженством не назовёшь.

Я не хотел, чтобы оно кончалось.

Только раз за ночь отвлёк меня шум: двое из паспортного контроля, один из которых сопровождал меня при покупке билета, подошли к автомату с пивом, напитками, сникерсами и чипсами. Только им ведомым тайным способом они открыли дверцу и достали оттуда несколько баночек и брикеты с лакомствами. Так я стал свидетелем взлома и ограбления автомата служащими паспортного контроля, но это не произвело на меня никакого впечатления. Они быстро сделали своё дело и удалились.

Рука моя с авторучкой как будто пританцовывали над бумагой самый головокружительный грузинский танец. По мере того, как раскрывались передо мной образы, ставшие содержанием последних страниц книги, и по мере того, с какой непринуждённостью слагались строки, я всё дальше отлучался от окружающей действительности. В этом разгаре «танца» я вдруг почувствовал, что голова моя начала дёргаться, а рука высоко подпрыгивать. «Контузия у меня, что ли?», — подумал я и испугался, что не смогу дописать. Напряг шею, чтобы принудить голову не отвлекаться, левой рукой задержал прыгающую правую и прижал к бумаге, чтобы

она продолжала писать. И хотя голова и рука то и дело синхронно вздрагивали и вырывались из ритма, я всё же продолжал, не обращая внимания на то, что что-то во мне может вот-вот нарушиться.

К семи часам утра объявили посадку.

В тбилисском аэропорту меня встретил сын Паата и отвёз в деревню Бушети.

Визу Валерия Гивиевна не смогла оформить сразу, и недоразумение начало усугубляться.

Но я понимал уже, что это к лучшему. Московские дела приостановились. Но зато в спокойной творческой атмосфере я три раза правил и переписывал книгу. Закончил её, вышел во двор, чтобы взглянуть на Кавказские горы. Потянулся к ветвям инжира, сорвал сочные плоды... В это время приезжает Паата с сообщением, что я получил визу.

Сколько дней ушло на это нелепое недоразумение?

33 дня и не больше — столько, сколько нужно было для полной подготовки книги к печати.

Возвращаюсь в Москву 3 октября и сразу окунаюсь в другую жизнь, которая, конечно, не дала бы мне возможности проследить судьбу героев моей, ставшей любимой, книги — «Рука ведущая».

На моём столе лежит пачка писем и бандеролей. Среди них обнаруживаю письмо от особых органов. В нём официальное сообщение о том, что мне дано российское гражданство. То есть, я уже был гражданином России, когда меня не пустили в Москву служащие паспортного контроля, а депортировали.

Начальник милиции, к которому я пошёл оформлять паспорт и заодно рассказать о случившемся, возмутился и воскликнул: «Они что, совсем охренели... Подайте на них в суд за моральный ущерб. Я выступлю свидетелем».

В суд я не подал, даже поблагодарил их в душе за ту мудрость, которая досталась мне из-за этой истории: всякие недоразумения, нелепости есть дети прошлого и будущего и несут скрытую весть о необходимости.

А люди, подобные служителям паспортного контроля, даже не знают, что творят. Их надо простить.

Ты согласно со мной, Сердце моё?

Я спросил у сердца:

— Можешь предсказать мне будущее?

— Разве сам не знаешь?

Оно ведь в твоих руках, — ответило Сердце.

— Ты имеешь в виду линии на моей ладони?

— Зачем так узко? Я имею в виду вечный закон, который известен тебе...

— Это какой же?

— Что посеешь, то и пожнешь...

Сегодняшний день тоже был ведь будущим, и он сулил тебе другие блага...

Что посеял, то и пожинаешь...

А что ты сеешь сегодня?

(Действительно, что я сею сегодня?)

Гнёздышко

Сердце моё,
мы любим Бушети.

Недавно Паата показал мне в интернете планету Земля, заснятую из Космоса. Ты можешь постепенно приблизить к себе земной шар и крутить его. Ты можешь отыскать на нём любую точку, тоже приблизить её и увеличить до полного размера экрана. Так мы приблизили часть Земли между Чёрным и Каспийским морями. Показалась Грузия, потом — Тбилиси, от него направились в сторону Телави. Проехали Сагареджо, Гурджаани... «Бушети» — написано на экране. Паата замедляет движение и всё больше приближает этот клочок планеты Земля.

— Это наш дом?! — удивляюсь и восторгаюсь я.

Наше «имение» наполняет экран. Это наш двор, большой, покрытый зелёной травой. Какое блаженство, когда хожу босиком по скошенной траве, ноги утопают в ней как в персидских коврах.

Вот виноградники наши. Они дают обильный урожай, Паата с Гиви традиционным крестьянским способом давят виноград и делают чистое красное вино. Нам оно нужно, чтобы радовать гостей.

Это наши ореховые деревья. Первые два посадил мой дядя, им более полувека, а другие посадили мы, они тоже успели подрасти. Под их тенью можно часами сидеть и читать книги, а дети могут играть, раскачиваться на качелях.

Здесь наш огород. У нас всегда есть свой свежий лук и чеснок, помидоры и огурцы, фасоль и картошка, разные овощи и зелень. Они у нас более вкусные, чем покупные.

Во дворе всё лето зреют фрукты — разные сливы, черешня, вишня, абрикосы, яблоки, инжир, ткемали. Тина — наша экономка — всё время варит компоты, варенье, делает приправы и помещает всё это на полочках в погребе под лестницей.

На экране компьютера весь двор, всё имение как на ладони; отдельные его части мы назвали именами: «Клумба Нинцы», «Микин уголок», «Пикин источник», «Долина Сандрика», «Поле Тамусики», «Тинин огород», «Источник жизни»...

Различаем кусты роз, их у нас более пятисот.

Сине-голубым цветом сияет бассейн.

Вот и наш каменный дом со своими верандами, покрытыми виноградниками...

Перед домом вдали открывается фантастическая картина главного хребта Кавказских гор. Дом мы с Валерией начали строить с середины шестидесятых годов прошлого века. Мама моя очень хотела, чтобы я не оторвался от родного селения и родных людей. Землю подарили бабушка и дядя (мамин брат). Руководил строительством мой двоюродный брат Валико. Строили дом медленно, долго. Все зависело от наших возможностей, от возможностей мамы (её пенсии), от Нателы и Жоры (сестра и зять) и их зарплаты. Помог достроить дом Олег (муж дочери), и в 1990 году (спустя 25 лет строительства) мы впервые провели там всё лето вместе с внучатами.

Дальше нужно было облагораживать окружение.

Местность была каменистая, сухая, безводная. Завезли несколько сотен грузовиков с землёй, выровняли поле, посеяли траву. Посадили фруктовые деревья, цветы, развели огород. Особенно увлеклись кустами роз, их множим до сих пор.

Но была большая проблема с питьевой водой. В то время распался колхоз, и некому было заботиться о скважине. Люди оказались в беде. Знойное лето, высыхало всё вокруг, питьевую воду таскали издалека.

Тогда Пика заявила мне: «Не будет воды, детей возить сюда не буду и сама не приеду».

Я нанял людей и технику, чтобы во дворе пробурить скважину. Мастера подвели меня: пробурили нечестно. Заставили владельца буровой техники пробурить заново. Он опять обманул: пробурил на 20 метров, а сказал, что на 70. Вода пошла и скоро опять пропала. Всё село наблюдало за происходящим. Крестьяне и обнаружили нечестность хозяина и его рабочих.

Тогда за дело взялся мой племянник Гиви, на все руки мастер. Он прогнал хозяина и сам начал руководить рабочими. Десять дней непрерывно, днём и ночью, грохотала во дворе техника. Гиви запасся железными трубами.

Работа шла по всем правилам бурения. Из глубины 70-ти метров вырвался первый поток воды, но Гиви на этом не остановился. Через несколько дней из глубины 120-ти метров опять пошла вода. Техника разрывалась. Гиви упорствовал и принуждал рабочих бурить дальше. На десятый

день из глубины 176-ти метров мощным напором и потоком силой своего же давления вырвалась чистая, ледяная, грунтовая вода.

Исполнилась моя мечта: получить столько воды, чтобы хватило всем, живущим в окрестностях, и нам тоже. Лабораторная экспертиза показала, что вода лучшего качества, имеет лечебные свойства.

Наш двор начал цвести. Построили бассейн. В нашем дворе, в нашем «имении» изменился климат. К нам прилетели прекрасные птицы, и даже соловьи.

Любят к нам приходиться родные и близкие, отдохнуть душою. Приезжают гости из России, Прибалтики, Китая, Германии, Америки и тоже наслаждаются красотой и спокойствием.

Днём можно созерцать вечно снежные горы Кавказа, удивляться грандиозности спектакля, который устраивают облака над горами.

Вечером можно лежать на траве и созерцать Звёздное Небо, находить свою звезду и называть её своим именем.

Лёгкие наполняются нежным ароматом воздуха, в котором смешан запах роз, ромашек, фруктовых деревьев, виноградников, скошенной травы, гор, ущелья...

Этот маленький кусочек Рая создался не деньгами, — Ты это прекрасно знаешь, Сердце моё, — а трудом и любовью. И создался он не для высокого забора и для злой собаки, а для родных, друзей, близких, для добрых гостей. Их, к счастью, у нас много.

А я весь год дожидаюсь, когда наступит лето, чтобы вернуться из далёких краёв в своё гнёздышко, в своё Бушети, где

я родился, и где родились мои любимые герои — Амон-Ра, Саломея, Илья, Иорам, Захарий, Соломон, Ахмад, Лёша, Алексей Александрович, Машенька..., где родились многие из моих книг, где недалеко от дома покоятся мама, бабушка, дедушка, мои предки, где душа моя поёт от созерцания облаков над Кавказскими горами, от созерцания Звёздного Неба по ночам, от восхода Солнца и его первого лучика ранним утром, где «жриамулят» дети и мудрствуют мои гости, где узнаю я радость и печаль моего народа, где ласточки вьют свои гнёзда-домики прямо над кроватью, вылупляют птенцов и возносят хвалу Творцу, где в густых ветвях ореховых деревьев талантливый дирижёр управляет многотысячным птичьим хором, где...

Сердце моё, мы любим Бушети, ибо Небо не знает ни одну свободно парящую в своих пространствах птицу, которая до того не теплилась в маленьком гнёздышке своём.

Обиделся я на Сердце:

*— Целую горстку таблеток каждый день
посылаю тебе на помощь,
но ты все колешь и колешь.*

Что тебе еще нужно?

*— Научись терпению,
отбрось раздражение,
и перестану колоть...*

Они ждали от меня не такую речь

Сердце моё,

знали ли мы тогда, 2 июня 1989 года, что скоро, очень скоро «Великий, Могучий Советский Союз» развалится в одночасье и «падение его будет великое»?

Сознание мое не знало, но ты, Сердце мое, знало.

Я чувствовал, но не верил Тебе.

В тот день, открывая заседание Съезда Народных Депутатов СССР в Кремлевском дворце съездов, председательствующий А.И. Лукьянов объявил:

— ...Сегодня на утреннем заседании выступят следующие депутаты: Мокану, Хмура, Дюсембаев, Амонашвили, Айтматов...

Как это так, — удивился я, — я же еще позавчера, потом вчера сдал записочки в секретариат об отказе от выступления? Я предлагал членам грузинской делегации выступить вместо меня, я имел на это право — отдать свое время другому, но все они отказались, не захотели произнести речь с трибуны съезда на фоне трагедии в Тбилиси.

Время тогда для всех нас было действительно тяжелое. 9 апреля 1989 года военные части с танками, так называемый спецназ со специальными лопатами и с применением

отравляющего газового оружия «черёмуха» жестоко расправились с многотысячным митингом перед домом правительства в Тбилиси. Погибло много людей, особенно молодых, среди которых были и школьники. Это была большая национальная трагедия для всей Грузии. День этот, спустя недолгое время, новая власть объявила Днем независимости. Да, молодежь боролась за определение своей судьбы, митингуя на площадях. Я сам не раз участвовал в демонстрациях и митингах. И, наверное, был бы свидетелем зверства военных против безоружных митингующих, если бы в тот день находился в Тбилиси.

Съезд народных депутатов бурлил по этому поводу: генералы оправдывались и клеветали на молодежь Грузии, кто-то их поддерживал; многие возмущались и требовали назвать виновных. А правительство, политбюро разводило руками, как будто действительно не знало, как такое могло произойти в стране Советов, и кто именно отдал приказ с такой жестокостью и кровопролитием расправиться с митингующими. Хотя все понимали, что тем самым был дан наглядный урок другим республикам, в которых тоже развивались национальные движения.

На съезде была напряженная обстановка: многие депутаты поддерживали грузинскую делегацию с ее требованиями докопаться до истины.

И в это время мне дается слово.

И как же мне досталось право на десятиминутное выступление? Несколько дней назад ко мне подошел секретарь ЦК Грузии, обнял и сказал, что нам достался один комитет

в Верховном Совете — комитет по образованию и науке и «совет» утвердил твою кандидатуру. Я сказал, что это не мое дело, я не хочу возглавлять комитет. Но он предупредил: «Тебе дадут выступить, готовь программную речь».

Я измучился, но никакая программа у меня не получалась. События 9 апреля вызывали во мне протест и возмущение. Потому взял и самовольно заблаговременно сдал в секретариат две записки с отказом от выступления. Поэтому объявление Лукьянова было для меня полной неожиданностью.

В тот день я пришел на заседание съезда даже без своих черновых набросков выступления. Через 30 минут меня вызывают на трибуну! Как быть? Ты, Сердце мое, забилося в груди так, что могло выпрыгнуть наружу. Я бросаю съезд и бегу в гостиницу Россия — надо забрать записи, я же не знаю, о чем говорить? Забрал их из номера и бегу обратно — надо успеть. В бегах рассматриваю свои бумажки и прихожу в отчаяние — все это не годится, с этим выступать нельзя. А Твое биение, Сердце мое, усиливается. Все что угодно могло произойти в это время с тобой, Сердце моё. Раскрываю широко рот — не хватает воздуха. Так вбегаю в огромный зал — хоть на пару минут посидеть в своем кресле, отдышаться и сообразить, что сказать. Но не успеваю. Оратор сходит с трибуны и председательствующий объявляет: «Слово предоставляется товарищу Амонашвили, приготовиться товарищу Айтматову».

И я, не замедляя шага, направляюсь к трибуне. Оглядываю зал. Полная тишина. Грузин выступает. И со мной про-

исходит какое-то преобразование: Ты, Сердце мое, усталое, не успев отдышаться, отодвигаешь мое сознание, и начинаешь говорить. Я действительно не отдавал отчета, о чем говорил, но говорил с чувством, искренне, с переживанием, даже ораторски. А когда спускался с трибуны, видел, что депутаты аплодировали мне стоя.

Давай приведем здесь, Сердце мое, Твою речь в том виде, в каком она была опубликована в бюллетене Съезда Народных Депутатов СССР (№9, часть 1, 2 июня 1989 г.).

Амонашвили Ш.А., генеральный директор экспериментального научно-производственного педагогического объединения Министерства народного образования Грузинской ССР, г. Тбилиси. (От профессиональных союзов СССР).

Уважаемый Председатель Верховного Совета СССР!

Уважаемые депутаты!

Вчера депутаты из Грузии встретились с Михаилом Сергеевичем Горбачевым. Это была крайне открытая встреча, прямой разговор, где мы смогли высказать свои мысли, свои чувства, объяснить некоторые явления. Со своей стороны, Михаил Сергеевич тоже нам многое объяснил. Уверен, что комиссия, которая была создана вами, Съездом, разберется во всем досконально и вынесет нужное правдивое, единственно правдивое решение. И эта правда будет сказана. Правда нужна нам всем — и вам она нужна, и нам нужна, ибо в нашей стране, которая строится на основе новых принципов, принципов гуманизации, демократизации общества, гласности, эта правда в наших руках будет оружием для борьбы за души людей.

Нам сейчас очень сложно. Не буду драматизировать то, что произошло. Может быть, уже не стоит говорить обо всех событиях, но я хочу взглянуть на них с точки зрения воспитания будущего поколения.

Заранее хотел бы сказать, что телеграммы, которые были зачитаны, нам не были известны. А самое главное, просто хочу заверить вас, дорогие депутаты, что будто бы на площади собрались наркоманы, алкоголики — это не соответствует правде. В тысячах людей, которые там стояли, может быть, были экстремисты, были другого направления люди, но в основном — это талантливая молодежь, которая стремится достичь суверенитета республики.

Хочу сказать пару слов о состоянии школы, которая порождает много наших проблем, и впредь будет порождать. Наша школа стала крайне авторитарной. Видимо, это закономерное явление, ибо в течение долгих лет сам авторитаризм господствовал во всей нашей стране. И этот авторитаризм, как в зеркале, отразился и в школе тоже. Давление над детьми, конец свободы, нет мысли, живой мысли. А учитель как самая главная фигура, как авторитар стоит перед своими детьми. И, кстати сказать, возникает такой парадокс: с одной стороны, учитель — самый напуганный человек в нашей стране, ибо над ним всегда стояла очень широкая сеть и система: инспектура и приказы, постановления. Все это ограничивало движение учителя к живой мысли. И с другой стороны — этот напуганный человек запугивает своих учеников в классе.

Нам нужно освободиться от такого состояния школы. И если не будет в школе демократизма, гласности, если не

будет гуманного подхода к ребенку, к личности ребенка, мы потеряем душу в школе.

Сейчас мы много говорим насчет перестройки школы, насчет оснащения школы новым оборудованием. Это необходимо. Необходимо выделить значительно большие средства на образование — в два раза, в три раза, в четыре раза. Но одновременно надо учесть, что без хорошего педагога, который знает, как подойти к человеку, не будет никакого воспитания в школе. И порой этот хороший человек волен сесть под деревом со своим учеником и там ковать его душу.

Именно авторитаризм, видимо, и повлиял на события, которые происходят и в Тбилиси, и в других местах, ибо ребенок, воспитанный в таких условиях, сейчас находит волю своим чувствам, и эта воля проявляется в разных аспектах, в разных сферах.

Есть еще одна огромная проблема, касающаяся национальной школы. Часто мы говорим, что в наших школах ведется обучение на родном языке. Это верно. Это — достижение революции, и национальный язык становится языком обучения для каждой республики. Но одновременно следует учесть, что обучение, допустим, на грузинском языке еще вовсе не означает, что эта наша школа и есть национальная и грузинская школа. Если учесть, что все остальное содержание обучения есть не что иное, как перевод с русского на грузинский.

Возьмем такую проблему, как обучение истории в школе. Какую историю изучают наши дети? Применительно к Грузии в основном нами изучается история СССР. А что эта

история означает? Наши грузинские дети больше знают о событиях в России, о том, что произошло с древних времен до современности, чем о событиях и явлениях в самой Грузии. А вот история Грузии еле втискивается в учебные планы. Было даже запрещено выделять большее количество часов на этот предмет. Мне думается, каждая республика имеет свою огромную культуру, огромное прошлое. Это есть достояние и нашего Союза. Потому именно на этих началах должны строиться не только история, не только литература, но и, может быть, все остальные предметы. Однотипность школы губит нашу школу: однотипная программа, однотипный учебник, однотипная подготовка учителя — все однотипное, и получаем в конце концов человека, который тоже, как форма, выкован в духе однотипного мышления.

А сейчас, когда дается свобода, нас удивляет, что человек проявляет себя, может быть, уже в не совсем сдержанных формах.

Национальные чувства — самые тонкие струны в человеке, самые тонкие, дотрагиваться до них надо крайне осторожно. Я знаю, что сейчас мое выступление слушают в Тбилиси, а там происходят разные события. Поэтому хочу, чтобы в Тбилиси тоже знали, о чем я сейчас говорю вам. Статья в газете, на которую ссылался генерал Родионов, была написана во время военного комендантского часа. Прошу вас, пожалуйста, не считайте, что именно так происходили события, как это изложено в газете. Создана комиссия, она, именно она определит полностью всю картину, все, что там происходило.

Одновременно хотел бы сказать следующее. При нынешних условиях, мужественных, я бы сказал, условиях перестройки, выявилось много сложных проблем во взаимоотношениях. И, наверное, вы будете согласны со мной, если я скажу, что наш Союз в дальнейшем должен держаться не на основе силы, а на основе духовной общности, дружбы. И вот если эта дружба в какой-то степени будет ущемлена, между нами могут возникнуть очень большие осложнения, а это не приведет к лучшему.

Поэтому мой призыв к депутатам — простите, пожалуйста, что осмеливаюсь сказать это — пусть тот, кто станет выступать с этой трибуны, будет крайне осторожен, будет взвешивать каждое слово, когда оно относится к национальности. Я получил много телеграмм за эти дни — и из Армении, и из Азербайджана, и из Грузии. В них много строк таких: надо очень взвешивать каждое слово, чтобы не затрагивать ту глубинную структуру, которая так волнует человека. (Аплодисменты).

И в заключение. Может быть, то, что я сейчас скажу, не будет поддержано, но я все же хочу, чтобы это было поддержано. У нас многонациональная страна, но есть основные языки в нашей стране, допустим, те языки, на которых наши республики живут, говорят, работают.

И, видимо, было бы неплохо, если бы Съезд работал на этих разных языках. Пусть с этой трибуны звучат порой и азербайджанский, и армянский, и грузинский, и латышский, и другие языки. Мы должны приучать свое ухо к звучанию национальных языков. Это не повредило бы нашим взаимоотношениям. (Аплодисменты).

И вот, чтобы впервые сегодня это было сделано, разрешите мне сказать пару слов на грузинском языке. Это будет обращено к нашим молодым ребятам в Тбилиси. Вы тоже, пожалуйста, прослушайте это звучание. Уверяю вас, я не скажу ничего такого, что может внести раскол между нами и разрушить нашу общность, нашу любовь. Я хочу, дорогие товарищи, чтобы все знали, что Грузия никогда не питалась национализмом и что такого никогда не будет (Аплодисменты). Говорят, что во время тбилисских событий были антирусские выступления, как будто были такие призывы, чтобы отделяться и т. д. Возможно, были отдельные такие призывы, но это не есть отражение грузинской души: она свободна, она стремится к дружбе. И если вы приедете к нам, наше гостеприимство обязательно возьмет вас в объятия. Может быть, я обижу наше правительство, но скажу, что и вино будет стоять, и водка будет стоять на столе. (Аплодисменты). И вот эти грузинские слова, которые обращены к моим соотечественникам.

(Оратор говорит на грузинском языке). Дорогие соотечественники, молодые люди! Обращаюсь к каждому из вас от имени депутатов из Грузии. Съезд наши проблемы принимает к сердцу. Создана комиссия, которая установит правду. У нас вчера была встреча с Михаилом Сергеевичем, он тоже считает, что все, кто только повинен, должны быть строжайше наказаны. Прошу вас сохранять спокойствие, проявить терпение. И давайте вместе — молодое и старшее поколения — общими усилиями будем строить завтрашний день Грузии, ее суверенитет. (Перевод с грузинского языка

на русский — автора). Большое спасибо вам за внимание. (Бурные аплодисменты).

У меня есть фотография: я на трибуне Съезда, а за моей спиной, за столом президиума, Горбачев и Лукьянов о чем-то переговариваются: видимо, они ждали от меня не такую речь, и тут же решили снять мою кандидатуру председателя комитета.

И хорошо сделали.

А благодарю за это Тебя, Сердце моё!

Спросил я у Сердца:

— Что ты делаешь, когда я сплю?

Ответило мне Сердце:

*— Советуюсь с ангелами,
как помочь тебе познать себя...*

— А разве я не познал себя?

— Тогда скажи, кто ты есть...

(Воистину, кто же я есть?)

Моя честность чуть не задавила меня

Сердце моё,

В жизни только раз случилось, когда Ты у меня чуть было в пятки не ушло.

Мы с Валерией были приглашены во Франкфурт-на-Майне. Был 1989 год. Германия не была ещё объединена. Когда мы спросили Паату, что ему привезти, сын попросил компьютер. По-моему, в то время в Грузии не было ещё ни одного компьютера. В Москве компьютеры были тоже редкостью. Во Франкфурте-на-Майне я месяц поработал в Институте педагогики, и мне выдали хороший гонорар. Наш друг повёз нас в супермаркет. Мы поспешили в отдел компьютеров: выбирай, какой хочешь! Обслуживать нас пришёл руководитель отдела. Мы объяснили ему, что нам для сына, молодого человека, нужен хороший, но не очень дорогой компьютер, причём, той марки, которую разрешено вывезти в Советский Союз. Он открыл нужные ящики, настроил компьютер, показал, что он работает, и убедил нас, что вывозить этот компьютер разрешено.

Заплатили, получили чек и ящики.

Мы с женой были рады: исполнили мечту сына.

На следующий день наш друг отвёз нас в аэропорт.

Нас встретил представитель аэрофлота, ибо я был тогда членом Верховного Совета СССР. Он, посмотрев наши коробки, сказал, что проблем у нас никаких не будет, и подвёл к стойке, где некий служащий проверял покупки, чеки и разрешал сдавать багаж.

Проблемы возникли.

Проверяющий, увидев ящики с компьютером, строго сказал: вывозить этот товар из ФРГ в Советский Союз запрещено.

— Что нам делать? — спросил я. — В супермаркете сказали, что этот компьютер можно вывозить!

— Вывозить нельзя, что вам с ним делать, не знаю.

Он дал нам бирки на другие вещи и сказал: «Отойдите». Но мы не отошли, начали объяснять ещё раз и протестовать. Он рассердился и пригрозил:

– Уходите, а то вызову полицию.

Наш друг, русский эмигрант, услышав о полиции, страшно испугался.

«Меня не втягивайте в это дело!», — шепнул он нам и исчез. Но он служил нам переводчиком.

Мы с Валерией не знали, что делать, тем более, что посадка была уже объявлена.

— Давай так, — сказал я ей, — не было у нас компьютера, и не будет. Не останемся же в ФРГ из-за этих ящиков. Оставим их здесь, как будто потеряли. Может быть, заберёт их наш друг, и пусть будут они нашим подарком ему.

Так и сделали, взяли ручную кладь и направились к выходу. Но перед тем, как выйти к самолёту, увидели, что груз-

чики взяли наши ящики и положили на конвейер. «Значит, их забрали у нас», — подумал я.

Мы вошли в самолёт и устроились на свои места. Салон был полон пассажирами. Уже время вылетать. Нас попросили застегнуть ремни.

В эти последние минуты произошло то, что Тебя, Сердце моё, страшно взволновало.

Из иллюминатора вижу, как по трапу поднимаются двое полицейских. Они переговорили со стюардессой, потом прошли в салон и остановились над нами.

Вот тогда, Сердце моё, нас охватила тревога.

Служитель досмотра пригрозил нам полицейскими. Вот и полицейские. Что этим верзилам нужно от нас?

Один из них сказал нам по-немецки:

— Покажите ваши билеты...

Зачем им билеты? Почему они только нас проверяют?

Что мы такое нарушили?

Мы же бросили наши ящики, что им ещё нужно?

Неужели я, член Верховного Совета СССР, нарушаю какой-то закон ФРГ?

Какой ужас! Какой стыд! Что же я скажу в своё оправдание?

Моя честность давила на меня. Такого со мной никогда не было.

— Покажи билеты, Валерия... Я не могу на них смотреть...

Валерия открыла сумку. Пассажиры — советские граждане — вытягивают шеи: хотят посмотреть на правонарушителей.

Я срочно достаю из дипломата «Новый Завет», раскрываю попавшую страницу и читаю. Потом сообразил, что это были стихи Апостола Павла. Читал я их как молитву: «Если мы живём духом, то по духу и поступать должны. Не будем тщеславиться, друг друга раздражать, друг другу завидовать. Братия! Если и впадёт человек в какое согрешение, вы духовные исправляйте такого в духе кротости, наблюдая каждый за собою, чтобы не быть искушённым...».

Я читал, но они не отходили, изучали билеты, просматривали багажные бирки.

Подошла стюардесса, некоторое время наблюдала за их действиями, потом что-то по-немецки сказала им. Мне показалось, что полицейские собирались снять нас с самолёта.

Где Ты было в это время, Сердце моё? Ушло в пятки?

Можешь ли вспомнить, как я бубнил: «Делая добро, да не унываем; ибо в своё время пожнём, если не ослабеем. Итак, доколе есть время, будем делать добро всем, а наипаче своим по вере...».

Сделают ли они добро?

Они переговариваются между собой. Что-то объясняют стюардессе. Она их торопит.

Наконец, возвращают билеты и выходят из салона.

Что же пассажиры думают о нас? Кто-то из них мог узнать меня. Какой стыд!

Но мы, Сердце моё, постепенно успокаиваемся.

Прилетели в Шереметьево.

Стоим у конвейера, снимаем свои вещи и укладываем на каталку. На конвейере передо мной прошли знакомые коробки. Неужели они наши? Валерия подтверждает, что да.

Мы дождались, пока все пассажиры не разобрали свой багаж. Те коробки остались нетронутыми. Я их тоже кладу на каталку.

Но на них же нет бирок?

Как мы объясним на выходе проверяющим, что это за багаж, и как мы его привезли? Как доказать, что он наш? Я в замешательстве.

И вдруг Валерия говорит мне: «Ты же народный депутат, у тебя есть книжка. Тебе полагается зелёный коридор, воспользуйся этим!».

Ну, конечно!

Это не будет никаким криминалом, я никого не обманываю. Двигаю свою каталку в сторону спецпрохода, в руках держу книжку депутата.

Прохожу контроль безо всякого контроля.

Мы уже в зале прилёта. Видим: встречает Паата, его жена — Тамрико, они специально прилетели из Тбилиси. Какая радость! Обнимаем сына и невестку!

Всё позади! Сердце моё, зададим всем правителям мира вопрос, может быть, кто-то из них отзовется: доколе будете издавать законы, исходя из недоверия? От таких законов у людей усложняется жизнь. Научитесь творить законы на основе доверия, тогда всем будет хорошо.

Дождёмся, Сердце моё, ответа.

— Сердце мое,
по твоей подсказке я придумал поговорку:
«Моя честность есть моя известность».
Но само знаешь — жизнь вынуждает иногда...
— Не говори дальше, ибо согрешишь.
— Это как?
— Жизнь надо возвышать и облагораживать,
а не засорять
обманом, предательством, самостью и
всеми другими отбросами нечестности.
Любой честный поступок
всегда оправдан.
Любой нечестный поступок
не имеет оправдание.

СТЫД

Ты помнишь, Сердце моё, этот день?

Помнишь, конечно, но не хочется вспоминать.

А если не вспомним и не откроемся, не будем сожалеть и каяться. Тогда как нам выметать из себя мусор, как мне держать Тебя, Сердце моё, в чистоте? В этот предновогодний день 1989 года мне хотелось сквозь землю провалиться.

Члены Верховного Совета на сессии пристали к М.С. Горбачёву с требованием дать им возможность «отовариться». Этого слова я раньше не знал: отовариться — значит истратить деньги на нужные вещи.

— Хорошо, — сказал Горбачёв и дал поручение хозяйственникам отвезти членов Верховного Совета в закрытые склады.

Скоро нам сообщили, что отвезут на автобусах по расписанию. Я тоже поспешил записаться.

В назначенное время от гостиницы «Москва», где жили члены Верховного Совета, отъехали четыре или пять автобусов. Ехали долго, я не знаю, какая окраина Москвы это была.

Остановились в неприметном месте. Перед нами стояло длинное одноэтажное здание — складское помещение, тоже ничем не примечательное.

Нас — депутатов (130–150 человек) — быстро завели в помещение и сказали, что дают час, чтобы пройтись по складам, выбрать вещи, положить в ящики, заплатить и увезти.

Мы начали быстро обходить длиннейшие ряды прилавков. Чего только там не было! Было всё, всё было! А цены-то какие — почти за гроши раздавали нам товар!

Я набрал в два ящика дублёнки, костюмы, обувь, платья, разное дефицитное барахло — для себя, для жены, для детей, для родных и близких. Взял продукты — деликатесы.

Всё импортное. Всего этого купить в обычных универсамах было немислимо. Такие вещи за всю советскую власть в магазинах не продавались, только лишь у спекулянтов.

Такими складами и возможностями «отовариваться» баловал ЦК свою элиту. А теперь к такому «благу» допустил и нас — народных избранников. Спустя час нам объявили, что время кончилось, пора забирать свои ящики и садиться в автобусы.

Нам не хотелось выходить из складов, но подъехали другие автобусы с другой группой депутатов.

Я еле вынес из помещения два огромных ящика, с трудом поднялся в автобус, разместился на сиденье, ящики поставил на колени. Так устроились и другие, и получилось, что автобус был набит ящиками, а не людьми. Возвращались тоже долго.

На обратном пути Ты, Сердце моё, начало щемить. Совесть достучалась до разума.

Что я наделал? Зачем мне всё это барахло?

В магазинах ничего нет, народ митингует, протестует, требует от нас законности, заботы.

А мы перед новым годом о своих мелких радостях позаботились. Два ящика на моих коленях всё тяжелели, ломали мне ноги.

Автобус остановится у входа гостиницы «Москва». Народ узнал о наших «депутатских» заботах. У гостиницы собралось человек двести. Они устроили коридор от автобуса до входа в гостиницу и злобными выкриками и насмешками встречали каждого спускавшегося с автобуса депутата со своими тяжёлыми ящиками.

Настал мой черёд. Мне не хотелось выходить из автобуса, я был готов бросить свои ящики. Но был вынужден пройти через этот кордон возмущённых и озлобленных людей.

И когда я спустился с автобуса, держа в руках свои ящики, вдруг услышал то, что впервые в моей жизни дало мне пережить настоящий, пронзающий всю мою сущность стыд — когда хочется на месте умереть, сквозь землю провалиться, когда жалеешь, что родился. Я услышал, как кто-то из толпы с искренним удивлением выкрикнул:

— Смотрите, Амонашвили тоже с ними...

О, Сердце моё, как мы до такого опустились!

Народным депутатом был Дмитрий Сергеевич Лихачёв. Позволил бы он себе такое?

Был народным депутатом Андрей Дмитриевич Сахаров. Поехал бы он тоже, как я, в закрытые склады, чтобы «отовариться»?

Раньше надо было думать об этом... Но что ж, что случилось, то случилось.

Однако стыд тот, Сердце моё, помог нам очень, ибо он вернул нас к совести, чтобы никогда от неё больше не отходить.

— Скажи мне, Сердце мое,

бывают ли долги достойные?

— *Да, это те, которые ты берешь втайне,
думая о светлом.*

— *А долги недостойные тоже бывают?*

— *Да, это те, которые ты берешь втайне,
думая о порочном.*

Закон здоровья и счастья

Сердце моё, Ты пошаливаешь!

Разве не хватает Тебе двух стентов?

Прошло всего несколько месяцев после операции, и как будто всё было нормально. Но вот, Ты опять начинаешь своё.

Я не люблю о Тебе всем рассказывать, получается, что жалуюсь другим на Тебя. Многое скрываю от Валерии. Иногда признаюсь Нине, дочке моей.

Вчера шёл по улице, шёл медленно, чтобы не нагрузить Тебя. Но боль в грудной клетке постепенно нарастала, захватывая живот. Мне хотелось согнуть спину. Остановился и стал разглядывать витрину. Потом спустился в метро.

Что Ты хочешь сказать мне этими болями?

То, что мне уже не всё дозволено? Пора?

Хорошо, я послушаюсь Тебя. Но объясни мне, пожалуйста, задачу: почему мне очень хорошо, и Ты никакого намёка не подаёшь, когда провожу свои пятидневные семинары с учителями? Иногда даже два семинара подряд с длинными переездами и перелётами из одного города в другой. Каждый день стою на сцене по семь-восемь часов и общаюсь с огромной аудиторией учителей, провожу для них показательные уроки, потом встречаюсь с разными людьми, даю консультации, читаю лекции студентам. Получается десяти-двенад-

цатичасовой рабочий день. После всего этого часа два-три подытоживаю для себя день и готовлюсь к завтрашнему...

Ну как, Сердце моё, такие дни, которыми заполнена моя жизнь, Тебя не утомляют? Если да, то почему не подаёшь хоть малюсенький намёк, слабую тревогу?

Может быть, я догадываюсь, в чём причина: мы с Тобой, Сердце моё, любим это дело, видим, с какой искренностью люди воспринимают идеи гуманной педагогики. Мы рождены только для того, чтобы утверждать идеи добра, любви и духовности в огромном мире образования.

Не так ли, Сердце моё?

Но стоит какому-либо учителю подойти ко мне и возмущённым тоном, с какой-то злобою доказывать, что вовсе не надо любить детей, что современная молодёжь — это извращённое поколение, а гуманная педагогика и идеалы духовности — пустые слова, как Ты, Сердце моё, посылаешь мне боль и требуешь, чтобы я немедленно отошёл от чело- века с потухшим сердцем и сознанием. Но что мне делать, если моя нравственность не позволяет быть резким, грубым, невнимательным. Зато устаю мгновенно, чувствую, как тот высасывает из меня силы.

Когда я нахожусь в школе и дарю детям свой новый урок, мне очень хорошо, и Ты тоже, Сердце моё, ликуешь. Нет никакой боли, никакой одышки. Я бегаю между рядами, нагибаюсь, чтобы пошептаться с ребёнком, встаю на корточки, чтобы посмотреть ему в глаза, записываю на доске, и всё это в том же темпе, как бегают и шалят дети.

И с Тобой всё нормально.

И когда я с раннего утра до поздней ночи дописываю книгу, мучительно ищу слова и фразы, гонюсь за улетевшей мыслью, — с Тобой всё в порядке.

Но процедуры так называемых «паспортного контроля» и «досмотра» в аэропорту перед вылетом сразу причиняют Тебе беспокойства: чувствую себя ущемлённым, бесправным, как будто весь мир объявляет мне недоверие. Больно, колет.

Почему это так?

Паата, сын мой, каждый день звонит в Москву из Тбилиси и требует, чтобы мы обратились к знакомому врачу-грузину. Он профессор, заведует отделом в Седьмой Московской больнице. Надо, говорит Паата, обязательно провериться. А мне некогда — я занят...

Но Валерия и Нина всё же принудили меня отложить дела.

Врач Гурам Германович оказался очень милым и внимательным человеком. Он сразу повёл нас к Александру Александровичу, заведующему кардиологическим отделом. Он выслушал меня внимательно, задал вопросы, а потом сказал, и Ты это слышало, Сердце моё: какая бы ни была операция — стентирование, шунтирование — они не будут омолаживать сердце, но лишь замедлят происходящие в нём процессы.

Как мы с Тобой поступим, Сердце моё, мы ещё выясним, поможет нам батона Гурам. Он сам оперирует печень, потому посоветуется со специалистами.

Но я думаю, мы с Тобой открыли закон нашего здоровья, которому будем следовать, что бы там ни было.

Закон таков: если хочешь быть здоровым, да и счастливым тоже, займись любимым добрым делом; если же хочешь быть очень здоровым и очень счастливым, жизнь отдавай делу, без которого жить не можешь. Только в этом случае проживёшь на земле столько лет, сколько тебе предписано. Во всех других случаях жизнь твоя будет сокращаться.

Спросил я у Сердца:

*— Скажи мне, кто есть умный
и кто есть глупый,
чтобы разобраться в себе.*

Ответило Сердце:

*— Умный подсказку Сердца
закрепит доверием разума.
Глупый подсказку Сердца
предаст разуму,
чтобы тот стер ее в порошок.
Выбирай.*

Великодушие

Сердце моё,
какое это прекрасное слово — великодушие!
Оно относится только к человеку.

И каков он — великодушный человек?

Это было в Перми 12 октября 1995 года. Там я проводил семинар с учителями. Во время перерыва мне сказали, что две женщины хотят видеть меня. Я пригласил их, и ошибиться было невозможно: передо мною предстали два великодушных человека. Это были пожилые женщины: одной — за семьдесят, другой — за девяносто. Ласковые глаза, любящая улыбка, скромность, а самое главное, внутреннее обаяние говорили об их великодушии.

Одна, та, что была младше, поддерживала другую, а та дрожащими руками протянула мне какой-то предмет, завернутый в шёлковый платочек. Я предложил им сесть, но они отказались: у вас мало времени, мы не можем вас задерживать, — объяснили они.

— Мы долго жили в Грузии, — сказала та, которая была постарше, — мой муж был военным и служил там. Мы полюбили эту страну, её культуру, выучили грузинский язык (она сказала мне несколько прекрасных грузинских слов), подружился со многими грузинами... Потом началось вытеснение русских, и мы выехали в Россию. Но наша любовь

к Грузии осталась неизменной. Мы с дочкой, — я понял, что вторая была её дочерью, — каждый день ходим в церковь и молимся, чтобы господь уберёт её. Примите, пожалуйста, это...

— Что это? — я взял из её дрожащих рук предмет, завернутый в шёлковый платочек.

— Икона Святого Георгия Победоносца. Он — покровитель Грузии, надо, чтобы икона была там...

Я развернул платок. На моей ладони лежала маленькая — размером 7×9 см — бронзовая икона, инкрустированная русской эмалью: Георгий Победоносец, восседающий на коне, копьём поражает дракона. Позже я узнал, что бронзовая икона с русской эмалью — редкость.

Я смутился.

— Это же святая и очень дорогая вещь, как я могу её взять?..

— Да, для нашей семьи она действительно святая, ибо досталась нам от прабабушки, а ей — от своих предков. Этой иконе около 250 лет.

— Ну вот...

— Но теперь она должна оберегать Грузию, и мы хотим, чтобы вы увезли её с собой...

— На таможне не пропустят... Пожалуйста, возьмите обратно...

На глазах у женщин появились слёзы.

— Что же нам для Грузии сделать?.. Она в беде, ей предстоят тяжёлые испытания, а Святой Георгий покровитель... Мы эту икону обратно домой не возьмём...

— Скажите, пожалуйста, вас, наверное, грузины обидели, вытеснили?

На этот раз обе заплакали.

— Мы не умеем обижаться, — сказала теперь уже дочка, — всё, что теперь делается — это от политиков, а не от народа...

Великодушие — возвышенное состояние духа. Оно не знает обиды, не знает злобы, не знает зависти, мщениия, злорадства.

Оно знает любовь, преданность, прощение, понимание, сострадание, самопожертвование... Я поцеловал руки великодушных женщин — матери и дочери.

— Я передам икону нашему патриарху Илье Второму, — сказал я.

— Это не обязательно. Пусть она будет в Грузии. Где бы она ни находилась, икона принесёт народу благо...

— Скажите, как вас величать, дайте ваш телефон, адрес...

— Вам это не надо. С Богом... — сказали они и удалились.

Сердце моё, хорошо ли применять хитрость?

Не всегда, конечно, а тогда, когда лукавый тоже хитрит и не даёт свершить правое и святое дело. Как мне провезти икону через границу?

Вот что я сделал. Положил в карман пиджака завёрнутую в шёлковый платок икону. Прохожу через контроль. Зазвенел сигнал. Мне говорит служитель:

— Достаньте из кармана всё металлическое...

Я достаю и кладу на столик часы, мобильник, авторучку, валидол, шёлковый платок, паспорт, мелочь, снимаю запонки.

Служитель улыбается:

— Хватит, проходите... Я прохожу через электронный контроль второй раз.

Сигнал молчит.

— Забирайте ваши вещи, — говорит служитель.

Я спокойно беру со стола часы, мобильник, паспорт, плавок и всё остальное, кладу в карманы и иду дальше. Мы с иконой прилетели в Тбилиси.

На второй же день иду к Патриарху Грузии. Я люблю его, он мудрый, общение с ним доставляет радость и успокоение. Рассказываю о двух старых русских женщинах, об их судьбе, об иконе и о моей хитрости.

— Какое великодушие, — говорит он, имея в виду женщин.

— Я передаю икону в Ваше распоряжение... Он рассматривает икону. Прикасается губами.

— Икона доверена вам, — говорит он, — берегите её, и она будет помогать стране...

С тех пор на мне лежит ответственность: я — хранитель старинной бронзовой иконы с русской эмалью. Мне помогает в этом вся семья.

Спросил я у Сердца:

— Что такое Жизнь?

Ответило Сердце:

— Будущее — это банк,

который дает взаймы.

*Настоящее — исправник,
который взыскивает долги.*

*Прошлое — это судья,
который прощает долги.*

— Я тебя о Жизни спрашиваю!

— А ты не понял?

*Жизнь — это Настоящее,
в котором ты расплачиваешься с долгами
перед Будущим.*

— И как надо расплачиваться?

*— С чувством благодарности и сполна,
чтобы Прошлому не приходилось
списывать с тебя долги.*

Разве это не чудо?

Сердце моё,
назовём эту историю чудом, ибо всеми обычными доводами она не объясняется. Связана она тоже с иконой.

Мы с Валерией проводили семинар с учителями в Одессе. Было это в середине марта 2007 года.

Как обычно, на сцене устроили класс и пригласили желающих стать учениками. С ними мы импровизировали уроки. Один из моих уроков я обычно посвящаю Славянской АзБуке.

Мой друг, Григорий Шевелёв, сам — металлург, увлечён лингвистическими поисками, раскрытием истинных смыслов слов, расшифровкой старинных текстов. В его интересах оказалась также Славянская АзБука. Он рассказал мне о результатах своих поисков: он предпринял попытку составить целостный смысловой текст через последовательное соединение имен букв. Попытка эта не новая, но у него получился более чёткий и ясный текст с глубоким смыслом. Он разрешил мне воспользоваться его находками для построения урока.

Я поставил перед собой задачу: сделать учеников исследователями Славянской АзБуки, дать им возможность пережить радость познания и открытия, вызвать в них восхищение Славянской АзБукой, восполниться чувством признательности к её творцам, умеющим вовлекать их в стихию красоты речи и слова.

Работал над уроком долго. Надо было упростить гипотезу, определить и придать формы познавательным единицам, выстроить стержень познавательного и эмоционального восхождения, вообразить особенности учительского руководства, красоту и стимулирующую силу всего урока и т.д. Всякий раз, когда я дарил этот урок школьникам или учителям, я его утончал и совершенствовал. Сын помог мне отразить в слайдах весь познавательный материал, и урок стал ещё более красивым и увлекательным.

Итак, Одесса. В зале — более трёхсот учителей.

На сцене в «классе» сидят у меня двадцать шесть «учеников».

— Встаньте, пожалуйста. Закройте глаза. Предлагаю каждому стать на этом уроке не учеником, а учёным... Вы — известные прославленные учёные... Скажите себе: «Я — учёный, я — мыслитель»... Все мы сотрудники одной лаборатории. Нам предстоит решить важную проблему, связанную со Славянской Азбукой. Будем трудиться коллегиально — советуясь друг с другом и помогая друг другу... Каждый из вас — учёный... Откройте глаза, садитесь... С этой минуты я называю их коллегами и общаюсь с ними на равных.

— Ну как, вы согласны быть учеными?

Они, конечно, согласны. Обращаюсь к некоторым, говорю на «вы»:

— Вы у нас профессор по лингвистике... Вы известный в мире историк христианства... Вы доктор философии... Вы прославленный математик...

Мои ученики улыбаются.

— Учёный владеет и развивает в себе особые качества... Запишите два-три таких качества, которые вы будете развивать в себе сегодня...

Они пишут и называют: уметь обобщать, делать выводы, фантазировать, воображать, предугадывать, допускать, мыслить, чувствовать, привлекать специальные знания, быть внимательным...

Потом предлагаю выполнить пару заданий, чтобы поупражнять ум для научной деятельности и осознать мудрость, которой они открывают мысли:

«Сердце умнее».

«Кто ищет трудность, находит мудрость».

«Мудрость есть царица Неба и Земли».

Далее открываю слайд. На нём записи: «Тайна Славянской АзБуки. 863. В начале было Слово». На нём же в ряд записаны первые двенадцать букв, а под каждой буквой записаны их имена: «Аз, Буки, Веди, Глаголь, Добро, Есмь, Жизнь, Земля, Ико, Како, Люди, Мыслете». Делаем современный перевод этих имён. Особенно запинаятся они над словами: Аз, Буки, Веди, Глаголь,

Ико, Како. Общими усилиями, аналитическими суждениями выясняем их смысл. Получается у нас набор слов: Я. Книга. Ведать. Слово. Добро. Есть. Жизнь. Земля. И. Как. Люди. Мыслить.

Далее объясняю гипотезу: учёный предполагает, что творцы Славянской АзБуки назвали буквы этими именами не зря. С их помощью они зашифровали в АзБуке своё послание. Мы можем доказать гипотезу, если из данных две-

надцати слов сможем составить одно целостное и мудрое высказывание. Если это не получится, тогда мы опровергнем гипотезу как несостоятельную.

Учтите: порядок слов не должен быть нарушен, другие слова добавлять тоже нельзя. Можно менять грамматическую форму слов и использовать смысловые знаки.

«Ученики» приступают к исследованию.

Перед ними на слайде икона Кирилла и Мефодия.

В ходе работы становится необходимым выяснить: что имеется в виду в слове «книга», в слове «слово», кто это «я», когда создавалась Славянская Азбука, и с какой целью. Я опираюсь на догадливость учеников, на их способность логически размышлять, на их языковое чутьё.

В общем, урок для меня и для учеников становится стихией, мы забываем, что находимся на сцене, и что за нами следят 300 учителей.

Наконец, находим разгадку, и у нас получается текст: «Я, Книга, ведающая Словом добра, есть жизнь Земли и, как люди, мыслю».

«Книга» — это Библия; «Слово» — это Божье Слово.

Ученики торжествуют. Открытие вызывает в них удивление, восхищение, благоговение.

Урок-исследование заканчивается тем, что мы, стоя и глядя на икону Кирилла и Мефодия, в сердцах своих выражаем творцам Славянской АзБуки свою искреннюю признательность.

На пятый день семинара, когда я завершил свою работу, подошёл к каждому своему «ученику», поблагодарил за по-

мощь и поддержку и пожал руку. Один из них протянул мне нечто вроде книги, завёрнутое в газету.

Мы спешили на самолёт. Все подарки и конверты с письмами, разные поделки, сделанные учителями, мои коллеги уложили в целлофановый пакет.

Когда мы приехали в аэропорт, регистрация на наш рейс заканчивалась. Мы быстро положили все наши вещи на дорожку для рентгеновского досмотра и прошли через электронный контроль.

— Валюта есть? — спросили нас.

— Нет... — ответили мы.

— Нет ли антикварных вещей, золотых изделий, икон?..

— Нет...

— Заберите вещи... — сказали нам.

Теперь мы поспешили к регистрационной стойке, и уже должны были сдавать багаж, как один из таможенников подошёл к нам, извинился и сказал, что надо производить досмотр.

— Все вещи брать? — удивился я, — Что вы у нас нашли?

— Берите только этот чемодан, — сказали нам.

Сердце моё, Ты ведь знаешь, как мне трудно таскать тяжести? Но я потащил чемодан, поставил на столик и сам с интересом стал наблюдать, что они там найдут.

Досмотр затянулся. Валерия, взволнованная тем, что опаздываем на самолёт, тоже подошла, держа в руках целлофановый пакет и свою сумочку. Наконец, служители вытащили из чемодана индийскую металлическую вазу.

Один передал её другому, другой — третьему. Такие вазы — товар ширпотреба, продаются они везде. Мне её подарил мой украинский аспирант.

— Что вы в ней нашли? Оставьте себе, если она вам нравится! — сказала Валерия не без возмущения.

— Нет-нет, — ответил тот, который, видимо, был главным, — извините, нам показалось, что это антикварная вещь...

— Но мы же сказали вам, что у нас нет антикварных вещей. Почему вы не поверили нам?..

Наконец, взволнованные и усталые, мы сели в самолёт. После того, как мы успокоились и поднялись на высоту девять тысяч метров, я сказал Валерии:

— Дай целлофановый пакет, нам дарили письма, книги, просмотрим их...

И первое, что лежало на поверхности пакета, было, как мне показалось, книгою, завернутой в газету.

— Интересно, что за книга...

А когда я увидел то, что было завёрнуто в газету, я испугался, срочно обернул в газету и спрятал в пакет.

— Что это? — спросила Валерия.

— Икона... — шепнул я ей по-грузински. — Дома посмотрим...

Сердце моё, можешь объяснить, как такое могло случиться: глаза таможенников не увидели на мониторе икону, притом, не маленькую! Они ослепли? Аппарат не высветил её на экране?

Мне было страшно даже представить, что могло произойти, если бы они обнаружили у нас икону — восемнадца-

того века — Кирилла и Мефодия. Как бы мы могли им объяснить, что сами не знали, что мы вывозим с собой икону?

Старинная икона, выполненная на дереве. Краски стёрлись, но лица святых узнаваемы. Кирилл держит в руках длинный пергамент, на котором записаны первые пятнадцать букв изобретённой братьями азбуки, а в руках Мефодия — раскрытая Библия.

Уже находясь дома, мы нашли письмо, где сообщалось: «Икона Кирилла и Мефодия нашей семье досталась по наследству. Когда я рассказала моим родным о вашем уроке, они сказали: “Подари ему нашу икону”. Я с радостью выполняю желание семьи. Пусть вдохновит вас эта икона на созидание новых уроков».

Подписи не было.

Стоит теперь икона у нас на книжной полке. Смотрят на меня святые братья, и я спрашиваю у них: «Кто вас спас на таможенном контроле?»

Но что они ответят нам, Сердце моё?

Икона сама себя спасла. Разве это не чудо?

— *Сердце мое,
вот я стою у реки,
смотрю на ее течение, на ее цветущие берега,
и размышляю о Жизни.
Грустно мне: течет река в будущее,
где ее ждет исчезновение.*

Ни это ли наша Жизнь?

*— А ты смотри на течение реки духовным зрением,
и не будет грустно.*

Река живет только будущим.

Будущее ее там,

где она рождается,

настоящее — там, где она течет,

а прошлое — там,

куда она впадает.

Это и есть наша Жизнь!

Возвышение

Сердце мое,
вспомним еще один из прекрасных и радостных событий нашей жизни.

Произошло это 30 мая 2004 года.

Московский Художественный Академический Театр имени М.Горького был полон. На сцене стояло странное сооружение, напоминающее трап для самолета. Люди собрались не для просмотра спектакля, а для того, чтобы стать свидетелями возвышения Человека. А возвышал его Шри Чинмой, Человек Мира, духовный философ, деятель по единению народов.

Великий Шри Чинмой!

Это он нарисовал более 15 миллионов прекрасных, удивительно милых птичек.

Это он написал одухотворенный диалог ищущего человека со своим сердцем.

Мы с Тобой, Сердце мое, читали эту маленькую книжку с упоением, и я говорил Тебе: «Шри Чинмой пишет это о нас с Тобой».

И что же он там писал?

Вот такие прекрасные, как его птички, и мудрые, как его улыбка, миниатюры.

«Мое сердце, я люблю тебя.
Почему?
Потому что ты не жалуешься».

«Мое сердце, я люблю тебя.
Почему?
Потому что в тебе Бог бережет,
Словно сокровище,
Мечту своего Бессмертия».

«Мое сердце, я люблю тебя.
Почему?
Потому что, благодаря тебе,
Только благодаря тебе,
Мое существование здесь, на земле,
Имеет какой-то смысл и сознание».

«Мое сердце, я люблю тебя.
Почему?
Потому что в тебе я вижу
Не свои вчерашние неудачи,
А лишь свои завтрашние победы».

Мое сердце, я люблю тебя.
Почему?
Потому что каждый день
Твое рвение создает для меня
Столько золотых возможностей».

«Мое сердце, я люблю тебя.

Почему?

Потому что Ты научило меня:

Самоотдача — это начало

Богостановления».

«Мое сердце, я люблю тебя.

Почему?

Потому что каждый день

Ты вдохновляешь меня

Парить на крыльях бескорыстия».

Я тоже люблю Тебя, Сердце мое. А почему — на это могу найти миллион причин, кроме тех, на которые указал мудрый Шри Чинмой.

Так вот, о необыкновенной платформе и о церемонии.

Шри Чинмой создал программу — «Поднимая Мир сердцем единства», о которой в книгах написано: «Это уникальная программа, отмечающая людей, которые совершили выдающиеся достижения в какой-либо области, вдохновляя и поднимая тем самым человечество на новый уровень. В знак признания их заслуг Шри Чинмой учредил награду: «Поднимая Мир сердцем единения».

Шри Чинмой в буквальном смысле слова поднимал над головой тех, кого он награждал, используя свою почетную платформу.

На этой платформе стояли президенты и главы правительств разных стран, лауреаты Нобелевских премий, выда-

ющиеся деятели искусств, космонавты, многократные чемпионы мира, общественные деятели...

Мы с Валерией Гивиевной и дочкой Ниной пришли в театр в назначенное время. Нас встретили и сразу отвели за кулисы. Там каждого из нас взвесили и проводили в зал на свои места.

Началась церемония.

Хор исполнил гимн Шри Чинмоя.

Выходит Шри Чинмой. Пожилой коренастый мужчина.

Он в белом одеянии, улыбается обаятельно.

Мы одногодки с ним, оба родились в 1931 году.

Я даже старше его на полгода.

Он держит в руках созданный им же струнный инструмент. Играет, поёт.

Потом садится под своей платформой почёта. Платформа Шри Чинмоя величественна и прекрасна: она — как произведение искусства.

Первой приглашают Светлану Евгеньевну Феофанову. Она обладательница 6 мировых рекордов, 16 рекордов Европы, 18 рекордов России по прыжкам с шестом...

Далее на сцену поднимаются разные деятели — поэт Андрей Вознесенский, поэт, композитор и драматург Юрий Энтин, Главный детский дерматолог России Александр Румянцев, Художник-монументалист Зураб Церетели, философ Феликс Михайлов...

Последним — 26-м — приглашают меня с Валерией и Ниной. Шри Чинмой мудрый — он награждает деятеля и тех близких ему людей, которые способствуют в труде.

Мы поднимаемся на сцену.

Ты, Сердце моё, волнуешься.

Мы впервые испытываем такую торжественность.

Шри Чинмой улыбается нам, улыбка его пленяет.

Помощники отводят нас за платформу и предупреждают, что надо осторожно подниматься по крутым ступенькам. Поднимаюсь сперва я, потом — Валерия, потом — Нина.

Мы уже стоим на узкой платформе на высоте более двух метров, держимся за перила и смотрим в зал. На нас направлены прожекторы.

Аплодисменты, которыми нас встретил зал, стихли. Все замерли.

Сердце моё, что сейчас с Тобой происходит?

Ты вот-вот выпрыгнешь из груди. Это от чувства благоговения, неожиданности, от того, что сейчас произойдёт. Заслуживаем ли мы такое?

Шри Чинмой поднимает руки над головой, сжимает ручки. Он напрягается.

И в это же мгновение почётная платформа поднимает нас троих вверх на 15–20 сантиметров!

Переживание необыкновенно волнующе-торжественное.

В это мгновение я должен понять, что именно возвышает Исполин человеческого единения — Шри Чинмой: меня с Валерией и Ниной или всю нашу жизнь с моими родными, всю Гуманную Педагогику, всё учительство, творящее свет в образовании?

Я люблю Тебя — Сердце моё.

Почему?
Потому что ты дало понять мне,
Что есть Служение.
Почётная платформа плавно опускается.
В зале — овации.
Мы спускаемся по крутым ступенькам платформы.
Шри Чинмой встает, встречает нас, улыбается.
Мы говорим ему слова благодарности.
Он вешает каждому из нас на шею свою награду: «Под-
нимаемая Мир Сердцем Единства»
Нас фотографируют.
Под аплодисменты мы покидаем сцену.
Сердце моё, не забывается такое никогда.

*Попросил я у Сердца своего:
— Открой мне Закон Жизни,
в котором сочетается смысл духа и материи.
Ответило Сердце:
— Сказано:
«Обрати безобразное к прекрасному».
Это и есть Закон Жизни, который ищешь.
Спросил я:
— А как понять в нем сочетание?
Ответило Сердце:
— Безобразное — от материи,
прекрасное — от духа.*

*Занявшийся этим делом
прочно стоит на Земле,
но взор его прикован к Небу.*

Ты у меня теперь с четырьмя стендами

Сердце моё!

Какой внимательный и чудесный человек батоно Гурам. Он позвонил Нине — дочке моей — и сообщил, что нам надо обратиться к Сергею Владимировичу Готье, с которым он уже договорился и дал номер его мобильного телефона.

Я позвонил ему, представился от имени Гурама Германовича. Он сказал, что всё знает и велел приезжать.

И когда мы — Нина, Валерия, я и Ты, Сердце моё, — приехали в этот огромный, как городок, Федеральный Центр трансплантологии и пересадки искусственных органов, то там, в бюро пропусков, я узнал, что Сергей Владимирович Готье, профессор, академик Академии медицинских наук, является генеральным директором этого Центра.

Я ещё раз позвонил ему, и он сказал, что нас ждёт его заместитель — Медея Григорьевна...

Меня водили из кабинета в кабинет, и в одном из них я опять увидел Тебя, Сердце моё, на экране. Это было чёрно-белое изображение. Видел отдельные внутренние части Твои, в них было много линий, они двигались.

Слышал шум, как тихий прибой, как небольшой водопад. Это шумит кровь, объяснила мне врач.

После проведённого обследования и шушуканья врачей Медея Григорьевна отвела нас в свой кабинет и сказала коротко: «Сегодня пятница. А в понедельник мы вас укладываем в больницу на операцию».

Этого я не ожидал.

Мне предстояло в ближайшие дни лететь в Новосибирск и выступить с докладом на торжествах в честь академика Влаиля Казначеева, а потом вместе с Валерией проводить семинар с учителями в Нижнем Новгороде.

Но Медея Григорьевна отрезала: «Всё надо отложить!»

Что же врачи обнаружили в тебе, Сердце моё?

А вот что: два стента, которые были введены в левое Сердечко Твоё в Тбилиси, отчасти закрылись, потому их надо было срочно прочистить; но правая половина Твоя вообще бездействует, её надо оживить тоже, не медля.

Как мы потом вспомнили, тбилисские врачи отказались трогать правую половину. Медея Григорьевна была категорична: надо ложиться с понедельника, чтобы подготовить меня к операции.

В общем, после двухнедельного обследования и особого режима питания нас с Тобой, Сердце моё, опять уложили на операционный стол. Я ещё раз увидел Тебя на огромном экране.

Врач Борис Леонтьевич оказался искусным мастером своего дела. Два часа, Сердце моё, он колдовал над Тобой.

В справке о болезни по этому поводу записано: «26.05.2009 г. проведена операция реканализации правой коронарной артерии со стентированием (2 стента с ле-

карственным покрытием), баллонной ангиопластики передней межжелудочковой ветви, баллонной ангиопластики диагональной ветви со стентированием (1 стент с лекарственным покрытием), баллонной ангиопластики, огибающей ветви со стентированием (1 стент с лекарственным покрытием)».

Так что, Сердце моё, Ты у меня теперь с четырьмя стен-
тами.

Мы с Тобой не инвалиды, ибо:

Встречаться с учителями нам разрешается? Да!

Быть с детьми и дарить им уроки можно? Можно!

Писать книги и размышлять о Высшем можно? Можно!

Волноваться о судьбе образования разрешается? Да!

Создавать новые лаборатории гуманной педагогики
можно? Можно!

Отдаваться всем сердцем и силами подготовке и прове-
дению Педагогических Чтений можно? Конечно!

Любить, радоваться, заботиться, помогать, восхищаться,
возмущаться, страдать — можно? Тоже можно!

Нам разрешается даже плавать, много ходить.

Разве всего этого мало?

А что нам запрещается? Ерунда! Не есть солёное и слад-
кое, жареное и жирное, и всё, что содержит вещество с науч-
ным названием холестерин. Ну что же, нам совсем нетрудно
соблюсти эти мелочи, и таблетки с пятью разными названи-
ями тоже будем глотать.

Давай возьмёмся, Сердце моё, за большие планы, а там,
как решат Свыше, пусть так и будет!

— Сердце мое,
вот видишь этого больного:
он ждет уже третий месяц,
когда доставят в больницу живое и здоровое сердце человека,
погибшего, может быть, в дорожной аварии,
и врачи заменят им его изношенное сердце.
Скажи, станет ли для него чужое сердце
Свыше действующим органом?..
Сердце мое, отвечай, почему же ты молчишь?
— Может быть,
тебе тоже дождаться в больнице несколько месяцев,
чтобы заменить меня сердцем молодого спортсмена,
погибшего в дорожной аварии?
С чьим сердцем ты тогда будешь разговаривать?
— Сердце мое, мне стыдно!
Не хотел обидеть тебя.
Я люблю тебя и никогда с тобой не расстанусь,
мы вместе покинем этот мир!
— Тогда вот что:
Сердце есть дом Духа,
и какого будет Духу,
если принудить его жить в чужом доме,
который он не знает, как обжить?..
Почему же ты молчишь, почему не отвечаешь?
— Прости меня... Я понял...

ЧУВСТВО ВИНЫ

Сердце моё,
Нам больно,
Очень больно!

Боли бывают разные — физические, душевные.

Душа болит — сердце колет.

А если душа радуется — сердце трепещет, отгоняет всякие боли. Мы, Сердце моё, переживаем боль души — чувство вины перед Микой.

Я же учу других, как им воспитывать своих детей, как о них заботиться, как и от чего их защитить. Для себя тоже закон установил: воспитанию нет начала и конца ему тоже не видно.

Я же знаю: воспитание — открытый процесс, как сама жизнь, и в него могут войти все: одни войдут с добрыми намерениями, другие — так, чтобы прогуляться, но третьи — со злыми умыслами.

Подросток не всегда разгадает, кто есть кто, и его доверчивость может обернуться бедой. Взрослым надо смотреть в оба, надо чувствовать всем своим существом, где, когда, в какое мгновение, кто входит в этот священный мир, с какими намерениями. И если нужно, воздвигнуть тонкую защиту вокруг неокрепшего еще подростка. Обо всем этом я говорю другим, и они меня внимательно слушают, записывают мои слова. Но сам же я упустил момент истины.

Меня часто приглашали в школу, где учился мой внук, чтобы поговорить с родителями о воспитании детей или помочь учителям освоить новый опыт. И каждый раз я возмущался, видя, как девочки и мальчики, выходя из этой «элитарной» школы, тут же доставали из кармана или портфеля сигареты и начинали курить. Были среди них и младшие школьники, и старшекласники.

Думал ли я тогда, что ученики могут курить не только возле стен школы, но и внутри школы, в туалетных комнатах, в укромных местах?

Конечно, я знал и это тоже.

Но о чем я не думал, так это о том, что кто-то может спровоцировать на то и моего Мику. Я не мог такого допустить, наверное, потому что очень надеялся на его благоразумие.

Надеялся, и потому не предостерег его.

А он оказался слабым.

Старшекласники из туалетной комнаты победили нас.

Мы узнали об этом, когда он, уже студент первого курса, вернулся из Норвегии, где проходил стажировку, практикуя английский язык. Запах сигареты насторожил меня. Но мог же я учуять этот запах гораздо раньше, когда он был еще учеником седьмого или восьмого класса? Мог, будь я более внимательным.

Каждый раз (а это постоянно), как подумаю, что он сейчас выкуривает сигарету и тем самым сокращает свою жизнь, наносит себе вред, Ты, Сердце моё, сжимаешься до отказа, и нам становится больно.

Стенты не спасут, когда сердце переживает чувство вины перед своим внуком. «Дед, — слышу я упрёк, — почему ты не был рядом, когда я впервые закурил?».

Прости, Мика, подвело меня моё чутьё!

Но ты уже взрослый.

И если ты действительно прощаешь меня, мою оплошность, то дай восторжествовать моему Сердцу, скажи нам: «Родные мои, радуйтесь, ваша любовь и моя воля помогут мне избавиться от этой пакости прямо сейчас, с этой минуты!»». Преподнесёт ли Мика нам такой дар, Сердце моё?

Я спросил у Сердца:

— Что скажешь о чувстве вины?

Ответило Сердце:

— Чувство вины

может свести человека в могилу.

Но если оно выльется в чувство покаяния,

то человек может возвыситься

до Седьмого неба.

Башня

Сердце мое,
Сколько лет мы с Тобой мечтали построить в Бушети башню.

Как жить в Бушети, не созерцая Кавказских гор!

Из нашей веранды они, конечно, видны. Видны они из нашего двора. Но не совсем, нет полного обзора: мешают деревья, дома, да еще что-то. Иногда я поднимаюсь на крышу дома, чтобы оттуда созерцать, как главный хребет возвышается над Алазанской долиной. Слева от нас, если погода ясная, можно увидеть вершины Эльбруса и Казбека.

Но до каких пор будешь стоять на крыше? И подняться на нее для меня уже проблема.

Нужна башня, чтобы свободно глядеть на эти таинственные горы, которые мудрые книги ставят в один ряд с горами Алтая и Гималаев. Все они обители чего-то прекрасного, величественного и таинственного.

Тайна Кавказских гор связана не с тем, что там упрятаны несметные богатства, золото и драгоценности, награбленные когда-то разбойниками. А с тем, что где-то там куется счастье человечества, его будущее. Думая об этом, я часто воображал скрытые от человеческих глаз Дворцы, Храмы, Крепости, Башни, в которых потомки Прометея, тоже Про-

метеи, Сущности Светлые, по воле Бога прокладывают человечеству путь к Свету.

Есть еще одно очарование у Кавказских гор: они умеют вдохновлять на творение добра и красоты, умеют направлять сознание на постижение Вечности и Беспредельности, Бессмертия и Бога, на постижение Смысла Жизни.

Облака — мысли Кавказских гор. Своими движениями, перетекающими формами они учат людей, как надо мыслить пространственно, расширенно, космически, чтобы получать ответы о высоком, непостижимом, об ином образе бытия.

Много лет, Сердце мое, мечтал я построить башню и с высоты её созерцать и горы, и облака над горами, поставить телескоп и любоваться звёздным небом.

Мысль действительно имеет силу материализации. В моём воображении башня была построена уже давно, я любовался ею.

Но прошлым летом Валерия открыла нашему сыну Паате мою тайну.

— Построим башню, — сказал Паата и вызвал из Тбилиси проектировщиков.

Вскоре мы с Валерией уехали в Москву, а из Бушети сообщили, что строительство башни начинается. Деньги? Странно, но они притекли: я получил правительственную премию, прибавили зарплату, перечислили гонорары за книги...

А из Бушети приходили вести: башня строится... завершается... построена...

Вот почему нам так не терпелось скорей полететь в Бушети.

И вот она, моя мечта, башня!

Я стою на площадке обозрения: Кавказские горы как на ладони. Отсюда можно наблюдать восход и заход Солнца, можно любоваться Звёздным небом, созерцать любимую звезду через телескоп, можно... Всё можно... А маленький кабинетик наполнен потоками вдохновения — они поступают сюда прямо из облаков и горных вершин. В кабинете стоит маленький рабочий столик и старинное Кресло Учителя.

Правнучка моя, Тамусики, своим разумом трёхлетней девочки дала башне имя: башня Шалико.

Сердце моё, мы с тобой сейчас, находясь на смотровой площадке башни, чуть приблизились к Небу. Давай, воздадим благодарность, извлечённую из твоих глубин, Богу за все, чем Он нас одарил!

— *Сердце мое,
как величественны горы Кавказа!*

Тебе не хочется взглянуть на мир с высоты той горы?

— *Но есть более высокие и достойные вершины.*

— *Это какие же?*

— *Это вершины твоего Духа: Вера, Любовь, Совесть, Красота...*

Назвать имена всех?

— *Не надо, сам знаю...*

— *Знаешь, но почему не созерцаешь их, не восхищаешься ими, не покоряешь их?*

— Я не понимаю тебя, Сердце мое!

— На вершины кавказских гор
можно подняться, став альпинистом, можно и на вер-
толете.

Но потом поспешишь спуститься обратно на равнину,
и станешь еще и хвастаться, какой подвиг совершил.

А вершины Духа дарят покорителю бессмертие.

Стань альпинистом этих вершин.

— То есть, ты предлагаешь...

— Да, да, да! Водрузи себя на вершины Духа и пребывай
там всегда.

— На все вершины сразу?!

— Выбирай любую, созерцай мир с её высоты
и живи так, как велят тебе законы гор Духа.

Подари Небесам своё ответное чудо

Сердце моё,

Только в Бушети удаётся нам с тобой совершать каждое утро своё таинство, которое доставляет нам особую радость. Давай откроем его всем: быть может, выяснится, что мы все не одни в этом своём пристрастии, и тогда мы окажемся среди других, или же, может быть, увлечём нашим таинством других, и нас станет много.

Мы с Тобой, Сердце моё, пока ещё не придумали название нашему таинству, которое связано с Солнцем.

Обычно мы совершаем его так.

Встаём рано утром, часов в пять.

Зажигаем свечку и молимся.

Потом приступаем к работе: пишем, размышляем, или же выходим во двор, берём метлу и наводим вокруг порядок.

И ждём.

Ждём наступления Моента.

И тогда мы с Тобой, Сердце моё, оставляем всё и спешим подняться на смотровую площадку башни. Раньше же, когда не было у нас башни, спешили к заранее выбранному месту во дворе.

Встаём лицом к Востоку.

Перед нами, на фоне загорающегося Неба, вырисовывается хребет Кавказских гор. Вершины их сверкают красками, как будто Небо накрывает их венцами и готовит для коронации.

Мы с Тобой, Сердце моё, уже знаем, в какую точку нам сегодня надо смотреть. Мы расширяем зрачки и направляем ладони тоже на Восток, стараясь не моргнуть глазами.

И Ты, Сердце моё, уже трепещешь в ожидании чуда.

Мы сейчас оторваны от остального мира, мы не видим, что происходит вокруг — птички ли поют, ветер ли шелестит, собаки ли лают, петухи ли кукарекают, крестьянин ли с соседями перекликается, — ничего не слышим и ничего другого тоже не видим.

Сейчас наступит одно Мгновение, которое нельзя упустить. Всё таинство в нём, оно и будет началом Чуда, длящегося вечность. И сколько ни стереги это Мгновение, оно всё равно наступит неожиданно.

Мгновение это — Первый Лучик Солнца.

Первый, Первый!

Он всегда один и тот же!

Высветится он из-за могучей коронованной вершины горы вдруг, неожиданно, и врежется прямо в Душу, прямо в Твои сокровенные глубины, Сердце моё!

Позже, когда мы оторвёмся от Вечного Чуда, наше сознание долго будет мучиться в поисках разгадки: что за сверкание небесного бриллианта там было, что же успел с нами сделать этот Первый Лучик, который мы не можем описать словами, это нам не под силу.

Свершается это в одно мгновение... В долю мгновения, которая влечет за собой Вечность, что люди испокон веков называют Восходом Солнца. Мы с Тобой, Сердце моё, вот уже в который раз стараемся уловить эту долю мгновения, этот Первый Лучик.

Душа ликует.

Ты — вся радость, о которой говорят, что она есть особая мудрость.

Первый Лучик сразу потянет за собой тысячи, миллионы, миллиарды, биллионы, — сложно сказать, скольких, — подобных себе лучиков.

Но Первый останется Первым.

Все они вместе образуют Солнце.

Оно поднимается из-за горы медленно, спокойно, величественно, возвышается над горами, над миром. Глаза напиваются светом, напиваются жадно. Моя сущность, моё тело наполняются жгущим светом.

Ты, Сердце моё, то шепчешь молитвенные слова, то немеешь от удивления, восхищения и благоговения. А Солнце — может быть, оно и есть Божье Сердце — начинает всё ярче пылать и возвышаться.

Начинается вечное Чудо.

Мы с Тобой, Сердце моё, становимся свидетелями этого Вечного Чуда.

И хотя оно начинается каждый Божий День, мы с тобой не можем принять его обычным явлением.

Солнце взошло!

Вот теперь можно оторваться от Солнца (оно и не даст тебе смотреть на него весь день и баловаться) и ещё раз задуматься: что всё это значит?

Ты однажды, Сердце моё, подало мне мысль: во всей Вселенной действует только один закон Творца — закон Света, закон Любви. Все остальные законы — как лучики этого Основного Закона. И Великий Бог каждый Свой День объясняет нам это.

И если это так, что же тогда остаётся нам, Сердце моё, кроме как сильно пожелать: Дай Бог, чтобы Он не изменил своему Творящему Терпению, пока люди не подарят Небесам своё ответное чудо.

— Сердце мое,

День настал.

Как мне быть?

— Победить.

— Над чем?

— Над прошлым,

чтобы открылись врата будущего.

— Сердце мое,

Я в пути.

Как мне быть?

— Победить.

— Над чем?

— Над соблазнами,
чтобы не замедлить шага.

— Сердце мое,
Я в гуще жизни.
Как быть?

— Победить.

— Над чем?

— Над самостью,
чтобы понять благо помощи
Земных и небесных сил.

Можно лететь

Сердце моё,
Что с нами происходит?

Год прошёл после второй операции, и вот я опять чувствую, что с Тобой не всё в порядке. Вначале я не обратил на это внимание: что бы там ни было, всё же нам было лучше, чем год назад. Потому эту тайну хранили в себе. Тем более что двумя месяцами ранее мы с Валерией взяли билеты на самолёт в Тбилиси. Была у нас причина в 2010 году спешить в наше Бушети: там ждало меня воплощение моей мечты — Башня.

За неделю до вылета Валерия сказала, что нам лучше пройти к нашему врачу Марине Евгеньевне и провериться, пусть она даст нам наставления на лето.

Мы пришли в Федеральный Центр трансплантологии и пересадки искусственных органов. Врач направила меня на обследование, после чего категорически заявила:

— Завтра же укладываем вас в больницу.

— Это как?! — забеспокоился я, — у нас же билеты...

— Нельзя ли отложить до осени? — спросила Валерия.

Врач строго посмотрела на неё и сказала тоном предупреждения:

— Состояние прединфарктное, что и когда может случиться — неизвестно.

Так это оставить?..

В общем, через день я уже лежал на операционном столе, а хирург Борис Леонтьевич, который прежде уже спас Тебя, Сердце моё, опять внимательно рассматривал Твои капилляры на экране.

— Да, образовались бляшки... — сказал он.

— И что будем делать? — спросил я.

— Убирать будем... — ответил он.

И я опять наблюдаю на экране, как искусные руки врача управляют движением провода, который несет на своей головке пятый уже по счёту стент...

Мы с Тобой, Сердце моё, чувствуем себя отлично.

Через два дня нас выписывают из больницы.

Через день улетает наш самолёт.

Но можно ли нам лететь?

Наш строгий врач, улыбаясь, говорит:

— Можно, летите...

— *Сердце мое,*

Прошло совсем немного времени,

и Ты потребовало пятый стент.

В будущем, может быть, понадобится тебе

И шестой, и седьмой стент.

Значит ли это, что моя жизнь висит на волоске?

— *Конечно. Она всегда висела на волоске.*

Ты не раз был предупрежден.

— *Итак, я должен постоянно тревожиться, что волосок вот-вот оборвется?*

— *Да, но тревожиться нужно не из-за жизни.*

— *А из-за чего?*

— *Из-за предназначения.*

Спеши свершить то, ради чего родился.

— *Скажи мне — успею?*

— *Мечтай, молись, действуй, чтобы успеть, не теряя ни минуты.*

И если нужно будет, подкрепляй меня стендами.

СОН

Сердце моё,

Как все удивились — Валерия, Натела, Паата, Гиви,
Тина, Марина, — когда вечером 31 июля вдруг я им объявил:

— А у меня сегодня исполнилась круглая дата, поздравьте!

— Что ты выдумываешь, какая у тебя круглая дата! —
говорит Пика.

— Да, круглая, сегодня мне исполнилось 29 000 дней
со дня рождения...

— С ума сойти! — воскликнула Марина.

— Да?! — восклицают Тина и Гиви.

— Как это ты вычислил?! — поражена Натела.

Подхожу к каждому.

— Поздравь... — и подставляю щёку.

Пика тоже целует меня, но возмущается:

— Хватит тебе считать дни...

— Как? Я всегда считал свои дни, тем более, сейчас, когда
пять стентов...

— Забудь о стентах! — прерывает Пика.

Последние годы я живу с настроением, что пора уклады-
вать свой сундук и оставлять дела в порядке.

...Через два дня, Сердце моё, нам приснился сон, яркий,
запоминающийся во всех деталях.

Валерия и Нина, моя дочь, ведут меня на кладбище. Ведут хоронить меня по моему же желанию. Настроение у каждого из нас приподнятое, а не грустное, траурное. Они готовы хоронить меня, раз я сам этого хочу. Идём так: я в середине, справа — Валерия, слева — Нина. Вот пришли на кладбище, хотя могил там не вижу. Нас встречает хозяин кладбища. Местность — как склон горы. Хозяин кладбища стоит выше, и мы смотрим на него снизу. Он ждал нас. Улыбается.

Я чувствую к нему уважение, он мне нравится. На нём надет костюм. Улыбка его — не «добро пожаловать», а «ну что же». Руками он указывает нам дорогу, куда надо идти, чтобы хоронить меня. Дорога справа от нас.

Я смотрю на дорогу. С двух сторон она обросла дикими кустами, а в глубине и вовсе заросла. Как мы туда пройдем? Видимо, там еще никого не хоронили. Мне приходит мысль: «Хорошо, Валерия и Нина похоронят меня сейчас живого, но если я в могиле сразу не умру, а проживу еще? Что тогда будет? Ждать смерти в могиле (я почувствовал, как мне этого не хочется: лежать и ждать) или звать, чтобы меня выкопали? Но кто меня услышит?».

Не было во мне страха, но переживал какое-то странное состояние, не могу объяснить. Я решаю, что раз так, не надо меня сегодня хоронить. Кроме того, мелькает в голове, я же хотел, чтобы меня кремировали. Улыбка хозяина, принимающего нас, теперь означает: «Значит, вам понятно?», — то есть: «Вы пришли не к сроку».

Мы уходим. Настроение у нас такое же приподнятое и веселое, какое было.

Сердце моё, кто лучше Тебя может объяснить этот вещий сон?

— Сердце мое,

скажи мне, что есть сон?

— Сон есть общение с Миром Высшим, Духовным,
он есть беседа с ангелами.

— А разве он — не отдых?

— Да, но только для тела.

А Дух продолжает жить в мире духовном.

Там он получает наставления

От своих небесных покровителей.

— А что есть видения во сне?

— Память об очень важных наставлениях,
способствующих пониманию земных обстоятельств.

— Значит, мой сон был вещим?

— Решай сам.

Манифест гуманной педагогики

Сердце мое,
Зачем мы с Пикой строили усадьбу в Бушети?
Ты, конечно, первое знало об этом, знало давно и радовалось.

Мы же в начале, в те семидесятые годы, думали, что строили себе и нашим детям дачу. Но потом, спустя пару десятилетий, постепенно осознали, что творим пространство любви и гармонии, добра и красоты; создаем некий центр единения и взаимопонимания, вдохновения и творчества.

А с тех пор, как гуманная педагогика собирала все больше последователей, мы с Пикой размечтались собрать всех ведущих деятелей этого движения именно здесь — в нашей усадьбе, и обсудить с ними самый главный вопрос.

Мечта побудила нас усилить старания и не жалеть средств (то есть, все наши заработки) на благоустройство усадьбы. И после того, как построили башню, расширили пространство и развели сотни кустов роз, а самое главное, почувствовали, что пора принимать самое важное коллективное решение, мы обратились к коллегам с предложением подписать Манифест гуманной педагогики и с этой целью

собраться в Бушети. И какова была наша радость, когда мы получили от них согласие.

А теперь запишем для истории дату, когда это произошло: 15-17 июля 2011 года.

Запишем также имена всех соавторов Манифеста, приехавших в Бушети: С.А. Крук — президент Всеукраинской культурно-образовательной ассоциации гуманной педагогики (Хмельницк, Украина); К.Ш. Мансурова — руководитель Международного общественного движения «Родительская забота» (Москва, Россия); К.А. Молчанова — председатель Ассоциации гуманно-личностной педагогики в Эстонии (Таллинн, Эстония); И. Погребняка — председатель правления Ассоциации Гуманной педагогики Латвии (Рига, Латвия); И. Стулпинене — председатель ассоциации гуманной педагогики в Литве (Клайпеда, Литва); Х. Султанова — руководитель Чеченского Республиканского Центра Гуманной Педагогики (Грозный, Чечня); К.Т. Султанов — руководитель Дагестанского Республиканского Центра гуманной педагогики (Дербент, Дагестан); Т.В. Шуртина — председатель Республиканской общественной организации «Центр гуманной педагогики Республики Хакасия «Школа Жизни» Ш. Амонашвили» (Абакан, Хакасия); М.Н. Абрамова — почетный работник общего образования РФ (Москва, Россия); И.В. Алексеенко — член правления культурно-просветительского центра «Гармония» (Клайпеда, Литва); Н.А. Амонашвили — учитель Тбилисской I-ой экспериментальной школы (Тбилиси, Грузия); М.Г. Амонашвили — заместитель директора Тбилисской I-ой экспери-

ментальной школы (Тбилиси, Грузия); П.Ш. Амонашвили — президент детского художественного центра «Басты-Бубу» (Тбилиси, Грузия); В.Ф. Бак — вице-президент Всеукраинской культурно-образовательной ассоциации гуманной педагогики (Артемовск, Украина); М.А. Баранюк — руководитель Эстонского общественного центра гуманной педагогики (Таллинн, Эстония); М.С. Гвилава — учитель Тбилисской I-ой экспериментальной школы (Тбилиси, Грузия); З.А. Григалашвили — директор Тбилисской I-ой экспериментальной школы (Тбилиси, Грузия); В.М. Гуливатый — президент Академии гуманной педагогики (Винница, Украина); И.А. Киршин — руководитель Калининградского отделения Общероссийской общественной организации «Центр Гуманной педагогики» (Калининград, Россия); В.А. Кучеровский — руководитель Одесского отделения Всеукраинского культурно-образовательного центра гуманной педагогики (Белгород, Украина); Э.Б. Михайлов — руководитель Черновицкого областного центра Гуманной Педагогики (Черновцы, Украина); Т.Л. Надточий — руководитель Харьковского Областного Центра Гуманной Педагогики (Харьков, Украина); В.Г. Никитин — председатель Международного общественного жюри «Сердце и лебедь» (Ростов-на-Дону, Россия); В.Г. Ниорадзе — член Координационного совета Международного центра гуманной педагогики (Москва, Россия); Д. Озолс — член правления Ассоциации гуманной педагогики Латвии (Рига, Латвия); Т.Л. Павлова — руководитель Новосибирского отделения Общероссийской общественной организации «Центр гу-

манной педагогики» (Новосибирск, Россия); Т.Н. Румянцева — член Координационного совета Международной ассоциации общественных объединений «Международный центр гуманной педагогики (Москва, Россия); Н.А. Салиенко — руководитель Днепропетровского отделения Всеукраинской культурно-образовательной ассоциации гуманной педагогики (Днепропетровск, Украина); В.Ш. Сартания — профессор, декан факультета управления экономики и бизнеса Грузинского университета имени Святого Андрея Первозванного Патриархата Грузии (Тбилиси, Грузия); Т.М. Схвитаридзе — основатель и продюсер детского художественного центра «Басти-Бубу» (Тбилиси, Грузия); Е.Н. Черноземова — вице-президент Общероссийской общественной организации «Центр гуманной педагогики» (Москва, Грузия); М.И. Шишова — вице-президент Общероссийской общественной организации «Центр гуманной педагогики» (Москва, Россия); З.Л. Цуцкиридзе — профессор, журналист (Тбилиси, Москва); И.О. Эрметов — руководитель Киевского отделения Всеукраинской культурно-образовательной ассоциации гуманной педагогики (Киев, Украина); Т. Яунземис — начальник отдела образования Смилтенского края (Смилтене, Латвия). В силу обстоятельств не смогли приехать Д.М. Маллаев, В.Г. Александрова, М.В. Богуславский, С.Ю. Городович, Е.С. Евдокимова, Д.Д. Зуев, М.Р. Озолия, и они очень жалели об этом, хотя Манифест подписали.

Манифест был подписан в 11 экземплярах, и из них 9 подлинников были переданы на хранение: Международ-

ному Центру гуманной педагогики, Всероссийскому, Всеукраинскому, Латвийскому, Литовскому, Эстонскому, Хакасскому, Дагестанскому, Чеченскому центрам гуманной педагогики. Один экземпляр подлинника остался в нашей усадьбе в Бушети. А судьба одного экземпляра особенная: в день подписания Манифеста участников встречи принял католикос-патриарх Грузии Илья II. Это была незабываемая двухчасовая встреча. Мы воспользовались случаем и передали ему подлинник текста Манифеста на хранение.

Для истории приведем из текста Манифеста следующую цитату: «С этой целью по приглашению президента Международного Центра гуманной педагогики Ш.А. Амонашвили мы собрались в его усадьбе в Бушети (Телавский район, Грузия). 17 июля 2011 года есть день провозглашения нами Манифеста гуманной педагогики».

Теперь Манифест, провозглашенный в Бушети, гуляет по миру, переведенный на 15 языков мира.

Опять для истории: Двенадцатые Международные Педагогические Чтения в марте 2013 года были посвящены теме — «Манифест гуманной педагогики — путь в будущее». Количество участников превышало 650 человек.

Вот так, наша усадьба в Бушети.

Посмотрим, что будет дальше, Сердце мое, планов много.

Взял я интервью у Сердца своего.

— Чего Ты больше всего ценишь в Манифесте?

- *Заботу об эволюции.*
- *Что Тебе больше всего нравится в Манифесте?*
- *Сила единения.*
- *Что Тебя восхищает в Манифесте?*
- *Истина.*
- *Чего Ты ждешь от Манифеста?*
- *Одухотворенного Будущего.*
- *От кого зависит утверждение Манифеста?*
- *От учителя.*
- *Что Ты хочешь сказать учителю?*
- *Пробудись!*

Сердце мое,

*Утешь меня в моем горе: ушла из жизни моя любовь,
моя целостность,*

я остался один в упряжке...

*— Из жизни не уходят,
в жизнь только приходят.*

— Но ее нет рядом!

*— Она за соседней стеной,
занята важным делом.*

— Я не успел сказать ей главное!

— Говори мыслями, она поймет.

— Я не успел доставить ей полноту радости!

— Твори радость во имя ее, она порадуется.

*— Я не успел покаяться перед ней
за грехи свои!*

— Сделай это в мыслях, она простит.

— Может, она ищет любимый платок?

— Береги его у себя, будет благодарна.

— Я хочу видеть ее!

*— Наберись терпения,
настанет час встречи.*

— Хочу звать ее!

*— Не шуми,
ей нужно сосредоточиться.*

Можешь понять, в чем твоя забота?

— Оберегать ее спокойствие?

— Вот именно.

Оберегай ее спокойствие

своим спокойствием,

и она, находясь за стеной, преуспеет.

— С чего начать?

— С мудрости Востока:

Подымись на вершину горы,

будешь иначе мыслить и чувствовать,

нежели находясь в долине.

26.04.2013

30 000

ПРОВОДЫ В ВЕЧНОСТЬ

Дорогие коллеги!

Изначально я писал эту книгу для себя, чтобы успокоить свои чувства и мысли.

Но близкие уговорили напечатать ее для узкого круга друзей и знакомых.

А потом многие стали обращаться с просьбой издать ее бóльшим тиражом.

И я решил так и сделать. Прежде всего еще и потому, что 17 апреля 2015 года Валерии Гивиевне исполнилось бы 80 лет.

Шалва Амонашвили

**«Без тебя прожить мне жизнь,
горе мне, как трудно...»**

Руставели

Мы с Валерией всё лето спали на открытой веранде второго этажа нашего Бушетинского дома. Она у нас достаточно большая. С трёх сторон закрыта виноградной лозой, на которой спокойно зреют гроздья. Обычно мы возвращаемся, когда виноград цветёт, и от него на веранде стоит чарующий запах. А потом всё лето наблюдаем, как растут гроздья, как меняют цвет, и к концу лета успеваем вкушать их сладость.

На потолке нашей веранды, почти над нашей кроватью и над нашей головой, с удивительным инженерным чутьём ласточки построили своё гнёздышко. Это было несколько лет тому назад. С тех пор они возвращаются к родному дому. Сначала обновляют его, потом кладут яйца и выводят птенцов. За лето они успевают вывести два поколения птенцов, обычно 6–8 красавчиков. Гнездо пристроено к деревянной балке и похоже на чудный балкончик. Мы живём с ласточками дружно: не пугаем их, и они нас не боятся, потому свободно чирикают и ничего от нас не скрывают. Мы с Валерией любим в любое свободное время ложиться на кровать и долго наблюдать, какая кипит жизнь вокруг и внутри гнезда. И созерцая эту жизнь, мы размышляем, философствуем и мудреем.

Веранда для Валерии ещё и рабочий кабинет. В самом уютном и располагающем к прекрасному месту стоит стол, на нём — компьютер, книги, бумаги. Валерия быстро набирает тексты на компьютере. Пишет свою новую книгу. Ласточки ей не мешают, несмотря на то, что сидят на проводе в тени виноградных листьев прямо перед её носом и оживлённо чирикают.

На бумагах, разложенных на столе, лежат камни, чтобы ветер не унёс и не разбросал их. Камни я собираю в нашем ущелье, оно рядом. Там можно найти много удивительных камней необычной формы, с загадочными узорами и оттенками.

В этом 2012 году мы приехали в Бушети в начале июня. Здесь наша усадьба. Цвели розы, их у нас во дворе почти 500 кустов. Цвели также и виноградная плантация, и наш виноград на веранде. Плодовые деревья — яблони, груши, сливы, вишни, черешни, инжир, абрикосы, персики, ореховые деревья подавали знаки необычайно щедрого урожая.

В нашем дворе появились чудные птицы, и даже соловьи. Ранним утром и вечером мы наслаждались их трелями, перекличками, хоровым пением.

Солнце грело, и лазурная вода в бассейне ждала нас.

Вокруг царило спокойствие, наполненное пением птиц, стоял нежный запах, достойный стать ароматом для самых изысканных духов.

Босые ноги утопали в мягких коврах только что подстриженной травы.

Кавказские горы со своими гигантскими облаками завораживали, а купол неба с новорожденными белоснежными стадами баранов посылали нам вдохновение и надежду.

Преданная любовь близких освободила нас от любых посторонних и мелких забот, и мы погрузились в стихию нашего педагогического творчества: Валерии нужно было дописать вторую книгу из задуманной трилогии по развитию речи, а я собирался написать книгу, которую назвал так: «Учитель».

Дни шли мирно.

Время от времени шёл дождь. Крестьяне радовались: это благо для урожая, говорили они.

Иногда нас навещали родные и близкие, и мы рады были видеть их.

Вишни, черешни, абрикосы, сливы уже протягивали нагруженные плодами ветви. Вкусили ранние плоды инжира.

Наше творчество продвигалось с успехом.

Так наступило 19 июля.

День был солнечным и жарким. Мы, как обычно, много потрудились, а вечером легли спать пораньше, ибо вставали рано утром: я встречал восход солнца, а Валерия прислушивалась к пению соловья и наблюдала за утренними занятиями ласточек.

Ничего не предвещало беду.

Но в Кахетии так бывает: погода меняется неожиданно и резко.

К трём часам ночи нас разбудил сильный ветер, который срывал с нас одеяла. Молнии рассекали небо, и страшный гром оглушал слух.

Мы сперва попытались укутаться в одеяла, но не тут-то было: через минуту ураганный ветер забросал в постель крупные шероховатые шарики града.

Мы спохватились и быстро укрылись внутри дома.

Едва успели закрыть в комнатах окна. Именно едва, потому что ещё чуть-чуть, и мы не смогли бы пересилить ветер. Потом долго чистили при свечах комнаты, подоконники и коридор от влетевшего через окна града.

Град и ураган буйствовали минут сорок. Мы не могли видеть, что происходило во дворе. Вокруг была тьма, но открывавшиеся на мгновение при свете молний картины пугали нас.

Потом ветер стих также внезапно, как и возник. Град прекратился, но грянула и со скоростью звука с гор в ущелье понеслась лавина.

Рассвело.

Мы уже знали, что произошла беда.

Но то, что увидели наши глаза — это была душераздирающая трагедия: на виноградниках, на деревьях не было ни одного листика, они лежали под 15-20-сантиметровым слоем града. Там же были похоронены гроздья виноградных лоз, не успевшие созреть яблоки, груши, сливы, инжир. На деревьях была сорвана кора, некоторые из них были вырваны с корнями, переломаны.

Под ореховыми и другими деревьями валялись тельца тех великолепных птиц, которые так украшали нашу жизнь и наполняли пространство гимном Создателю. Их пение прекратилось.

Погибли и наши ласточки со своими только что — накануне — взлетевшими к небу птенцами.

Но утро наступило ясное, солнечное, невинное, как ни в чём не бывало.

Уныние, грусть, боль...

Мы плакали.

Плакали не только о том, что случилось в нашем цветущем дворе, но из-за горя тысяч семей, которые разом потеряли надежду на какой-либо урожай.

Такого беспощадного града не могли припомнить даже пожилые крестьяне. В середине июля в нашем дворе и во всей Кахетии стояла зима. В тот же день 20 июля Кахетия была объявлена зоной бедствия...

Спустя неделю к нам в гости приехали наши друзья: Марина Игоревна и Марина Николаевна из Москвы и Дайнис с сыном Кришианом из Риги. Каждый год они приезжают отдохнуть и пообщаться с нами. Увидев, во что превратился наш рай, они принялись за наведение порядка в усадьбе: расчищать двор от гниющих листьев и плодов, удалять поражённые ветки кустов роз, восстанавливать беседки. Свое пребывание в Бушети они полностью посвятили восстановлению усадьбы путем неимоверного труда.

Спустя несколько недель, когда Валерия почувствовала, что с ней что-то происходит, она говорила: «Это началось после 19 июля... Гибель красоты вокруг навела на меня грусть и боль. То, что произошло тогда, есть причина моей болезни...».

Конечно, причина была совсем в другом (тогда мы ещё об этом не знали), но я не исключаю, что грусть о погубленной красоте тоже сыграла свою роль в усугублении её состояния.

Наша башня, которую мы построили два года тому назад, стала украшением усадьбы. Тамусики, наша четырёхлетняя правнучка, назвала её Башней дедушки Шалико. Это название так и осталось за ней.

Я каждое утро выхожу на веранду третьего этажа башни и жду восхода Солнца. Башню подарила мне Пика.

У тебя много имён. Валерией назвали тебя родители (как я знаю, это имя выбрала для тебя мама). Первые месяцы нашей жизни я тоже звал тебя Валерией, но потом обнаружил, что ты для меня Фея (по-грузински Перия). Потом постепенно я обласкал это имя и получилось у меня Пика. Дочка наша Нина тоже зовёт тебя Пикой, но она придумала тебе и новое имя, сравнивая твои междометия с мурлыканьем кошки, это Мурмур. Пикой зовут тебя невестка Тамрико, внук Мика, правнучка Тамусики. Так зовут тебя Тина и Гиви. Паата зовёт тебя Валерией, а Сандрик, внук наш, выбрал тебе новое имя — Цаца. Почему такое имя, не знаю.

Я повёл тебя в церковь креститься. Священник окрестил тебя Лелой. Но этим именем никто тебя не зовёт, хотя иногда объясняем, что Лела — имя, данное тебе при крещении.

Итак, твоими именами являются: Валерия (Лера), Лела, Пика (Перия), Мурмур, Цаца. Но я остался верен двум именам: Валерия и Пика.

Но вот возник вопрос по поводу книг: у нас была большая библиотека, и мы не знали, где ее разместить. Из тбилисской квартиры мы перевезли около двух тысяч томов. Они долго лежали в коробках. Паата советовал создать электронную библиотеку, обещал перевести все книги на электронные носители, а сами книги отдать в дар общественным библиотекам. Я был не против, но Пика не захотела расставаться с ними. Она была привязана ко многим из них, как к родным существам, друзьям детства, помощникам в своей творческой деятельности. Избавиться от книг граничило для неё с предательством. Кроме того, она надеялась, мечтала, что настанет время, когда сможет отложить все дела, уединиться в тихом месте и почитать книги, которым она обещала, что вернётся к ним. Она воображала эту действительность как один из самых красивых периодов своей жизни.

Но где разместить книги и где посидеть? Нужна библиотека. Три года она искала варианты: разместить полки в коридорах голубого дома (мы измерили коридор, полки, количество книг и пришли к выводу, что это создаст нам большие неудобства); освободить одну из комнат на втором этаже и превратить её в библиотеку (но увидели, что комнаты слишком маленькие для библиотеки); пристроить к голубому дому помещение (после всех расчётов поняли, что слишком дорого, но, главное, нужно будет многое ломать).

В прошлом 2011 году я предложил Валерии свой вариант: — Давай пристроим библиотеку к задней части башни, светлую, красивую, большую. Двери могут выходить прямо во фруктовый сад, где можно посадить ещё две сотни кустов роз... И давай ещё в этом новоприобретённом дворике построим молельню, часовню, церквушку, храм, не знаю, как назвать...

Мы с ней отмерили место для библиотеки, выбрали место для постройки храма. И она спросила меня:

— А деньги у тебя есть?

— Я сэкономил пять тысяч долларов...

— Это же смешно! Пять тысяч...

— Начнём, Пика, там видно будет... Библиотека будет моим подарком тебе...

Однако, что будет видно и откуда деньги смогут потечь ко мне, я ещё не знал, но сердце подсказывало: рискни!

Мы рассказали Паате о наших намерениях, оставили ему пять тысяч долларов и попросили начать строить фундамент. Сами же уехали в Москву. А в Москве я по просьбе Пики пошёл в банк, чтобы снять деньги для семейных нужд. И что я вижу? В моей сберегательной книжке записаны поступления 600 тысяч рублей. Откуда?

— Всё правильно, — сказала мне девушка-оператор, которую я попросил выяснить, нет ли ошибки.

Радостный прихожу домой и кричу:

— Пика, любимая моя, видишь, Бог послал нам помощь... Может быть, гонорар за книги, ещё какая-то премия, ещё зарплата...

В общем, когда 1 июня 2012 года мы вернулись в Бушети, нас ждала радость: большая и светлая библиотека и построенная из камня красавица-молельня.

Валерия воодушевилась. Сама собой собралась бригада в помощь ей: Гиви, Тина, Эка, Натия и я. Сложили полки, расставили мебель, повесили занавески, распаковали коробки с книгами, прочистили и проветрили их, классифицировали и разложили по полкам. Осталось несколько сотен книг, которые мы подарили районной библиотеке в Телави.

До середины июля, то есть до града, я часто находил Пику в своей библиотеке. Её так и называли: библиотека Пики. Она сидела в кресле и перед ней лежали давно ждущие её прикосновения старинные книги, редкие издания Шекспира и Шиллера.

Но потом, после града, ей трудно было пройти 50 метров от голубого дома до башни. И, кроме того, ей было некогда: она набирала на компьютере мою книгу и писала свою — надо было успеть до отъезда в Москву.

3-го августа мы устроили ритуал освещения нашей молельни. Из Тбилиси приехал о. Матата, собрались родные, близкие, односельчане, дети. Народу было много. Отец Матата провёл обряд — это длилось долго. Мы держали зажжённые свечи. Пика стояла рядом со мной и всё тревожилась о том, что я устаю и хотела посадить меня на стул. Но я не слушался её. А каково было ей самой? Я ещё толком не знал, насколько ей было тяжело стоять час с лишним под палящим солнцем.

В последующие дни до отъезда я в день три раза приходил в наш маленький храм (так назвал его о. Матата), молился, читал Библию. Пике же ходить туда было трудно. Она весь день находилась на веранде, работала у компьютера или ложилась на кровать и записывала текст своей будущей книги. А гнездо ласточек наводило на неё грусть: они уже не резвились рядом, они погибли.

Окно моего кабинета в голубом доме смотрит на восточную часть нашего двора, на бассейн, на розы перед бассейном. Я работаю, но то и дело гляжу в окно и люблюсь, как Пика плавает, да ещё считает, сколько метров проплыла: переставляет на бордюре метку.

Я выглядываю в окно и зову её:

— Дельфиня!

Она смотрит, машет рукой, улыбается и сообщает мне:

— Уже 60 метров проплыла!

— Молодец! — кричу я и аплодирую ей.

Она велит мне:

— Иди тоже поплавай, хватит работать. Отдохни...

Я выполняю её желание, и через минуту я уже в бассейне, гонюсь за ней, но скоро устаю и поднимаюсь вверх. Пика же продолжает плавать и ставит рекорд: проплыла более 100 метров.

Я опять усаживаюсь за свой письменный стол и погружаюсь в свои мысли. Потом поднимаю голову и наблюдаю

за любимым для меня зрелищем: она уже сидит в кресле у бассейна и смотрит на Кавказские горы. Был бы я художником, создал бы сейчас её портрет — философский, задумчивый. Она обаятельна. Хочу сделать ей приятное. Спускаюсь во двор, собираю сочные вишни и несу ей. Она улыбается, довольна.

— Шен гаихаре! — говорит. Это её слова благодарности-благословения — «Да будет тебе радость!» — Садись со мной, будем на горы смотреть.

Эти утренние минуты для меня очень дороги: я рассказываю ей, как продвигается моя работа, какие развиваю мысли и жду от неё оценки-одобрения. Но она одобряет мои мысли не всегда. Иногда ее слова меняют моё привычное понимание вещей. Поэтому мне часто приходится переписывать заново главы.

В это утреннее время она тоже делится со мной своими мыслями: с чем столкнулась, в чём преуспевает. Задаёт вопросы, я высказываю свои соображения, она держит наготове блокнотик с карандашом и быстро всё записывает.

Я возвращаюсь в свой кабинет, собираюсь с мыслями, но одним глазом всё же выглядываю в окно. Она теперь ухаживает за кустами роз: чистит от засохших листьев, освобождает от мелких насекомых. Каждый куст знает её, каждый бутончик ждёт ласки её пальцев. Я зову её моей садовницей, королевой роз. Смотрю на неё и не замечаю, как вдохновляюсь и погружаюсь в работу, забыв обо всём. Проходит время, может быть, час, и из этого забвения меня выводит её тихий, бархатный, ласковый голос:

— Ааи! — это значит «вот!»

Она ставит мне на стол маленькую красивую вазочку со свежим распустившимся бутончиком розы, а прежнюю забирает.

Это она делает через каждые три-четыре дня, и каждая роза обновляет, освежает мне душу. Но как сказочно звучит в её устах это волшебное слово — «аи!». Оно тоже как бутончик — благоухающий, обещающий, радующий. Мне тоже хочется произнести это слово так же, как произносит его Пика. Потому то и дело брожу по всей усадьбе, ищу только что созревшие плоды малины или ежевики, ищу на деревьях самый свежий красивый персик, самый сладкий инжир, только что распустившийся полевой цветок (розы срезать не осмеливаюсь, это её царство, и она не обрадуется моему вторжению в её владения), несу ей что-нибудь из этих даров и говорю: «Аи... аи»... Ставлю ударение то на «а», то на «и», но тут же чувствую: не получилось у меня выразить это простое слово с тем же чувством заботы и нежности, как это делает Пика.

Люблю, когда она говорит «аи» и жду, ибо тем самым она направляет моё сознание на мир чудный...

Начало августа.

Я побродил вокруг усадьбы.

После грозы жизнь природы еще не успела возродиться.

Грустно.

Ищу, что же мне принести Пике и сказать «аи!».

Не нахожу ничего, кроме камня, который может пригодиться, чтобы удерживать на столе бумаги от ветра. Подни-

маюсь на веранду. Она только что прилегла на постель и задумчиво смотрит на пустое гнездо наших ласточек.

— Аи... — говорю я и протягиваю камень.

— Приляг тоже... — предлагает отдохнуть, но скорее всего, хочет поговорить.

Я ложусь рядом с ней и наполняюсь тревогой.

Что она хочет мне сказать?

В последнее время я замечаю, что она мало ест, отказывается от плавания в бассейне. А плавать для неё радость и наслаждение. Мы, жители усадьбы, называем её директором бассейна, потому что только она знает, как ухаживать за водой в бассейне. Я заметил ещё, что ей трудно сидеть час-другой за компьютером, она перестала гулять со мной вместе во дворе, чтобы навестить отдалённые от «центра» кусты роз и посмотреть, как растут посаженные на «окраине» деревца. Я смутно чувствую, что ей нездоровится. Пару раз спрашивал, в чём дело, но она говорила, что ничего особенного. Теперь же она сочла нужным кое-что мне объяснить.

— Ликуни, — говорит мне она, — не могу понять, что со мной происходит, посмотри, как растёт живот.

И она показывает. Этого я не замечал. А теперь вижу.

Действительно, почему? Что это такое?

Я озабочен.

— Не знаю, но мне кажется, что всё это началось после того злосчастного дня, когда выпал град... — говорит она, — Грустно мне, больно глядеть на эту пустыню... Розы не цветут, птички не поют, нет наших ласточек и птенцов... может быть, от этого?

— Возможно, — отвечаю я рассеянно, — мне тоже грустно... Но что делать, Пика?.. Пройдёт всё это. В будущем году всё будет по-прежнему...

Я трогаю ее животик и убеждаюсь: так не должно быть.

— Болит? — спрашиваю.

— Нет... Но мне трудно ходить с таким животом, быстро устаю, не могу серьёзно работать на компьютере, спина начинает болеть...

— Пика, давай обратимся к врачам, поедем в Тбилиси, там есть хорошие врачи.

— Нет, — отказывается Пика, — что врачи могут сделать? Да ещё столько работы, я ведь ещё должна закончить книгу...

Проходят дни.

Она не спускается вниз на завтрак, на обед. Мало ест. И все мы видим: худеет прямо на глазах. Уже невозможно скрывать от близких, что ей нездоровится.

Об этом Паата сообщает Нине в Москву. Она требует, чтобы мы немедленно вернулись туда, чтобы показаться врачам. «Вернитесь сегодня же!» — требует она. Но у нас билеты на второе сентября и нам не нужны лишние хлопоты по обмену билетов.

Тогда наши близкие советуют немедленно обратиться к специалистам в Тбилиси, называют именитые фамилии, но Пика решительно не желает ехать из Бушети куда-то, предпочитая дожидаться возвращения в Москву.

А тревога наша растёт.

Я закончил свою книгу об учителе и спешу порадовать её.

— Пик, поцелуй меня, похвали, вот рукопись...

Она гладит меня по голове, целует, берёт рукопись и говорит:

— Сегодня же начну набирать на компьютере...

— Нет-нет... ты делай своё дело... Наберём в Москве...

Я боюсь утомлять её, заставляя часами сидеть у компьютера.

— Лаборантка наберёт в Москве, какая спешка...

Но Пика вообще против, чтобы мой текст набирал кто-то другой. Среди разных причин есть одна довольно веская: она не хочет, чтобы кто-нибудь другой обнаруживал в моём тексте орфографические погрешности. Раз она решила, что сегодня же, вот уже сейчас, начнёт набирать текст, она так и сделает. Её решение и дело — всегда единый целостный акт.

Она оставляет своё дело (довершить до отъезда свою книгу), садится у компьютера и начинает работать. Ей трудно долго сидеть, болит спина. Она на пределе, но за пять дней доводит дело до конца. В эти дни я нахожусь поблизости, иногда уговариваю отдохнуть. Напечатав на компьютере последнее слово, она прилегла и позвала меня.

— Ложись рядом, — сказала она. Я выполняю её просьбу. Она ласкает мой лоб и говорит, — Мой умный мальчик... Хорошая книга... Идея хорошая... Ты, оказывается, владеешь детективным жанром, держишь читателя в напряжении...

Она говорит мне то, что мне очень важно услышать именно от неё. Её похвала для меня выше всяких других, её

оценка для меня окончательная. Она слов так просто не бросает, никогда не подведёт. Я все эти пять дней ждал, какое у неё сложится мнение о моей новой книге, в которой в литературной форме задумал показать сложности утверждения в жизни идей гуманной педагогики.

Я радуюсь.

— Значит, получилась книга? Спасибо, спасибо! — и целую её, измотанную и усталую, но довольную, что порадовала меня.

Уже последние дни августа.

— Но, Пика, прости меня, я не дал тебе завершить твою книгу...

— Ничего, — успокаивает она, — сделаю в Москве.

Нам пора укладывать чемоданы.

Дописать книгу в Москве тебе уже было не суждено.

Ты оставила мне флешку, в которой я обнаружил полный план-конспект ненаписанной книги под названием — «Чтение сердцем... Ибо без сердца что поймем». В ней же находятся развернутые главы той же книги, почти что завершённой, но не совершенной, — как говорят, черновик.

Мы с тобой не раз обсуждали твои планы и идеи, и вроде бы я был в курсе всех твоих намерений, но когда (это уже после всего) открыл твою флешку и просмотрел план-конспект, изложенный на более чем 60 страницах, я поразился размаху твоих замыслов и богатству собранного материала. В нем значатся вопросы:

— Образ учителя, несущего детям Свет Чтений.

- Слово, пробуждающее в детях творцов.
- Воображение. Вдохновение. Творчество.
- Как учитель помогает ребенку открыть свой внутренний мир (показать на примерах).
- Развитие тяги к выразительному чтению.
- Ученики: соавторы; стихотворцы; баснописцы; сказочники.
- Развитие в ребенке способности идентифицировать себя с героями и даже с автором художественного произведения.
- Постигание детьми смысла и нравственной стороны художественных текстов. Проникновенное чтение и прочувствование образов героев поможет каждому ребенку перекинуть невидимый мостик в свой внутренний мир.
- Развитие в детях способности чувствовать, слышать, видеть и «читать» подтексты как заветные, но не записанные автором мысли, чувства, переживания.
- Развитие тонченного вкуса детей и их устремленности ко всему высоконравственному, прекрасному, возвышенному в словах, образах, мыслях, в своих действиях и поступках и т.д.

В конспекте я увидел мысли для эпиграфов, выписки из трудов Н. Бердяева, Л.С. Выготского, Д.Н. Узнадзе, мысли многих других авторов; увидел варианты названия глав. Упоминаешь имена своих учеников — Сережи, Маши, Миши, Володи, Анны, Мити, Леры, Кати, Олежки... А в скобках указываешь цифры — это номера и страницы многочисленных блокнотов, в которых ты записывала свои наблюдения над детьми, их высказывания, ход твоих уроков, необычные школьные истории...

Вот что я решил, Пика: издам этот план-конспект и книгу в том незавершенном виде, как ты ее оставила, и пусть воспользуются учителя. Думаю, они будут тебе благодарны.

2 сентября.

Мы летим в Москву.

Нас из Бушети провожают родные.

— Берегите себя! — говорит Гиви.

В глазах Тины грусть.

В тбилисский аэропорт нас везёт Паата. Ведёт он машину спокойно. Мы обсуждаем возможность получения им гражданства России и его будущую деятельность в движении гуманитарной педагогики. Говорим о дальнейшем обустройстве нашей усадьбы, о планах проведения в Бушети в будущем году второй встречи соавторов «Манифеста гуманитарной педагогики». Слушаем песни детей художественной студии «Басты-Бубу», которую возглавляет Паата вместе со своей женой Тамрико.

Чтобы проводить нас, в аэропорт приехали моя сестра Натела, племянница Мака с мужем Паатой, внучка Нинца вместе с мужем Геги, невестка Тамрико, правнучка Тамуси, внучки наши Мариам и Анна.

Мы не хотим долго держать их, потому быстро регистрируемся, прощаемся со всеми и, наконец, мы уже в самолёте. Взлетаем.

Обычно каждый раз при взлёте Пика достаёт из сумочки иконку Святого Николая Чудотворца, целует её и передаёт

мне. Тоже прикасаюсь губами к иконе и кладу её в карман сорочки. По сложившейся у нас традиции я должен вернуть её Пике, когда прилетим. Но на этот раз икона осталась у меня, осталась навсегда.

Я тоже исполняю в самолёте свой обычный ритуал. Когда самолёт набирает полную высоту, более 9 тысячи метров, достаю из кармана подарочное издание книги Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Ношу её всегда с собой, читаю и перечитываю, а на полях записываю, с указанием даты, где я сейчас нахожусь. На этот раз пишу на полях мелкими буквами: «2.09.2012. Тбилиси-Москва (Боинг). Пика и я», расписываюсь и прошу Пикю тоже расписаться. Она пишет «Пика» и возвращает книгу. Так делаем всегда, когда путешествуем вместе. Хотя смутные предчувствия мучили меня, но тогда я не мог и допустить, что в книге, которая стала нашей летописью, она расписалась в последний раз.

Пика, где только мы с тобой не бывали! Иногда возвращались в тот же город второй, третий, четвертый раз, чтобы провести наш совместный авторский семинар, поучаствовать в областных и республиканских чтениях по гуманной педагогике. Всюду создавали лаборатории по гуманной педагогике, советовали коллегам, как работать.

Берую мою сувенирную книгу «Витязь в тигровой шкуре» и списываю из полей ее страниц название этих городов: Екатеринбург, Верх-Нейвинск, Тюмень, Нижний Новгород, Тобольск, Владивосток, Челябинск, Смоленск, Франкфурт-на-Майне, Новокуйбышевск, Барнаул, Санкт-Петербург, Смоленск, Пенза,

Никольск, Курчатов, Красноярск, Рига, Даугавпилс, Вильнюс, Алматы, Астана, Бишкек, Уральск, Таллин, Калининград, Клайпеда, Резекне, Ростов-на-Дону, Минусинск, Елгава, Абакан, Усть-Каменогорск, Юрмала, Огре, Салдус, Цесис, Благовещенск, Утена, Донецк, Артёмовск, Киров, Пермь, Львов, Киев, Черновцы, Тольятти, Ровно, Муром, Сургут, Нижнекамск, Набережные Челны, Одесса, Ревда, Томск, Тернополь, Житомир, Днепрпетровск, Махачкала, Грозный, Иркутск, Ангарск, Симферополь, Севастополь, Хабаровск, Харьков, Кировоград, Карагай, Шауляй, Ижевск, Белгород, Владимир, Южно-Сахалинск, Уфа, Смилтене, Ярославль, Рыбинск, Лебедин, Сумы, Гродно... Дальше? Дальше — уже без тебя, Пика... На полях книги, — а из 366 страниц в ней свободными остались всего 14, — расписывается Паата, который сейчас со мной ведет авторский семинар вместо тебя. Учителя и воспитатели-дошкольники его признали и полюбили.

Она кладёт голову мне на плечо и дремлет. Я смотрю в окно. Летим над Кавказскими горами. Потом под нами российские, необозримые даже с такой высоты, поля. Время от времени вижу города.

В салоне раздают обед, но Пика отказывается от него, выпив только стакан чистой воды.

Мы ни слова не проронили о её состоянии. Мало говорили, но думали, мне представляется, об одном.

И когда прилетели в аэропорт Домодедово и нам нужно было пройти длинный узкий коридор, Пика сказала мне: «Не отпускай мою руку, а то могу упасть...». До сих пор зву-

чат эти слова в моих ушах. И через звучание я понимаю, как ей было плохо. Конечно, я её опора, идём медленно, другие обгоняют нас, спешат пройти паспортный контроль, получить багаж. Мы не спешим, выходим последними.

Нас встречают Нина и Андрей, и мы обнимаем их.

Нина сообщает, что уже поговорила с батоно Гурамом Ахаладзе. Он близкий нам человек, известный хирург, профессор, заведует отделением хирургии.

— Он завтра ждёт нас, — говорит Нина.

Она веселится, рассказывает о наших внуках, Александре и Михаиле, о московских событиях.

А утром идём к батоно Гураму.

Вскоре наступило 3 сентября — день, когда открывается нам правда, нам — это мне и Нине.

Батоно Гурам ласково приветствует нас, проводит в свой кабинет. Укладывает Валерию на кушетку и с помощью эхоскопии внимательно исследует её живот. Но ему не понадобилось много времени, чтобы поставить диагноз.

— Вода, — сказал он, — только надо узнать причину. Пойдёмте к другим специалистам.

Мы выходим из кабинета, на лифте спускаемся на другой этаж, потом идём по коридору. Гурама Германовича уважает вся больница, это видно по тому, с каким почтением приветствуют его встречающиеся коллеги.

Заведующий отделением просит всех подождать в коридоре, а Валерию заводит к себе в кабинет. И пока она там, я спрашиваю у батоно Гурама:

— Что нужно будет делать?

— Если мой диагноз подтвердится, тогда я позвоню в Онкологический центр профессору Жордания, он единственный, кто может что-то сделать...

— Онкологический?! — с испугом переспросил я. Меня всю жизнь пугало это слово.

Батоно Гурам посмотрел на меня и сочувственно переспросил:

— А вы не были готовы к такому, да?

— Нет...

— Положение очень серьёзное, болезнь запущенная. Боюсь, что это злокачественная... — сказал он и после паузы добавил, видимо, для моего успокоения, — Но надежды терять не надо...

Из кабинета выходит Валерия.

Врач приглашает Гурама Германовича, и они в присутствии Нины обсуждают результаты обследования.

Стараюсь собраться с духом и говорить с Пикой весело.

— Ну как? — спрашиваю, — Что сказал тебе врач?

— Ничего не сказал... — отвечает она.

— Всё будет хорошо, — говорю спокойно.

Нина с Гурамом выходят.

Батоно Гурам звонит по мобильному телефону.

— Кирилл Иосифович, здравствуйте, — и дальше слышу: он объясняет профессору Жордания свою просьбу принять на лечение близкого ему человека — Валерию Гивиевну Ниорадзе. Потом обращается к нам, — Кирилл Иосифович — сын известного врача Иосифа Жордания, который основал в Тбилиси Институт физиологии женщины.

Валерия заинтересовалась:

— Это тот Жордания, который погиб в авиационной катастрофе?

— Да, тот самый. И вот его сын, тоже известный врач, выходит из отпуска 7 сентября. Он заведует отделением в Онкологическом центре. Утром в девять часов он будет вас ждать.

— А зачем в онкологический? — встревожилась Валерия, — Вы же сами можете выкачивать из живота воду?

Батоно Гурам ответил уклончиво:

— Там это сделают лучше.

Мы возвратились домой, каждый озабоченный тем, что узнал.

4 сентября по расписанию университетской кафедры педагогики Валерии предстояло провести первую лекцию со студентами третьего курса исторического факультета.

К лекциям со студентами и к урокам в школе она всегда относилась с исключительной ответственностью: никогда их не пропускала, тщательно готовилась, спешила к студентам и детям с радостью и желанием, возвращалась усталая, но всегда довольная.

В последнее время по причине закрытия школы она лишилась уроков, и это её очень огорчало. «Не могу без уроков, без детей!» — говорила она и всё ждала звонка от Марины Николаевны, завуча московской школы, которая, будучи в

Бушети, обещала, что выделит Валерии уроки в начальных классах. У неё были новые планы работы с детьми по курсу письменно-речевой деятельности.

Пика, этот прекрасный курс создан тобой на радость тысячам учителей и детей. Уважаемый нами профессор Михаил Викторович Богуславский так оценивает твоё научное открытие: «... автором, безусловно, создана оригинальная и целостная система, которая шире и богаче её методического и технологического кластера. Это оригинальная, более того, не имеющая аналогов система, которая должна прийти на смену существующей».

Ты решила одну большую загадку психолога века Льва Семёновича Выготского. В 20-30-х годах 20 века он выдвинул гипотезу: с овладением письменной речью начнётся критический поворотный момент во всём культурном развитии ребёнка. Но как разрешить эту гипотезу, когда с приходом ребёнка в школу его возможность к письменной речи пока ещё находится за горизонтом, — Выготский оставил методистам, педагогам. Однако они продолжили свой «ложный» путь, полагая, что навык письма сам вытаскивает на божий свет способность к письменной речи.

Какие только эксперименты ты не пробовала, пока не нашла решение задачи, и у тебя получился гуманный подход. Духовное измерение и творчество сделали своё дело: ты открыла путь, как с первого же дня школьной жизни возвращать в детях эту глубоко скрытую в них способность «рисовать словом», как ты любила говорить.

И действительно, началось культурное восхождение твоих учеников. И не только в том, что они сочиняли сказки, рассказы, стихи, а главное в том, что менялся их образ школьной жизни, и, стало быть, сама судьба: они страстно полюбили уроки письменно-речевой деятельности и сделали письменное слово «светочем души». То есть ты раскрыла перед каждым ребёнком тайну: как богат его духовный мир и как сделать его ещё богаче. На твоих уроках ученики философствовали о жизни, о духе, о любви, о Боге, о силе слова, поэзии... Ты дала импульс началу «критического поворотного момента во всём культурном развитии ребёнка».

Какая ты приходила радостная после уроков! Весь вечер рассказывала о Никите, Мише, Даше, о Лерочке... Читала мне их сочинения и сама удивлялась детским способностям. Потом ты оснастила свою систему не только теорией, но и методическими и образовательными пособиями, и твой опыт нашёл широкое распространение среди учителей. После этого ты и задумала написать педагогическую трилогию. Успела выпустить первую книгу — «Письменное слово — светоч души», оставила неотредактированную рукопись второй книги «Чтение сердцем» и собрала часть материалов для третьей книги по развитию устной речи...

Она волновалась: почему Марина Николаевна до сих пор ничего не сообщает.

— Позвони, спроси, в чем дело, — говорила она.

— Не волнуйся, Пика, — успокаивал я ее, — ты же знаешь, что она — человек слова. Школа только что начала работать, а она новый завуч... Подождем еще пару дней!

Но вот что касается лекций, она на полном серьезе решила завтра утром пойти в университет.

— Нет, Пика, я пойду вместо тебя, а потом ты поправишься и продолжишь сама...

Еле смог уговорить её. А когда на другой день я вернулся из университета, она, лёжа в постели, начала жадно расспрашивать, как приняли меня студенты (дело в том, что она на втором курсе уже работала с ними, и они полюбили её), какая получилась лекция, о чём именно я с ними говорил.

— Студенты попросили меня передать тебе привет и пожелания выздоровления, они ждут тебя, — сказал я ей.

— Там есть одна девочка-инвалид, её сопровождает мама...

— Да, они были и очень огорчились, что тебе нездоровится...

Ей нужно было узнать о каждом студенте, но я не смог ответить на все вопросы, потому что всех студентов по имени еще не знал.

Следующая лекция, уже с пятым курсом, предстояла именно 7 сентября в вечернее время.

— Тебе не надо сопровождать меня к Жордания, готовься к лекции, — настаивала Пика.

Но я успокоил её — написал план лекции накануне и согласовал с ней. Кроме того уверил её, что я успеваю, не весь же день мы будем у Жордания.

Эти дни ожидания встречи с профессором кое-как прошли. Пика то лежала и читала, то вставала и перебирала книги на полках.

А 7 сентября мы пришли пораньше, сели перед кабинетом профессора Кирилла Иосифовича Жордания и ждали его прихода. Оказывается, на работу он приходит в 7 часов, обходит палаты и узнаёт состояние своих больных, а в 9 часов принимает посетителей. Мы узнали его по внешности, которая выдавала в нём грузина.

— Вы ко мне? — спросил он нас. — От Гурама Германовича, так? — и обратился ко мне, — Джентльменам подождать в коридоре, а женщин прошу!

Валерия и Нина вошли в кабинет.

Потом Нина рассказала, с чего началось их общение.

— На что вы жалуетесь? — спросил профессор.

Но Валерия достала из сумки свою книгу.

— Я восхищаюсь подвигом Вашего отца, — начала она, — детям в школе рассказываю о нём...

У Валерии был специальный урок о благородстве и великодушии. Слово «великодушие» она объясняла детям так: лик великого в душе человека. В качестве же примера великодушия и благородства она приводила детям подвиг профессора Иосифа Жордания. Этот удивительный человек возвращался с научного конгресса в Рио-де-Жанейро. Над океаном самолёт загорелся. В салоне была маленькая девочка, которой не достался спасательный жилет, ибо она была безбилетной. Профессор долго не думал, надел на неё свой жилет и толкнул её в люк. Самолёт утонул в океане. К людам подоспела помощь, спаслась и девочка-француженка, но погиб один — Иосиф Жордания. Об этом поэт Андрей Вознесенский написал «Балладу о подвиге профессора Жордания».

На уроках Валерии у детей слезились глаза, они становились задумчивыми. На наших авторских семинарах по гуманной педагогике Валерия показывала учителям свой мастер-класс, и происходило то же самое: читая «Балладу», учителя плакали.

А теперь, находясь в кабинете Кирилла Иосифовича Жордания, Валерия рассказывает сыну, тоже прославленному профессору, о своём уроке. Делает это не потому, чтобы врач потом более внимательно отнёсся к её бедам (она далека от таких намерений), а в силу прилива чувств, что она общается с сыном героя её урока. Кирилл Иосифович не ожидал такого от пациентки. Но когда Валерия обратилась к «Балладе», сказал:

— Я эту «Балладу» знаю наизусть...

— Но Вы послушайте её от меня, — сказала она и раскрыла книгу.

«Баллада» Андрея Вознесенского прекрасна, но когда читает её Валерия Гивиевна, по телу слушателя начинают бегать мурашки, а на глаза наворачиваются слёзы. Сама тоже всякий раз переживает героическую историю. Я приведу эту часть «Баллады» и можно только вообразить её звучание в устах Валерии.

«Боинг» среди океана тонет, как мертвый кит.

Народ в пылающем «Боинге» давится и вопит.

Натягивают пассажиры спасательные жилеты.

И только жилета нету для девочки безбилетной.

Звереют у люка люди.

Ни в ком состраданья нет.

Но кто-то с себя снимает и ей отдает жилет.

*Девочка, кругом звери!
Но он из других натур —
Вздыхнул на прощанье поглубже и сам ей жилет надул.
Потом подмигнул стюардессе: «Не надо меня жалеть.
У каждого свои вкусы. Я не ношу жилет».
«Держись!» — приказал он девочке и вытолкнул ее в люк.
И кинул ей вслед последний, как нимб, спасательный круг.*

Кирилл Иосифович грустно произнёс:

— Вы заставили меня прослезиться...

После осмотра он вызвал сотрудника, как потом узнали, первоклассного хирурга, которого зовут так же, как нашего сына. Поручил ему позаботиться о Валерии Гивиевне.

Валерия взмолилась:

— Понимаете, мне нужно только избавиться от этой жидкости. Избавьте меня от неё, если можно, сейчас же!

Кирилл Иосифович ответил сдержанно:

— Да, Паата сделает для Вас всё, а я рядом, обращайтесь ко мне в любое время.

Валерия ещё не знала, что это за жидкость и думала, что стоит только выкачать её, и можно будет снова спешить на лекции, на уроки, закончить свою книгу, в общем, начнётся обычная жизнь.

Паата сказал нам, что нужно спуститься на первый этаж и там зарегистрироваться.

Мы проходим коридоры, длина которых сотни метров. Находим нужный кабинет, перед которым стоит огромная очередь.

Ждём. Проходит час, ещё час, ещё...

Валерии трудно сидеть, она еле держится.

— Я вот-вот упаду... Нельзя ли пропустить нас?

Но никто не хочет пропускать нас, у всех свои проблемы.

Наконец, мы стоим у дверей кабинета. Но в это время выходит врач и заявляет:

— Перерыв на час. Я ухожу на совещание!

Нина обращается к ней умоляюще:

— Пожалуйста, маме очень плохо, примите нас...

А та отвечает, поддразнивая:

— Пожалуйста, не могу... — и уходит.

Звонит врач Паата, спрашивает, почему так долго задержались. Нина объясняет, какая тут царит обстановка.

Спустя три минуты не принявший нас врач возвращается и кричит с раздражением:

— Это вы следующий? Проходите...

А вернул её Кирилл Иосифович.

Валерия выходит от врача обиженная.

— В чём дело? — спрашиваю.

Она (то есть врач) нагрубила ей. Мне неудобно записывать выражения, с которыми врач обратилась к Валерии.

— Забудем, — говорю.

Мы опять проходим сотни метров по коридорам. Идём медленно, иногда садимся отдохнуть на скамейку. Поднимаемся на лифте на 16-й этаж.

Паата сам возмущён формальностями, которые царят в больнице.

— Давайте поставим дренаж. Его нужно оставить, пока вся жидкость не выйдет...

Они входят в перевязочную, а я сижу в коридоре. Время тянется долго.

Потом они выходят, и я вижу: Валерия держит в руках целлофановый пакет, в котором лежит...

Мы с Ниной знаем: Паата пошлёт пробы жидкости на разные анализы, но хорошего ждать не следует.

Возвращаемся домой.

Пика устала, ослабла, ложится.

Я успеваю провести со студентами лекцию.

Перед сном Пика хочет пройти в ванную. Садится на кровать.

Я подбегаю к ней помочь, но она предупреждает:

— Тебе не надо меня провожать, я сама...

Ну, конечно, сегодня утром, и вчера, и позавчера она ходила по комнатам сама, но сейчас другое дело. Она потеряла много жидкости, ослабла.

— Хорошо, сама. Но я буду рядом, — говорю я.

Она с моей помощью встаёт, берёт в руки свой пакет, с которым она вернулась из больницы, и делает первые шаги.

Идём медленно. Прошли коридор. Я открываю двери ванной комнаты и тут вижу: у неё задрожала рука, и она шатается. Хорошо, что Нина с Андреем были дома.

— Нина, Нина, помоги... — кричу я, — Пика, что с тобой... Пика, Пика...

Я еле её удерживаю. Стоим неловко в дверях ванной. Нина успевает подставить стул. Мы сажаем Пику.

Нина велит Андрею принести нашатырный спирт, а мне — массировать кончики ушей Пики.

Я страшно напуган.

Массирую ушки, но нежно, точнее, ласкаю их и целую Пику, целую.

Нина даёт нюхать нашатырный спирт.

Пика открывает глаза, ухмыляется и говорит Нине слабым голосом:

— Ты говоришь ему массировать мои уши, а он целует меня...

Она вроде бы в состоянии вернуться обратно.

Ведём осторожно. Вот уже входим в комнату, но ей опять стало плохо. Мы успеваем посадить её на стул, и она опять теряет сознание.

Нина с Андреем принимают меры, а я не выдерживаю, мне кажется, что происходит что-то предельное.

— Пика, моя Пика, очнись... Пика, вернись...

Я бросаюсь на колени, целую её, рыдаю, взываю к Богу:

— Господи, верни её обратно... Пика, Пика... Господи, спаси её... Пика, очнись...

Спустя две-три минуты она приходит в себя, а моё горе переливается в такое же море радости, и слёзы радости не дают мне чётко её видеть. Я слышу, как она, улыбаясь мне, просит:

— Ты не плачь, Ликуни... не плачь, Ликуни ...

— Ты потеряла сознание, — сказала Нина.

— Да, но я всё слышала, как вы суетились, как он звал меня...

Мы уложили её в постель...

Последующие несколько дней прошли как-то спокойно.

Врач Паата приходил к нам домой, проверял Валерию и говорил всё время одно и то же: надо есть. Можно есть всё, говорил он, всё, что вам нравится. Надо дать организму окрепнуть, чтобы продолжать лечение.

Но Пика отказывалась есть. И если всё-таки принимала несколько ложек супа или кефира, тут же чувствовала рвоту, и это мучило её. «Всё тело начинает болеть», — говорила она.

Нина отвела меня в свою комнату.

— Пап, может быть, надо сказать ей, что с ней, чтобы она не противилась нашим стараниям?

Сказать, что у неё рак и это последняя стадия?

А она надеется, что скоро всё пройдёт, что скоро встанет!

Она даже меня успокаивает, не тревожся, говорит, всё хорошо будет.

Как теперь ей сказать, что не надо строить иллюзии, что дела очень плохи.

Мы уже знали результаты анализа, они были вовсе не обнадеживающими...

Валерия умная женщина, сама поймёт.

— Давай, пощадим её... — сказал я.

— Но видишь же, она отказывается принимать пищу, даже уколы не хочет делать, таблетки глотать...

— Силой ничего не сделаем, попытаемся уговорить её. Если ласка и уговоры не помогут, то принуждение и запугивание — тем более...

Так и старались, но это было нелегко...

Врач решил поддержать организм с помощью капельницы. Нина разыскала по интернету аптеку, где можно было купить нужные растворы. Я привёз их. И в течение нескольких дней молодая добрая и общительная медсестра Татьяна ходила к нам домой и ставила капельницу Валерии.

Валерия всё же не теряла надежду. Она надеялась, что все-таки встанет, даже запросила свою палку, которую ей подарил Дайнис. Палку я не нашёл. Потом выяснилось, что летом Мика дал её своему другу, который подвернул ногу, но теперь он здоров, и в тот же день Мика привёз палку.

— Завтра встану, — сказала Пика, и палку мы положили на видное месте.

Но палкой она так и не воспользовалась. И так как ей становилось всё труднее доходить до ванной комнаты, мы по интернету заказали инвалидную коляску. Сидеть в ней было удобно, и мы думали, что один-два раза в день будем сажать Валерию в коляску, и она сможет находиться с нами во время обеда, пройтись по комнатам, смотреть телевизор.

Однако коляска нам пригодилась только для того, чтобы прокатиться от стоянки машины до здания больницы, по-

том перемещаться в её длинных коридорах и, наконец, проделать тот же самый путь в обратном направлении.

Когда Пика увидела коляску, она с пониманием дела произнесла:

— Значит, я больше сама ходить не смогу...

Пика больше не вставала. Но она хотела трудиться.

Двое студентов принесли запоздалые курсовые работы. Она прочла их, оценила, и я отправил работы в деканат.

— Что ты сейчас пишешь? Дай мне прочесть и поправить! — сказала она.

Тогда я сказал ей:

— Пика, втайне от тебя уже три года пишу одну книгу, хотел сделать тебе сюрприз. Рукопись у меня в компьютере. Хочешь, распечатаю и дам тебе почитать?

Она, конечно, догадывалась, что я что-то скрываю от неё, но знала, что без её правки ни одна моя книга не увидит свет, потому что тоже молчала и ждала. Книга называется «Разговор с Сердцем».

— Давай, — сказала она.

Я распечатал книгу на принтере и положил ей на кровать. Она начала читать. Читала медленно. Книгу объёмом в 100 страниц она отредактировала за четыре дня. Нашла в уже якобы проверенном мною тексте 96 ошибок — орфографических, пунктуационных, стилистических. Текст был набран лаборанткой. Пике особенно возмутила ошибка в имени нашего сына: вместо *Паата* было напечатано *Пата*. И это несколько раз. Лаборантка, которая набирала текст, видимо, два «а» в имени сочла моей рукописной ошибкой.

Пика, ещё раз внося правку на последней странице, приписала: «Паата — грузинское имя! Писать через два *a*».

Она не сказала мне ничего о книге, не успела сказать, но знаю, если бы у нее возникли сомнения, обязательно поделилась бы.

Многие наши друзья хотели навестить Валерию, но мы с Ниной берегли её спокойствие. Да и она сама не хотела показываться в своем слабом состоянии.

Однако мы не смогли отказать Вере Геннадьевне, которая всего пять минут посидела у кровати Валерии и рассказала ей об университетских делах.

Пришли ещё Марина Игоревна и Марина Николаевна, наши добрые друзья. Они задержались всего на несколько минут. Марина Николаевна сказала, что уроки Валерии по письменной-речевой деятельности уже выделены, и до прихода Валерии она проведет их сама. Марина Игоревна же, видимо, желая усилить надежду на выздоровление, заговорила о Мише, муже Марины Николаевны, который несколько лет назад ушёл из жизни. Тогда врачи не смогли его спасти, но сейчас медицина очень продвинулась, говорила она, болезнь эта излечима.

Марины ушли, но, думаю, Пика впервые задумалась над серьёзностью и безвыходностью своей болезни. В тот день она ни слова нам не сказала, но спустя две недели, когда ей становилось всё хуже и хуже, спросила меня:

— Скажи мне, что со мной происходит? Почему Марина заговорила со мной о Мише? У меня то же самое, что у Миши?

Я попытался замять ответ.

— Пика, дорогая, идёт борьба такая же, какую вела ты, спасая меня от пожизненной инвалидности, от смерти... Я же не противился тогда твоей воле... Помогите, пожалуйста, умоляю тебя, чтобы мы победили...

— Как мне вам помочь? — спросила Пика.

— Принимай пищу и давай выполнять все назначения Жордания...

Она ничего не ответила.

Только чуть позже мы догадались о причинах и мотивах, которые побуждали её сопротивляться предписаниям врачей.

Позвонили от Кирилла Иосифовича Жордания и сообщили, что 21 сентября можно положить Валерию в больницу. Она очень не хотела ехать в больницу, просила оставить её дома, но уступила нашим просьбам. Мы посадили её в коляску, Сандрик и Мика с исключительной заботливостью снесли её по лестнице и посадили в машину.

После регистрации нас направили на 21-й этаж, в отделение интенсивной терапии и реанимации. Разместили в отдельной палате. В тот же день обнаружилось, что в левой ноге у неё тромбы, из-за чего нога распухла.

— Хирург по тромбам будет в понедельник, — сказала врач.

Значит, послезавтра.

С утра до вечера, а то и ночью включена капельница, несколько раз в день делают уколы, над кроватью стоит элек-

тронная аппаратура, которая постоянно измеряет давление, температуру, пульс.

Есть Валерия опять ничего не хочет. С трудом уговариваем съесть несколько ложек каши, выпить кефир, сок.

Каждое утро приходит Кирилл Иосифович.

— Здравствуйте, мадам, — говорит он весело, — почему вы сегодня без макияжа? Как себя чувствуете?

Валерия улыбается.

— Хорошо, — говорит.

— Что значит, хорошо? Вы ни на что не жалуетесь?

Валерия скромно молчит.

— Я знаю, что вы отказываетесь есть. Этим вы меня сильно подводите. Я не смогу вам помочь, если не будете нормально есть... Вы должны окрепнуть, чтобы провести дальнейшее лечение...

— А что ей можно есть? — спрашивает Нина.

— Всё можно есть, что ей хочется. На этих капельницах нельзя долго держать.

Профессор уходит, а Нина пристаёт к Валерии:

— Вот видишь... Давай поешь кашу, потом приготовим суп...

Напрасно...

Валерия не терпит даже запах супов, хачапури, каш, мясных блюд особенно.

Звонит из Тбилиси Паата. Вообще он звонит 10-15 раз в день, чтобы узнать, что нового. Сообщает, что подал документы на получение визы. Посредники обещают, что виза будет через неделю.

Мы обсуждаем вопрос: надо ли, чтобы Паата приехал.

Проходит три дня интенсивного переливания разных химических растворов через капельницу прямо в вену. Я даже боюсь думать, куда вся эта жидкость уходит. Что происходит с кровью, в которой смешивается такое количество химических растворов? Удивляет меня терпение Пики — она не ропщет, покорно всё принимает, но вижу, как ей тяжело.

Появляется хирург по тромбам. Медсёстры укладывают Валерию на кровать с колёсиками, и мы с 21-го этажа спускаемся на первый, в операционную. Операция длится час. Хирург объяснил нам, что он ввёл в вену оградительный стент, который не даст двигаться тромбу дальше, если он сорвется.

Сердце подсказывает: «Звони отцу Борису. Он тебе доброе слово скажет».

Отец Борис — настоятель храма, руководитель православной гимназии в Новосибирске. Дружим уже несколько лет. Мы с Валерией не раз бывали у него в гостях. Его открытость, простота и мудрость пленили нас. Мы полюбили его. Потом он согласился участвовать в Международных Педагогических Чтениях. Учителя приняли его сообщение с восторгом и долго аплодировали, когда объявили о признании его Рыцарем Гуманной Педагогики. Я звоню и слышу его радостный голос, он благословляет меня, а я рассказываю о Валерии Гивиевне и прошу помолиться за неё. Он опечалился. Потом сказал, что 24 сентября будет в Москве и обязательно навестит нас.

Он приехал утром, когда я варил кашу для Пики.

— Где Валерия Гивиевна? — спросил он.

— Ее три дня тому назад уложили в больницу, — сказал я.

Он пожалел, что не может с ней повидаться. Потом приготовился, как подобает священнику перед службой, и долго молился. Оставил для Валерии Гивиевны серебряную Икону Богородицы с капсулой со святой землей.

Он ушел, божий человек. И я пришел к выводу: пусть человек всегда надеется, но и пусть всегда помнит, что на всё есть воля Бога.

На следующий день, 25 сентября, я должен лететь в Ульяновск для проведения семинара с учителями. Мы с Валерией должны были вместе лететь, ибо это наш авторский семинар. Уже десять лет мы так работаем.

Валерия на этот раз отпускает меня одного. Даёт наставления, как себя вести, как беречь себя, не переутомляться. Я обещаю, что всё так и будет. Утром рано перед тем, как отправиться в аэропорт, прихожу в больницу.

— Кирилл Иосифович просит вас повидаться с ним, — говорит мне дежурный врач.

Я спешу к Кириллу Иосифовичу.

— Понимаете, — объясняет он мне сочувственно, — положение очень сложное, да ещё тромб обнаруживается. В любой момент можно ожидать всякое. Вы должны быть готовы ко всему. Потому хочу с вами согласовать вопрос: рискнуть начать химиотерапию?

Таким открытым текстом врачи говорят с нами впервые. Моё сердце сталкивается с тем, от чего оно всё время пряталось. Моё сознание терпит крушение, ибо ему открылась

жестокая правда, в которую ему не хотелось верить. Я цепляюсь за надежду.

— А есть другой выход?

— Другого выхода нет.

— Тогда делайте, как знаете...

— Первую химиотерапию сделаем послезавтра, — говорит профессор.

Приходит Нина. Втайне от Пики я сообщаю ей обо всём этом.

С Пикой стараюсь быть собранным, весёлым.

— Уже пора ехать в аэропорт, не опаздывай, — настаивает она.

— Ещё есть время, — говорю я.

В конце концов, она добивается своего и меня просто выпроваживает из палаты, давая последние наставления:

— Береги себя... не перегружай себя... Учителям привет от меня передай...

Семинар был запланирован два года тому назад.

В актовом зале Ульяновского государственного педагогического университета собралось огромное количество учителей и студентов. Они с сожалением восприняли сообщение, что Валерия Гивиевна не сможет принять участие в семинаре.

Влюбую свободную минуту набираю номер мобильного телефона Пики и каждый раз слышу одно и то же:

— Ликуни, жду с нетерпением...

И я чувствую, ей трудно без меня, я должен быть рядом с ней. Сокращаю семинар на один день. В аэропорту Домодедово меня встречает Мика и везёт прямо в больницу.

Встречаемся, как будто не виделись целую вечность.

Узнаю, что позавчера сделали первую химиотерапию, через неделю намечается вторая процедура, а до этого сделали ещё и переливание крови.

Что правда, то правда — Кирилл Иосифович предпринимает все средства, делает всё возможное. Он распоряжается, чтобы из отделения интенсивной терапии Валерию перевели в обычную палату.

В палате оказывается ещё одна девушка. Она перенесла сложную операцию, врачи довольны результатом — тьфу-тьфу, всё прошло благополучно (стучит по дереву). Девушка мечтает поскорее вернуться в свой родной город Казань, домой к мужу, к родным. Она была радостна и, как имеющая уже опыт, давала советы Валерии: надо есть, надо терпеть, надо принимать таблетки и делать уколы. Валерия слушала её с улыбкой.

Нина ночевала в больнице — закатывала из коридора свободную кровать на колёсиках.

Валерии было очень тяжело вставать. Нина принуждала, требовала соблюдать предписание врача — есть, принимать лекарства. Иногда ей удавалось добиваться своего, но Валерия каждый раз сильно страдала, мучилась и искала во мне защитника. Я уговаривал Нину оставить Валерию в покое, она же сердилась.

— Как же иначе мы поставим её на ноги? Ты же слышал, что сказал врач? — надежда на счастливое выздоровление мамы теплилась в ее сердце.

Так наступило 5 октября, когда Валерии сделали вторую химиотерапию. Процедура прошла нормально. А вечером неожиданно врач Паата сообщил нам:

— Если хотите, я могу сегодня выписать вас... Вы поедете домой, а через неделю приедете на следующую химиотерапию и так будете приходить в неделю раз... Всего мы проведём 18 процедур химиотерапии.

А чем могло всё это завершиться, знали мы с Ниной: если такая длительная химиотерапия сделает своё дело, далее предстоит сложнейшая операция. Мы держали все втайне, но Валерия умная женщина, она всё понимала. Не спрашивала, но догадывалась, о чём говорят нам врачи наедине. Чувствуя своё состояние, догадывалась, что химиотерапия её не вылечит, и вообще, нет ей спасения.

Но услышав, что нас выписывают из больницы, обрадовалась и торопила нас собрать вещи и поскорее уехать отсюда.

Нина сразу же вызвала Сандрика и Мику.

Они осторожно, заботливо посадили Пику в коляску, мы вышли в коридор и ждём Нину. Она побежала договариваться о возможности поближе подогнать машину. Это простое согласование заняло более часа, и Пика терпеливо ждала, хотя так долго сидеть в коляске после химиотерапии не следовало.

Наконец, приехали домой.

Мальчики подняли Пику с коляской на второй этаж. Мы уложили её в постель.

Мы дома, мы не в больнице!

Это радостно.

Но почему так неожиданно нас выписали из больницы? Мы, конечно, это поняли, поняли, что врачи осторожничают. Поняла это и Пика.

Но радость, что мы дома, заставляла забыть значение всего остального.

В тот же вечер у Пики начались невыносимые боли и ощущение рвоты. У неё болело всё тело, и мы ничем не могли ей помочь. Врачи не сочли нужным предупредить о тяжелейшей реакции организма на химиотерапию и не посоветовали, что нам делать. Я сидел рядом, и всё, что я мог сделать — ласкать её и говорить слова успокоения. Нина сделала обезболивающий укол, но он мало подействовал. Пика стонала, чего я никогда от неё не слышал. Стонала и приговаривала: «Ваи деда...» («Ой, мамочка») и, находясь в этой агонии, она произнесла фразу, которую потом, все последующие дни ни разу не повторила:

— Мишвеле, Ликуни...

Это значит: «Спаси меня, Ликуни...»

Спаси!

О, как я хотел её спасти, спасти ценою собственной жизни!

Иногда такое возможно. Ведь спас профессор Иосиф Жордания незнакомую девочку ценою собственной жизни!

Но как тут быть?

Взял бы я все её страдания и болезни на себя и считал бы себя счастливым человеком. Я готов к этому.

И почему природа не позволяет нам так распорядиться собственной жизнью? Что это — моя жизнь не моя собственность?

Почти пятьдесят лет мы идём вместе по колючим тропинкам жизни. Идём рука об руку, не раз спасая друг друга. И хотя о таких вещах мы с ней и не говорили, но каждый из нас готов был жертвовать собой ради другого.

И вот такое время настало, а жертвовать собой ради любимого человека я не могу!

По закону природы болеть и умереть вместо другого, пусть самого любимого и дорогого — нельзя, не положено, не получается. Каждый должен болеть и страдать сам, и уходить из жизни тоже сам.

Я хочу, я готов лечь в постель вместо Пики, страдать вместо неё, умереть вместо неё! Пусть Пика встанет и ухаживает за мною. Пусть провожает меня в Вечность! Тем более, что всякий раз, когда я философствовал для себя о жизни и смерти, то воображал, как падают полные чистой любви слёзы любимой женщины на мою грудь! И от такого воображения мне было хорошо!

Она произнесла эти слова — «Мишвеле, Ликуну...» — только раз. Адские боли повторялись и в последующие дни, но она не позволила себе просить меня спасти её. И не потому, что знала — я бессилен, и спасти её невозможно, скорее, потому, что если такое и было бы возможным, она не приняла бы мою жертву, она не допустила бы, чтобы я ушёл в тот мир раньше неё и вместо неё.

«Мишвеле, Ликуну...», — сказала она в переживании адской боли и в сознательном ожидании исхода, и сердце моё сжалось до горчичного зерна. Я отвёл глаза и заплакал. Заплакал из-за нашей — моей и её — беспомощности.

Что я мог сделать?

Ласкать и ласкать.

Целовать ручки.

Ночевать у её постели.

Подать воды.

Улавливать её желания.

Шептать о любви...

И я шепчу ей о любви:

— Пика, прости меня за откровение моё... Пика, только сейчас я чувствую и познаю, оказывается, как сильно тебя люблю... Только сейчас я узнаю свою безграничную любовь к тебе... Ты прости меня, если я не всегда проявлял красоту моей любви к тебе...

Шепчу эти слова в вариациях, держу её руку в своей и чувствую, как она мягко жмёт мою руку. Это может означать: «я знаю», или «спасибо», или «хватит тебе», или «тоже люблю», или мурлыканье от умиления «mmm».

Что же я ещё могу сделать для неё?

Ибо нас двое в этом мире.

Очень много у нас близких, родных людей, друзей, последователей.

Но таких нас в мире только двое. Этот огромный мир сейчас ограничен маленьким пространством нашей спальной комнаты и ограничен днями, стремительно уходящими.

Уходят дни и уносят с собой по частям жизнь родного человека.

И я осознаю: надо проводить её, сопровождать её до порога, а потом со священной болью в сердце помахать рукой...

К полуночи боли стихли, и она успокоилась, попросила меня тоже лечь в постель и заснула.

Я лёг рядом. Смотрю на её лицо, оно тревожное, измученное.

Хочу ласкать и ласкать, целовать и целовать, но нельзя тревожить.

К утру я вздремнул, и мне приснилась Правда.

Давно не видел сны, а может быть, они не запоминались. А этот сон был очень ярким и без намёков.

Бушети.

Стою на веранде первого этажа нашего голубого дома.

За моей спиной Кавказские горы.

Хороший солнечный день.

Справа от меня, чуть поодаль, в кресле сидит Пика. А с левой стороны вдруг запела птичья стая. Необыкновенно красивые птички порхают в воздухе на высоте вытянутой руки и весело чирикают.

Смотрю на них с восхищением.

Приближаюсь. Они не боятся меня.

Поднимаю руку, она оказывается в гуще стаи.

Птички разлетелись, но одну из них я ловлю. Она меня не боится, но крылышки её трепещут и вот-вот она ускользнёт.

С умилением смотрю на неё, я поражён её божественной красотой.

Целую её крылышки, клюв, ласкаю.

Иду к Пике.

«Посмотри, что за чудо!», — говорю ей.

Пика мне не отвечает, только чувствую, что она просит отпустить птичку.

Я открываю ладонь.

Птичка-красавица поднялась в воздух. Сначала порхала надо мной, а потом взлетела ввысь в сторону Пикиного родника, то есть на Восток.

Я смотрю, как она поднимается всё выше и выше, а потом растворяется в голубом небе...

Сразу проснулся, и первое, что я сделал — записал сон.

И понял всё: птичка красивая — это душа Пики, которая в скором времени улетит от меня, от нас всех...

Утром позвонил Паата.

— Как Валерия, — спрашивает.

Я осторожно объясняю, он настораживается.

— Почему ты так говоришь, — упрекает меня, — ведь ещё предстоит лечение...

Я молчу.

После сна во мне зарождается другая надежда: душа Пики готовится для обитания в Высшем Мире.

— А как с визой? — спрашиваю я. Хочу, чтобы он успел повидаться с мамой.

— Обещали, что будет в конце недели...

А сегодня воскресенье.

Далее рассказывает, что нашёл другой путь приехать в Москву.

— И что это за путь?

— Надо приехать в Минск. Там есть люди, которые занимаются тем, что товарным вагоном перевозят нелегалов в Москву и так же забирают их обратно. Если не будет визы, поеду этим путём...

— Не смей! — возмущаюсь я. — Если тебя обнаружат, выдворят, и тогда совсем откажут в российском гражданстве!

— А что делать?

— Не будет визы, значит, не приедешь... Нет другого выхода...

Утром Нина предложила Пике позавтракать.

— Мурмур, что будем есть?

— Ничего... — прошептала Мурмур.

— Как это? — возмутилась Нина. — Ты же сама обещала, что будешь есть, ты же согласилась на меню, которое мы составили в больнице ...

Нина показывает мне бумагу, на которой записано:

Завтрак:

— чёрный чай с сахаром,

— бутерброд с маслом или мёдом, или

— кефир с бутербродом.

Обед:

— суп из картошки, моркови и вермишели,

— творожная запеканка,

— огурец и яичный белок.

Ужин:

— творожная запеканка с чаем.

В течение дня:

- апельсиновый сок (1 апельсин),
- гранатовый сок (1 гранат),
- яблочный сок (1 яблоко).

Я прочитал меню, Мурмур соглашается — меню неплохое, главное, в нём нет мясных блюд. Но по всему видно: она есть не будет. Особенно после того, что случилось вчера.

Вчера она ясно поняла, что обречена. Вчера она произнесла следующее:

- Мне лучше умереть, чем так жить!

Она есть не будет ещё и потому, что потом чувствует мучительные боли и рвоту. Есть ещё и другие причины: одна болезнь повлекла за собой другие, о которых она не хочет говорить.

Она поняла, что больше не встанет, не будет больше писать книг, не будет спешить на уроки в школу, не будет готовиться к встречам со студентами, не будет ездить со мной вместе и проводить авторские семинары, не станет больше участником международных чтений, не будет выступать с докладами, не поедет больше в Бушети, не сможет ухаживать за розами. С неё уже снимается «ответственность за свою розу». Больше не будет заботиться о своём Ликунии...

А всё это, и то, ради чего все это свершалось, есть отражение части смысла жизни, который она искала в себе всю жизнь.

Пика, не могу забыть, как прекрасно ты рассуждала о смысле жизни перед учителями. Было это на Международных Педагогических Чтениях в Москве. Ты по пунктам пе-

речисляла, из чего состоит смысл жизни, и как он влияет на нас. Во-первых, говорила ты, смысл жизни проявляется в высоких, возвышенных целях. Во-вторых, цели эти не могут нести вред другим. В-третьих, жизненные цели постепенно возвышаются до служения чему-то важному, значимому. В-четвертых, служение без самопожертвования не мыслится. Здесь ты вспоминала, как зимой 2002 года, идя в школу, упала и сломала себе руку. «Дело в том, что до сих пор боюсь зимы, — говорила ты, — так боюсь, что даже палочку держу, чтобы опять не упасть. Спасибо, Дайнис подарил. И за полтора часа раньше я выхожу из дома, а уроки начинаются в половине девятого, потому что мне радостно прийти к детям и увидеть их вот такие глаза: и ожидающие, и доброжелательные, и чего-то интересного ждущие». Далее ты продолжала перечислять пункты: в-пятых, поняв смысл жизни, мы уже не сможем свернуть с пути, ибо получается, что мы предаем себя, если поворачиваем в другую сторону даже силою принуждения. В-шестых, найдя смысл своей жизни, мы освобождаемся от чего-то тягостного, как будто до этого плутали по каким-то непонятным тропинкам, усеянным колючками, и вдруг выходим на просторную, освещенную божественным светом дорогу жизни. Далее ты возвышала профессию учителя, которой всю жизнь была сама предана. И говорила с искренним пафосом: «Наша профессия — самая сложная, ибо связана с душою ребенка... Не с физическим телом, а с душою ребенка. Наша профессия — самая ответственная, ибо связана с воспитанием достойных граждан своей страны. Наша профессия — самая благородная по своей сути, ибо настоящий учитель всю свою жизнь ищет

и впитывает в себя все те лучшие человеческие качества, которые он стремится воспитать в каждом своем ученике».

Зачем искусственно поддерживать земную жизнь, если она не заполнена высшим смыслом жизни!

Валерия отказывается и от уколов, которые по назначению врачей делает ей Нина. Выражает бурный протест против таблеток. А если Нина настаивает, то зовёт меня на помощь. Я её защитник от медицинского насилия. И я защищаю её.

В субботу, 6 октября, я записал в своём дневнике:

«Еле уговорил Пика съесть кусочек бутерброда. Выпила стакан кефира. Больше ничего не захотела принять. Отказалась от обеда. Выпила только кизилковый компот и съела кусочек запеканки. Если не принудить, не хочет глотать таблетки. К пяти часам вечера почувствовала сильную рвоту, измучилась. Нина решила помочь ей сесть в постели, но ей было трудно так сидеть, умоляла уложить. Я сказал Нине прекратить эту процедуру. Сейчас семь часов. Думаю, Пика спит, а может быть, дремлет».

На следующий день я предложил ей подготовить сборник её выступлений и статей по теме «Учитель» и выпустить его к Двенадцатым Международным Педагогическим чтениям.

Она ожила.

Я нашёл на книжных полках номера журналов и сборников с её работами. Положил всё это рядом с ней на кровать, и мы начали составлять содержание будущей книги.

Оно получилось прекрасное. Есть и предисловие члена-корреспондента РАО Виктора Михайловича Богуславского, мнение которого Пика очень уважает. Она довольна. Сейчас нужно сканировать эти статьи или найти их электронные варианты. Давай, обратимся за помощью к Татьяне Николаевне, она не откажет. Звоним ей. Татьяна говорит, что приложит все усилия — и отсканирует, и найдёт электронные записи. Кроме того, у неё хранятся доклады Валерии на международных научных конференциях, их также можно отредактировать и разместить в сборнике.

— Вот видишь, — говорю я Пике, — получится замечательный сборник...

Весь день мы с Пикой были заняты тем, что просматривали каждую статью, оценивали, редактировали, совершенствовали их расположение в книге. В какой-то степени мы забыли о том, что у нас происходило.

Сандрик и Мика, наши добрые и заботливые внуки, часто заглядывают в комнату.

— Цац, как дела? — говорит Сандрик весело и садится у кровати. Пике нравится обращение внука «Цац».

— Ой, ты моё солнышко, — говорит Цаца, — хорошо... Она всегда оживляется при виде внуков.

Сандрик треплет ей волосы. Рассказывает, в связи с чем ездил в командировку, как защитил интересы компании в суде. Рассказывает ещё о ремонте своей квартиры, куда он в скором времени пригласит нас всех.

Цаца улыбается.

А если говорит Мика, то обязательно с юмором.

— Пик, знаешь, что сегодня было в университете?

И рассказывает историю о своём профессоре, который третий раз читает им одну и ту же лекцию. Студенты спросили его: «Зачем эту лекцию нам в третий раз читаете?». Он не растерялся и говорит: «Повторение — мать учения», а студенты смеются. «Это для кого?» — спрашивают.

Пике становится весело, но Мике даёт наставление:

— Ты, радость моя, не дразни своих профессоров...

— А что, с тобой студенты не шутят?

У Мики очень чуткое сердце, смотрит на Пикку влажными глазами и старается развлечь ее. Два года тому назад (2 апреля 2010 года) я обнаружил на своем столе его записку:

«Дед, я очень люблю Пикку и тебя, вы мне безумно дороги и занимаете огромное место в моем сердце и жизни. Сегодня я узнал, что у Артема бабушка больна раком. Я посочувствовал ему, но слезы накатили на мои глаза, как только я представил, что с тобой или с Пиккой что-либо случится. Я не знаю, как я смогу это пережить. Пожалуйста, никогда от меня не уходите! И простите меня, если я иногда веду себя неправильно».

Внуки — радость для Пики...

Она долго и задумчиво смотрит в окно, оно огромное, и Пика созерцает кусок московского неба, облака на небе. Иногда скажет мне:

— Смотри, какие красивые облака...

Я кладу ей голову на плечо и тоже смотрю на облака.

— Прогони этих крыс, а то они портят небо... — говорит вдруг она.

— Каких крыс? — удивляюсь я.

— Вот, что на проводах...

Да, это провода, на которых висят уличные фонари. Они протянуты между домами через улицу. Но ближе к нашему окну провода перевязаны грубо, и действительно, создаётся впечатление, что две огромные крысы с длинными хвостами гоняются друг за другом. Конечно, небо с крысами — зрелище неприятное. Я сдвигаю занавеску так, чтобы крыс не было видно.

Перед кроватью по всей стене на высоту почти пяти метров выстроены книжные полки. Они перегружены, и некоторые книги стоят на полках обложками к нам.

Так стоит недавно вышедшая книга Пики «Письменное слово — светоч души». Её взор часто останавливается на полках с книгами. Обложками к нам стоят ещё две книги.

— Убери их с полки... — говорит она.

Эти книги нам подарили. Одна из них называется «Мужчины о женщинах», а вторая — «Женщины о мужчинах». В них собраны высказывания о противоположном поле известных мыслителей и деятелей — женщин и мужчин. Дело в том, что в этих шикарных изданиях очень много высказываний, в которых мужчины унижают женщин, а женщины издеваются над мужчинами. Пике сразу не понравились эти книги, и она велит убрать их с полки. Я уношу их в другое место.

— Открой окно, проветри комнату, — просит она.

— Хорошо, но от чего проветривать? — спрашиваю я.

— От запаха готовящегося обеда.

Да, Нина на кухне готовит обед, но она включила вентилятор и открыла форточку. Никакого запаха я не чувствую. Но у Пики обостряется нюх, и она не терпит запах пищи.

Я открываю окна.

Она часто требует воды.

Я несу ей бутылочку с холодной горной водой. Держу около её рта, она своими ослабевшими руками охватывает горлышко, тянет к себе, как грудной ребёнок грудь матери, и жадно пьёт. Потом отодвигает бутылочку и проговаривает: «Какая хорошая вода...».

Перед моими глазами рисуется картина.

Мы с тобой стоим у маленького красивого деревянного домика: его построила ты, точнее, по твоему проекту и заказу смастерили сельские плотники. Домик этот — для нашей скважины. Тебе нравится вода, спешащая на волю из глубины 180 метров. Она холодная, она чистая (проверяли в двух лабораториях), она имеет ещё и лечебные свойства.

Я открываю дверцу домика.

Наполняю стакан водой. И как советует Масару Эмото, читаю молитву воде в стакане. Потом протягиваю тебе. Ты берёшь стакан и несколько секунд наблюдаешь, как там образуются маленькие пузырьки и стремятся вверх. Ты радуешься этим пузырькам, потому что ты открыла их нам.

Потом пьёшь воду, глядя на небо.

Грузины говорят: «Курица воду выпила и на Бога поглядела». Это значит, что даже курица благодарна Богу за несколько капель воды.

А ты пьёшь целый стакан благодатной воды и смотришь на небо: кто посылает нам воду — глубина земли или Небеса? Небеса, конечно, там, в Небесах, воля Бога.

Ты смотришь на небо, а я на твою открытую шею — люблю я там целовать тебя. Но сейчас нельзя.

*Ты возвращаешь мне пустой стакан и произносишь ласково:
— Какая хорошая вода!*

Ты будешь говорить это столько раз, сколько выпьешь стаканов воды из скважины, которую ты назвала источником жизни.

Вода заменяет ей пищу.

Я сижу на кровати, кладу голову на подушку рядом с нею. Она о чём-то думает. Молчу, не мешаю. Она вдруг спрашивает:

— Где моя флешка? Не потеряй её...

На флешке у неё записаны: последняя книга, которую она не успела отредактировать в Бушети, статьи, схемы, уроки, фильмы, отзывы. Флешку она бережёт.

Я встаю, беру с полки флешку и показываю:

— Вот, Пика, она здесь, лежит на этом месте.

Она довольна.

— Береги, — говорит.

Позже я понял: она мне вручила наследство с неизданной и неоконченной книгой и презентациями ещё не прове-

дённых уроков. Флешка хранила малюсенькую часть её объёмного духовного мира.

Пика, как только ты закрыла глаза, я вставил твою флешку в компьютер и то, что я там обнаружил, удивило меня: расширенный план новой книги, ее первый и второй варианты, огромное количество материалов, отдельные мысли, цитаты, детские работы с твоими комментариями и т.д.

Мое внимание привлекла одна страница с твоими размышлениями о совершенствовании содержания будущей книги. Ты там пишешь: «В 3-ю часть добавить осмысление философского, психологического, психолингвистического, педагогического аспектов Слова... Начать с моего подхода: 1 пишем, 8 в уме. На этом основывается профессионализм учителя».

Я люблю эту твою мудрость, Пика. На семинарах ты объясняла ее учителям так: «Если 19 умножить на 9, как будем действовать? 9 умножаем на 9, получаем 81 и говорим: 1 пишем, а 8 в уме». Для учителя это значит: на уроке ученикам дарим одно знание, но оно в нас должно быть закреплено широким пластом других знаний, и тогда наше слово станет для них убедительным».

Далее на этой же странице записано: «Добавить: каков образ учителя, несущего детям Свет Слова; любовь к профессии; показать значимость курса; требовательность учителя к себе; как облагораживать и обуздать свой язык».

Чуть ниже: «Раскрыть: отношение учителя, целостный подход к детям: в вас все заложено, вы все можете; сотрудничество; доверие к детям; понимание детей, умение стать на позицию ребенка; «вы мои учителя»...; учитель — дирижёр;

отметка и оценка в руках учителя, их плюсы и минусы; критерии оценки учителя гуманного типа»...

А дальше рассказываешь о том, как пришла к тебе мысль сравнивать профессию учителя с профессией дирижёра. Ты пишешь:

«Учитель — дирижёр.

Однажды, находясь на концерте симфонической музыки и внимательно следя за дирижёром, я почему-то сравнила его с учителем на уроке: и там вокруг учителя дети, которыми он управляет, и здесь вокруг дирижёра оркестранты, которыми управляет дирижёр. Интересно, подумала я, что их объединяет и в чем разница?

Дирижёр нацелен на зал, на слушателей, его не интересуют исполнители на разных инструментах, лишь бы они в точности выполняли то, на что он указывал им на репетициях. С ними все отрепетировано, и они полностью подчинены дирижёрской палочке.

Учителя, прежде всего, интересуют исполнители, т.е. дети. На уроке всё — сплошная импровизация: настоящий учитель полностью отказывается от беспрекословного исполнения детьми его воли, чего нельзя сказать про дирижёра и оркестрантов.

Самые интересные моменты на уроке рождаются именно тогда, когда дети «ведут» за собой учителя, а он не сопротивляется, наоборот, радуется творческому взлету своих питомцев и отмахивается от намеченного плана и обязательной программы...

Во время урока учитель зажигает в детях ту искру, которая преобразует их, превращает в творцов.

В выводе — Учитель — соратник у Бога.

Учитель несет ответственность за детей перед Вышшим».

Пред Пикой на стене висит икона Святого Николая Чудотворца. Пика почитает этого удивительного Святого. Хочу развлечь её, открываю в Интернете сайты о Николае Чудотворце, читаю о совершённых им чудесах и время от времени обращаюсь к ней:

— Пика, смотри, какие чудеса происходят в жизни людей от святого Николая.

И читаю:

«Стояние Зои. В 1956 году случилось то, что потрясло весь православный мир. Работница трубного завода, некая Зоя...».

Её слабый голос прерывает меня:

— Знаю эту историю, сама тебе рассказывала, забыл?

Да, верно, вспоминаю.

— А вот это: «Святой Николай помог коммунисту отыскать партийный билет...».

— Тоже знаю, — говорит Пика, — читай для себя, тебе тоже надо знать о его чудесах...

И я больше не беспокою её, она любит святого Николая и знает о нём всё!

Опять о пище.

Нас с Ниной это очень беспокоит.

Как сделать так, чтобы Пика принимала хоть глоток кефира, компота, кусочек булочки, хлеба, ложку супа, каши?

Мы не знаем, что делать.

Она тает на глазах.

Может, поможет психотерапевт?

Как-никак, такой врач знает психологию больного, надо полагать, владеет нужными словами и внушением.

Нина звонит в больницу и нам посылают «хорошего психотерапевта», молодую женщину.

Мы с Ниной отводим её в отдельную комнату и объясняем обстоятельства.

— Да, да, — говорит она и рассказывает, какой она, не смотря на её молодость, имеет богатый опыт...

Я иду к Пике и предупреждаю:

— Ты знаешь, из больницы прислали к нам врача, чтобы узнать о твоём самочувствии. Можно её пригласить?

Она не хочет никакого врача, но раз он пришёл, ну что же, пусть войдёт.

Психотерапевт садится у кровати и начинает врачевать. Мне, психологу, интересно, что же сейчас она скажет, что предпримет, чтобы уговорить Пика принимать пищу. Внимательно смотрю и слушаю.

Психотерапевт улыбается, приветствует и спрашивает:

— Как Ваше самочувствие?

— Хорошо, — отвечает Пика слабым, тихим голосом.

— Вас ничего не беспокоит?

— Нет, — говорит Пика решительно.

— Но вы похудели, видимо, не питаетесь нормально, а надо есть. Вам же понятно, что без пищи человек долго не продержится, и лечение тоже будет безрезультативным...

Пика ничего не отвечает, на лице её безразличие.

— Давайте договоримся, — продолжает психотерапевт, — что с сегодняшнего дня вы будете нормально питаться, хорошо? Вы не ограничены в пище, можете есть что хотите, но есть обязательно, договорились?

На речь психотерапевта Пика не отзывается.

А психотерапевт продолжает:

— Вам надо есть три раза в день, можно и больше, суп куриный, суп овощной, можно мясные котлеты, рыбу...

Пика хмурится, она слышать не хочет слова «мясо, курица, котлеты». А психотерапевт, видимо, не умеет читать лицо больного и повторяет через каждые три-четыре слова: «Договорились?»

И не получая согласия, тем не менее заключает:

— Вот и хорошо, и вы обязательно выздоровеете...

Она завершает свой психотерапевтический сеанс. Говорит Нине сколько берёт, когда её вызывают на дом. Нина провожает её и говорит мне:

— Что это было? Это было врачевание?

Я тоже не знаю, так ли надо говорить психотерапевту с тяжелобольным. Но если так, то это недоразумение.

Возвращаюсь к Пике, сажусь на свою табуретку, беру её руку, нежно глажу.

Она недоверчиво смотрит на меня и говорит:

— Зачем тебе эти глупости?

— Ты о чём, Пика?

— Почему эту женщину привели ко мне?

— Её послали из...

Но она обрывает меня:

— Хорошо, хватит...

И я умолкаю.

Но так как она за последние дни ничего не ела, нам посоветовали поставить капельницу, чтобы поддержать организм. Из больницы прислали врача.

— Опять? — возмутилась Пика, увидев врача с его инструментами.

Я еле уговорил её. Она согласилась не потому, что это необходимо, а уступила нашим просьбам.

Врач без труда нашёл вену, ввёл в неё трубочку и настроил капельницу. Это переливание могло поддержать организм дня два.

Потом, на третий день, тот же врач опять пришёл для повторения переливания.

Пика возмутилась больше прежнего.

Я вышел из комнаты, чтобы не быть свидетелем, как Нина уговаривает маму, но вскоре слышу крик Пики:

— Валикуна, где ты?

— Что случилось? — спрашиваю.

А случилось то, что хотя Нина уговорила Мурмур поставить капельницу, но врач никак не может обнаружить вену на руках. Он уколол несколько раз, и теперь предлагает ввести укол через ногу. Эти мучительные пробы, а теперь и посягательства на ноги возмутили Пикю, и она говорит мне по-грузински решительно:

— Избавьте меня от этого человека!

Стараюсь оправдать наши действия.

— Пика, — говорю я умоляюще, — ведь надо, чтобы ты окрепла, а потом...

Она прерывает меня и обличает нас с Ниной, говорит по-грузински:

— Вам не надоело это враньё?

Я онемел.

Да, она всё знает, она и раньше знала, что с ней происходит. Но так же, как мы не заговаривали о том, что может случиться, она тоже не задавала нам лишних вопросов, а даже успокаивала меня, говоря время от времени: «Всё будет хорошо, Ликуня!»

Мы все знали правду, но держали её втайне, чтобы не спугнуть Пика, себя и надежду. Но сейчас она сама открыла завесу: не надо больше лгать, вам не надо больше меня обманывать, и себя не обманывайте, не зовите зря врачей...

Я увожу врача в коридор и объясняю, что капельницу ставить не будем. Он сконфужен, уверяет, что через ногу он «стопроцентно» найдёт вену. Нина в нерешительности.

— Она же ничего не ест... Переливание может поддерживать...

Но я против, только спрашиваю у врача:

— Вы видите, в каком она состоянии. Как вы думаете, что может произойти?

Он задумался.

— Вы хотите знать правду?

— Да, конечно, говорите...

— Ну, дней четыре-пять... Организм больше не выдержит...

Да, чувствовал, что приближается день, но всё же отгоял это чувство. Никто не может останавливать приближение сужденного дня, но зачем знать об этом в конкретных датах? Сердце моё сжалось от боли.

Потом я спросил врача:

— Скажите, что может сделать ваша капельница?

— Ничего особенного, — сказал врач откровенно, — вы вызвали меня, я и пришёл, но, по сути, я вам уже не нужен...

Мы поблагодарили его, и он ушёл.

Нина в тот же вечер собралась сделать Пике назначенный врачами укол, но она запротестовала, закричала что было силы: «Аааа...». Тогда я отвёл Нину в сторону и сказал:

— Никаких уколов больше делать не будем, и заставлять глотать таблетки тоже не будем...

— Но надо ведь сделать всё, что от нас зависит...

— Да, надо, — сказал я ей, — от нас зависит теперь только одно: проводить её с любовью, спокойно, в ласке... Дадим ей покой, как она того хочет...

В тот же вечер я вынес из комнаты все медикаменты: растворы, лекарства, шприцы, бинты. Договорились делать лишь обезболивающие уколы, и только по необходимости.

У Пики болело всё тело, потому она не могла переворачиваться с боку на бок, шевелить ногами. Она лежала неподвижно, лишь поднимая руки и беспомощно опуская их.

Я всё время сидел рядом, держал её руки, ласкал, целовал, давал ей выпить воды из бутылки, иногда подносил к губам

ложку мороженого, и она не отказывалась от него. Говорил с ней о чём-то или сидел тихо, пока она, закрыв глаза, дремала.

Она только однажды, открыв глаза после очередной дремоты (видимо, не дремала, а думала о том, что с ней происходит) произнесла тихо и с грустью: «Ваи дедаса!»», что дословно переводится достаточно скудно, вроде: «Горе матери моей!», а смысл этого выражения совсем в другом: «Жалко, я ещё мог бы показать себя, если бы мне была дана возможность».

Да, у неё на флешке хранится незавершённая книга о чтении, вторая часть задуманной трилогии; зреет в планах третья книга, материалы для которой она долго собирала, разработаны новые уроки, еще не апробированные на практике. Пика — лидер международного движения гуманной педагогики, одна из его основателей и вдохновителей. Она со мной вместе руководит авторским семинаром, через который ежегодно повышают квалификацию около двух тысяч учителей. Мы с ней вместе организовываем в Бушети международные встречи. Мы развиваем нашу усадьбу, как радостный сад для проходящих к нам людей. Она вдохновляет меня, охраняет и оберегает. Её любят учителя... Жизнь её добрая, многогранная и устремлённая. Она сделала бы ещё многое, порадовала бы многих, но «ваи дедаса», нет возможности.

Больше она «ваи дедаса» не произносила.

Спустя некоторое время, глядя на её измученное лицо и думая, что она спит, я нежно поцеловал её в щечку. Она, не открывая глаза, произнесла слабым голосом:

— Не целуй меня больше...

— Почему, Пика?

— Ты не так целуешь...

— А как?

— Не так...

Я был уличён.

Действительно, эти мои поцелуи были другими: в них была боль, было предчувствие горя, было сожаление, утешение, нежность прощания. Я не думал об этих чувствах, но моё душевное состояние отражалось в моих поцелуях. Ими я утешал самого себя. В них были слёзы, которые я с трудом сдерживал, была любовь, силу которой я постигал именно сейчас.

Но я не мог не целовать Пику, и вовсе не думал о том, какие это поцелуи. Сердце моё, душа моя целовали её, вся моя сущность, вся моя жизнь целовала ее.

Целовал её, когда она дремала, спала или бодрствовала; целовал ручки её, которые покоились в моих ладонях. Не говорил много слов, но сердце моё не переставало объясняться ей в той любви, которую я познавал и переживал сейчас, провозжая её в путь, по которому только уходят.

Сердце моё рыдало: почти полвека я думал, что люблю её, люблю сильно-сильно, но как действительно любил её в глубине души, оказывается, я ещё и не знал. Знал бы, наверное, жизнь потекла бы на более высокой волне.

Когда мне показалось, что она спит, я начал шептать, сообщая ей о своём открытии.

— Пика, сколько раз я объяснял тебе в любви...

Каждый раз мне представлялось, что

все слова уже сказаны, все чувства проявлены...

Я был искренним в своих объяснениях и думал, что
обнажаюсь перед тобой своей любовью...

Но сейчас, Пика, в эти...

не буду унижать этих дней —

в эти священные дни,

когда ты уходишь из земного бытия,

а мне придётся остаться здесь ещё на некоторое время,

когда, как говорят земляне, я «теряю тебя», —

я вдруг неожиданно, в одно мгновение

понял и почувствовал то,

что было скрыто во мне все годы нашей почти полувеко-
вой жизни...

Я понял, что моя любовь к тебе совсем другая...

Она — неземная, и нет слов, чтобы сказать, какая она.

Сильная? — Да!

Чистая? — Да!

Но не в этих словах смысл моей любви к тебе...

Может быть, пригодятся слова —

она созидательная, творящая, божественная...

В общем, другая...

Постиг бы эту тайну я в себе в начале нашего совмест-
ного пути,

я был бы сегодня другим по измерениям духа...

Я только уповаю на то, что

Любовь эта поможет мне, грешному,

успеть за оставшееся мне время

хотя бы отчасти

очиститься...

А как ты?

*Думаю, — вспоминая всё твоё отношение ко мне,
к людям, к вещам, к жизни, —*

ты давно открыла это состояние духа в себе...

*Твоя совершенная забота обо мне (да и не только)
ясно мне всё объясняет...*

Нет, я не нашёптывал ей все эти слова, часть их проговаривал в сердце. И в своём воображении ласкал её от горя воображаемой утраты и от счастья неожиданного открытия.

Но Пика всегда чувствовала и понимала меня. Она читала мои мысли, хотя и не старалась их читать. Она предугадывала мои желания, она вслух говорила о том, о чём я не успевал ещё подумать. Она жила мною и во мне. И сейчас тоже, когда я, склонив голову у её постели, шепчу-размышляю о своём открытии, она слабо жмёт мою руку, — она не спит! — открывает глаза и дарит мне необыкновенный лучезарный взгляд. И я вижу в её глазах то, что она произносит словами:

— Дзалиан миквархар, Ликунни... (Очень тебя люблю, Ликунни...).

Но суть вложила она не в сами слова, а, — Боже мой! — в какое-то небесное, тоже не имеющее названия, их звучание!

Пике трудно говорить.

Я сижу за своим письменным столом, это рядом с постелью, что-то записываю в дневник и вдруг слышу:

— Паата завтра прилетает?

Почему она подумала, что Паата может прилететь из Тбилиси завтра? На днях уже говорили, что получить визу ему не удаётся: его обманывают, который раз уже сказали, что будет виза «в конце недели». Недели проходят, а визы всё нет. Паата нам звонит по восемь-десять раз в день узнать, как Валерия. Мы запретили ему приезжать нелегальным путём, и Пика сама тоже была против того, чтобы он подвергал себя такой опасности.

— Пика, — говорю я ей, — ты же знаешь, что Паате визу ещё не выдали, и завтра прилететь он не сможет.

Я сажусь рядом с ней на маленькой скамеечке.

— Опять обманываешь?

— Почему, Пика?

— Не надо мне неправду говорить. Что с Паатой?

Вот оно что!

Она думает, раз Паата до сих пор не смог приехать, значит, с ним что-то случилось.

Сколько раз я предлагал ей поговорить с Паатой по телефону или по скайпу. Она отказывалась. На этот раз я включаю айпад и по скайпу вызываю Паату. На экране возникло озабоченное лицо сына.

— Как Валерия? — спрашивает.

— Пика рядом, поговори с ней...

— Не надо... — говорит Пика.

Но я всё же держу перед ней экран. Знаю, почему ей не хочется говорить с сыном: она боится, что он увидит, в каком она положении.

— Только, к сожалению, — говорю я ей, чтобы успокоить её, — он тебя не увидит, ибо наш скайп не имеет обратной видеосвязи...

— Абу, — обращаюсь я к сыну, — объясни Пике, как дела с визой...

— Валерия, как ты? — спрашивает Паата.

Пика жадно смотрит на экран.

— Хорошо, солнышко...

Пика не задаёт вопросы, Паата рассказывает сам:

— Я и сегодня звонил женщине, которая занимается моей визой. Она говорит, что не только мою визу, но и другие задерживает Москва. Опять обещает, что всё разрешится на днях. Не знаю, что ещё можно сделать...

Пика слушает и смотрит на экран. Вот живой Пасико, с ним всё хорошо. Паата рассказывает о Тамусики — правнучке нашей, она уже первоклассница; рассказывает о Бушети, где после уничтожающего града природа начинает возрождаться, наша усадьба опять зеленеет, у роз завязались бутончики...

В течение дня Пике становится всё хуже и хуже. Ей трудно говорить, она закрывает глаза и погружается в мысли.

Надо позвать о. Артемия, подсказало мне сердце. Пика знает его, очень уважает, пользуется его книгами о слове, речи, его рассказами для детей. Отец Артемий — участник Международных Педагогических Чтений, где он выступал с докладом и представил учителям свой мастер-класс. Мудрость о. Артемия восхитила всех. Международное жюри присвоило ему звание Рыцаря Гуманной Педагогики и вру-

чило золотой значок «Сердце и лебедь». Он профессор, автор многих книг. Учителя полюбили его, некоторые пошли к нему исповедоваться. Пика крещена, она искренне верующая.

О. Артемий — протоиерей, настоятель храма Всех Святых бывшего Алексеевского монастыря.

Звоню Вере Георгиевне, прошу связать меня с о. Артемием.

Оказывается, он в Америке, возвращается 20 октября вечером. Это суббота. Обещает, что в воскресенье утром приедет к нам.

Пика лежит с закрытыми глазами, то отзывается на моё обращение, слабо жмёт мою руку, то нет.

Я ложусь с ней рядом, приближаюсь к её ушку, беру её ручку в свои руки, нежно ласкаю и шепчу.

— Пика, ты моё вдохновение...

Она слабо жмёт мою руку. Значит, она слышит меня и отзывается на мои слова. Я продолжаю, мысли мои складываются как стая фиолетовых журавлей, движущихся в форме длинной единицы по небу:

— Пика, знаешь,
я часто думаю о том, какую жизнь мы с тобой прожили...
Вспоминаю, как я впервые увидел тебя,
худенькую девушку,
одетую в чёрное,
скорбящую о неожиданной смерти отца...
Тогда я был ещё как молодое вино,

постоянно влюблялся то в одну, то в другую девушку
и предлагал им выйти за меня замуж...
Как я благодарен каждой, что они отказывали мне...
Теперь даже боюсь представить, как сложилась бы моя
жизнь,
если бы кто-то из них принял моё предложение...
Я влюбился в тебя с первого взгляда...
Помнишь ту первую встречу?
(Она слабо сжимает мне руку — «Помню».)
Какое это было для меня чудесное переживание —
любовь с первого взгляда...
Дальше моя любовь к тебе только возрастала.
Я открывал в тебе женщину — и любовь росла...
Открывал талант и мудрость — и любовь росла...
Открывал в тебе веру в меня — и любовь росла...
Открывал в тебе вдохновительницу мою — и любовь
опять крепла и росла...
Потом увидел, какой матерью наших детей ты стала,
и любовь моя к тебе перешла в преклонение...
Потом мы, впрягшись в одну упряжку,
пустились в поиск нового образовательного храма
и потянули за собой сотни, а потом и тысячи учителей...
И я увидел на этом пути твои
преданность,
бесстрашие,
готовность к самопожертвованию, —
и я влюблялся в тебя всё больше и больше...
(Она опять жмёт мою руку. Я поощрён, могу продолжать).

Мы проходили с тобой тяжёлые испытания
на верность друг другу,
на преданность делу, — оно и стало нашим смыслом жизни, —
и любовь моя к тебе росла и утончалась...
Вот мы нашли, точнее, построили
свой образовательный храм,
заложили в его основу краеугольные камни
и вышли в широкий мир,
где нас встретили давно ждущие учителя,
их не двое, не трое, а тысячи...
Они приняли нас двоих как одно целое,
и мы старались оправдать их ожидания.
А за это время
любовь моя к тебе переходила в мудрость.
Любовь отодвинула от нас старость...
Кто скажет, что я старик, а ты старушка!
Сохранив молодость души,
мы сохранили молодость тела...
Приходили ко мне болезни,
и они могли увести меня за собой,
а ты своей любовью отгоняла их от меня...
Я самый счастливый человек в мире, Пика,
ты сделала меня счастливым...
Спасибо тебе, Пика, жизнь моя,
спасибо, что ты согласилась выйти за меня замуж тогда,
почти пятьдесят лет тому назад...
Скоро будет полвека, как мы вместе...
Сколько осталось до 9 марта —

всего четыре месяца и несколько дней,
и мы отпразднуем это событие...
Я преподнесу тебе бриллиантовое кольцо,
станцую для тебя грузинский танец,
который закончится тем,
что брошусь перед тобой на колени...
А дети наши, внуки наши, —
они и так восхищаются нашим чувством, —
ещё раз споют нам на полном серьёзе весёлую песенку:
«Бабушка рядышком с дедушкой
Столько лет, столько лет вместе...
Бабушка рядышком с дедушкой
Снова жених и невеста»...
Мы счастливые родители, Пика,
наши дети — Паата и Нина — наша радость и гордость,
они талантливые, заботливые.
Паата становится известным своими книгами,
создал вместе с женой детскую художественную студию
«Басты-Бубу»,
которая прославила Грузию,
теперь проводит мастер-классы по дошкольному воспитанию.
В нем обаяние и духовная культура...
А Нина?
Она увлечена ювелирным делом,
создаёт изящные изделия,
руководит маленькой фирмой вместе с мужем Андреем.
С какой любовью она бережёт нас, Пика,

*и сколько в ней заботливости!
Мы в Москве живём в её доме...
У нас достойные внуки, есть и правнучки...
Все наши родные живы, здоровы,
они благородные и великодушные...
Что ещё нужно для родительского счастья, Пика?..
Скажем спасибо Господу,
что даровал Он нам такую жизнь!..*

На лице Пики — умиление, и я чувствую, как она отзывается в душе: «Да, Ликуни, мы счастливые, всё так...»

Я умолкаю.

Ее ладонями ласкаю своё лицо.

Она уходит в мысли, и я больше не тревожу её.

Утро 21 октября.

Пика не открывает глаза. Спит? Дремлет?

Звонит мобильный, это о. Артемий, он уже у подъезда.

Я открываю ему дверь. Он благословляет Нину и меня.

Мы ведём его к Валерии.

— Пика, — говорю я тихо, — посмотри, кто к нам пришёл, это о. Артемий...

Пика не открывает глаза.

О. Артемий просит оставить их одних. Мы с Ниной выходим в коридор. Спустя 20 минут он приглашает нас в комнату и говорит (голос у него ласковый, родной):

— Вот, мы поговорили. Я — словом, а она — глазами...

Глаза Пики открыты.

На лице отражается душевный покой.

— Она святую воду попила...

Нас он тоже окропляет святой водой.

Мы выходим в коридор, и о. Артемий даёт нам наставления, как себя вести, какое нужно свершить таинство. «И закройте ей глаза», — закончил он.

Мы провожаем его.

Я возвращаюсь к Пике.

Она заснула. Дышит медленно, спокойно.

Но заснула ли, или находится в видениях?

Или просто из-за слабости лежит без движения с закрытыми глазами?

Я ложусь рядом.

Разглядываю её лицо.

Она сильно похудела.

Впавшие щёки, запавшие глаза.

Губы — как крылья бабочки.

Руки, которые она держит у подбородка, как распустившиеся кисти винограда.

Но её лицо озарено внутренним обаянием. Оно всегда пленяло меня — её внутреннее обаяние. В этом свечении она для меня — королева красоты.

Господи, спасибо Тебе, что Ты свёл нас!

Спасибо Тебе, Господи, что одарил меня почти полувечным счастьем жизни с нею!

Спасибо, Господи, за радость познания любви к женщине!

Сколько я целовал эти щёки, нежные и пахучие, как свежие розы нашего сада!

Люблю целовать её в подбородок (ей щекотно), целовать под ушками.

Как щедро поили меня эти губы нектаром опьянения!

Где самая красивая женщина в мире, самая обаятельная и шикарная?

Вот она, лежит в постели, мирно спит или общается с ангелами после причастия и ждёт своего часа!

Спасибо, Господи, что послал мне эту женщину — Веру, Надежду и Любовь, Музу, Софию и Афродиту!

Она — моя крепость!

Она — моя честь!

Она — мои крылья!

Она — моё мужество!

Она — мечта моя и моя действительность!

Я в ней, она во мне!

Спасибо, Господи, что даёшь мне, — пусть сейчас, когда нахожусь в ожидании исполнения Твоей воли, — познать красоту, глубину, могущество, несказуемость любви!

На всё воля Твоя, Господи!

Я не молю тебя совершить чудо, пусть оно для неё совершится Там, в пространствах Твоей Вечности!

Прошу только, молю только об одном: оставь во мне огонь и дай мне сгореть, испепелиться в нём!

Плачу без слёз и без звука.

Хочется ласкать это милое, светлое, любимое лицо, целовать и целовать — нежно и страстно.

В своём воображении я и делаю это: целую и плачу, — от радости, что она у меня есть, и от горя, что скоро у меня её не будет...

Не знаю, когда я моргнул глазами, что не заметил, как у Пики в углу левого глаза, ближе к щеке, застыла слезинка.

За все эти сложные, полные переживаниями дни Пика ни разу не прослезилась, не заплакала: ни от невыносимых болей, ни от сознания безысходности. Она не могла допустить слёз, чтобы не выдать свою тайну, хотя знала, что она общая у нас, эта тайна.

Но вот слезинка!

Может быть, она читала мои мысли, а слезинка — это ответ на них?

Может быть, она...

Но не знаю, что ещё может быть.

Я смотрю на слезинку с непонятным мне чувством.

Не последует ли за ней другая, не польются ли по щеке ручейки?

Нет, других слёз не видно, только одна, единственная и неповторимая.

Я осторожно, медленно приближаюсь к лицу Пики и кончиком языка забираю эту слезинку.

Думаю, она не почувствовала.

Я сел на кровати и проверил вкус слезинки.

Солёная и горькая!

Точно знаю — слёзы не бывают такие солёные и горькие!

И мне приходит в голову только одна мысль: Пике горько расставаться с нашей жизнью, но не так горько, чтобы лить потоки слёз, а чтобы бросить одну солёную и горькую слезинку.

Одну!

22-23 октября.

Дни эти одинаковые.

Пика лежит в постели без движения.

Дышит ровно и спокойно.

На лице нет следа страданий, болей, озабоченности, переживаний.

Она без сознания?

Нет, если бы она была без сознания, лицо не излучало бы света, а оно — светится.

Она спит? Это обычный сон?

Тоже нет! Это не сон!

Я могу сказать о том, что подсказывает мне сердце: думы её заняты чем-то важным...

Она пила много воды, но теперь не просит, не может просить. Потому мы сами подносим к губам ложку с водой. Она открывает рот и медленно глотает воду. Потом перестала открывать рот. Мы приспособили бутылку с трубочкой, через которую давали пить воду. Потом Нина стала пользоваться шприцем без иглы: осторожно раздвигаем губы и вводим

воду малыми дозами. Не сразу, а спустя несколько секунд, Пика глотает воду.

Мы с Ниной говорим шёпотом и жестами. Время от времени в комнату входит Мика. На глазах у него сразу наворачиваются слёзы: любимая и любящая Пика не встречает его с радостью, не говорит ему: «Ой, ты моё солнышко!»

Я прошу Нину оставить меня наедине с Пикой. Устраиваюсь у кровати на низкой скамеечке. Открываю коробочку, в которой покоится золотое кольцо с бриллиантом...

Кольцо это я приобрёл вчера.

Месяц тому назад Нина положила мне на стол пять или шесть эксклюзивных золотых колечек, изготовленных её фирмой, и попросила придумать для них названия. Но сосредоточиться над таким заданием я не смог. Колечки были изящными, с разноцветными камнями, а одно из них, показавшееся мне очень красивым и необычным, было с бриллиантом. А вчера Нина готовила изделия для сдачи в магазины.

— Ты назвала их?

— Да, а это, которое тебе понравилось, я назвала «Валерией». Сегодня отнесу в магазин...

— А эту «Валерию» кто-то купит и подарит своей жене...

— Надеюсь, — сказала Нина.

— Тогда этим кем-то буду я... Я покупаю его для моей любимой жены, у нас скоро исполнится пятьдесят лет...

— Что значит, покупаешь? Бери, я дарю...

— Нет, — сказал я решительно, — я должен купить кольцо в честь нашего юбилея...

Теперь я достаю из коробочки кольцо. Оно действительно прекрасное. Бриллиант своими гранями играет гимн любви.

Беру ручку Пики и на средний палец надеваю кольцо.
Боже, какое чудо, какое благородство!
Целую ручку с кольцом.

— Пика, — шепчу ей я, —
до пятидесятилетия нашей свадьбы
осталось четыре месяца и восемнадцать дней...
Давай, перенесём девятое марта на сегодня, 22 октября...
Милая, я никогда не баловал тебя вещами и украшениями,
ты не богата ими...
Все наши накопления шли на поддержку наших детей,
людей, которые очень нуждались,
на спонсирование дел, которые стали смыслом нашей
жизни,
на строительство и облагораживание нашей усадьбы в
Бушети.

Мы там сотворили маленький рай,
чтобы всем приходящим достались радость и умиление...
А свои наряды ты покупала
не в фирменных и дорогих магазинах,
но никогда на это не жаловалась...
Я люблю тебя, Пика,
люблю твои кофточки, шарфики, костюмчики...
Люблю тебя во всём, во что ты наряжаешься,
ты обаятельна в своей простоте, ты прекрасна...

В одной моей руке покоится ладонь Пики, другой же рукой я снимаю и опять надеваю на средний палец юбилейное кольцо с бриллиантом. Слышит ли она мой голос? Видит ли её душа кольцо? Я не хочу, чтобы Пика видела мои слёзы, они предательски выдают меня.

Я целую палец с кольцом.

— Пика, — шепчу я, —
где нам праздновать юбилей?

Ну, конечно, в Бушети...

Вот мы и приехали в Бушети...

Двор наполняется гостями...

Они пьют воду из нашей скважины, которую ты назвала
Источником Жизни.

Вкусная вода, говорят...

Они удивляются нашим розам — какой тонкий аромат
они источают...

Говорят: «Как прекрасно видны отсюда Кавказские
горы!».

Мы направляемся к нашему маленькому храму Святого
Николая Чудотворца,

батюшка благословляет нас, окропляет святой водой...

Мы собираемся в твоей библиотеке...

Как много книг, говорят гости...

Потом выбираем тамаду...

Пьют за нас...

Кахетинские певцы поют грузинское многоголосное «Мра-
валжамиер»...

Потом грузинский танец,

и я, 82-летний жених, танцую и зову тебя танцевать вместе со мной...

А потом бросаюсь на колени и предлагаю своё сердце и руку...

Надеваю на средний палец правой руки бриллиантовое кольцо...

Ты навеки моя!..

Я вхожу в какое-то особое состояние, моё воображение становится до такой степени реальным, что сердце даже запело, запело вслух ту песню, которую я часто пою Пике, песню имеретинскую, откуда она родом:

გოგოვ, შენი თეთრი კაბა
წყალს მიჰქონდა მდინარესა,
ოვდილა, ვორუდილა,
დელია-დელა-დელასა.
ნეტავი გამაგებინა
ვინ გაკოცა მდინარესა,
ოვდილა, ვორუდილა,
დელია-დელა-დელასა.

Господи!

Что я делаю?!

Я же могу нарушить её покой, её общение с Миром Вышшим, с ангелами небесными!

Умолкаю и опять целую ручку с юбилейным кольцом.

Праздник прошёл на славу.

И мне хочется посмотреть на нашу жизнь, как смотрю на Кавказские горы с веранды башни.

Потому шепчу:

— Пика, Великая Пика,
мы прожили с тобой прекрасную жизнь!

И это потому, что мы с тобой нашли
смысл нашей жизни,

мы нашли для себя ответ на вопрос:

ради чего живём на Земле...

Мы с тобой, Пика, знаем, знаем верой,

откуда мы пришли,

знаем, зачем мы здесь и

куда нам направляться...

Мы с тобой делаем то, что

никто, кроме нас,

делать не будет...

В шестидесятых годах XX века

мы приступили к строительству жизни 50-х годов XXI
века...

Тот, кто служит образованию,
тот строитель будущего...

Мы с тобой, Пика,

служим образованию и

всем существом стараемся

умножить в нём добро,

умножить любовь и радость,

духовность и гуманность...

Вокруг нас образовалось многотысячное содружество учителей...

Пика, во скольких городах мы с тобой встречались с учителями,

проводили семинары,

создавали лаборатории и

участвовали в педагогических чтениях?

Этих городов более 150.

Почти 500 часов мы с тобой находились в перелётах...

Моя рука опять играет: снимает и одевает на палец Пики юбилейное кольцо. Мои губы целуют её руки. Но сердце моё чувствует: душа её занята очень важным делом, ей не до моих поцелуев.

Лицо её опять спокойное...

Так я отпраздновал в тот день наш долгожданный праздник. Кольцо с бриллиантом я оставляю в ту ночь на её пальчике, пусть наслоится на нём её духовная энергия, пусть запомнит оно свою первую владелицу.

...Это уже другой день.

Пика также неподвижна.

В таких случаях обычно говорят: «Больной не пришёл в себя». Но, думаю, здесь случай другой. Что значит, «не пришёл в себя»? Пика, конечно, в себе, но душой сейчас там, где ей необходимо быть...

Я сижу рядом, смотрю на руку с юбилейным кольцом и шепчу:

— Пика, Пикуни,

помнишь, что тебе сказала моя мама в день нашей свадьбы?

Она сказала тебе:

«Вот, дочь моя, я воспитала своего сына, без отца, как смогла.

А теперь доверяю его тебе.

Воспитывай дальше...».

И ты продолжила мамино дело...

Ты воспитала во мне терпение — спасибо тебе за это...

Воспитала во мне скромность — и за это спасибо тебе...

Воспитала преданность — тысячу раз спасибо тебе за это качество...

Воспитала во мне смелость — это победная сила, спасибо, спасибо тебе...

*Но любить тебя я научился сам,
заботиться о семье, о детях научился сам...*

Сам же научился многому, но не всему...

*Иногда нарушал нечто очень важное,
переходил границы дозволенного,
а теперь чувство раскаяния раздирает мое сердце...*

*Грешен я, Пика,
грешен перед тобою, а значит,
перед Богом...*

*Твоё всепрощение
то поощряло мою вольность,
то ввергало меня в глубокое раскаяние...*

*Ты называла меня «святым»,
прекрасно зная, что я не такой,
и никогда таким не стану,*

но твоё великодушие чистит мою духовно-нравственную природу...

Спасибо тебе, Пика милая, любимая моя...

Звонит по скайпу Паата. Спрашивает о Валерии. Что мне ему сказать? Тело её лежит передо мной без движения уже третий день. На лице покой. Она без сознания? Нет, душа её, я уверен в этом, познаёт сейчас нечто очень важное, она готовится к Великому Переходу.

— Что тебе сказать, сынок, не знаю...

Паата долго молчит. Тоже не знает, что сказать в ответ...

Я продолжаю шептания.

Пусть Пика не слышит, что я ей сейчас говорю, но всё это, — такова моя философия, скреплённая верой, — записывается в её внутреннем мире на кристалле вечности. И Пика, душа Пики, прочтёт мои нащёптывания. А может быть, она и слышит всё?

— *Пика, какие у нас хорошие планы... Мы с тобой в Бушети их уже обговорили.*

Вот, смотри:

издать твою книгу о чтении;

издать мою книгу об Учителе;

провести семинар с учителями во Владивостоке, Благовещенске, Киеве, Новокузнецке, Казани, Херсоне, Хмельницке, Черкассах...

провести семинары для московских учителей;

провести семинары для родителей;

провести Двенадцатые Международные Педагогические Чтения;

*участвовать в региональных и республиканских Чтениях;
организовать Вторую Международную встречу соавторов «Манифеста» в Бушети;*

обустроить двор вокруг нашего храма Святого Николая Чудотворца;

посадить более трехсот кустов роз вокруг храма и башни...

Ты же понимаешь, Пика, мы живём там и тогда, где и когда нас не хватает.

Всюду, где нас не хватает, мы бессмертны...

Потом надолго умолкаю.

Нежно глажу по волосам, по щекам: «Как ты похудела, Пика, таешь, как снежинка на ладони, Пика... Где ты сейчас, Пика... Если...»

Кладу голову на подушку рядом с ней и нашёптываю прямо на ухо:

*— Смерти нет, Пика,
есть только полосы земной жизни,
и они готовят нас для жизни Небесной...
Смерти нет, есть только рождение, Пика,
Ты готовишься для преображения,
Для рождения в мире Вечности.
Ты светлая душа, Пика,
у тебя есть что преподнести в дар Творцу.*

*Один из твоих даров — это великодушие,
которое ты возвращала в себе постоянно...
Другой дар — чувство преданности и самопожертвования...
Ещё — чистые помыслы твои...
Как много у тебя даров духа для Бога, Пика...
Я радуюсь за тебя...
Ты светоносная душа...
Ты, Пика...
Но уже, оказывается, рассвело.*

24 октября.

Пика светится изнутри, светится спокойствием.

Дышит медленно, глубоко.

Руки её тёплые, худые пальчики стали миниатюрными.

Эти руки, эти пальцы — они живые существа!

Я люблю каждый пальчик и благодарен каждому из них:
они столько сделали для меня!

Набрали на пишущей машинке (это в прошлом веке) и
на компьютере (это уже в веке двадцать первом) несколько
десятков миллионов знаков моих книг!

Эти пальчики нежно удаляли из моего тела занозы, за-
бинтовывали раны.

Они стригли мои редкие волосы, каждый раз пересчи-
тывая их и приводя в порядок.

Они, имея мягкие ногти, чесали мне спину, разгоняя по
моему телу миллион мурашек.

Эти пальцы, пусть иногда, ласкали моё лицо, проверяя, как я побрился.

Я наблюдал за ними, танцующими, как балерины, когда стояла она на трибуне со своим очередным сообщением.

Да, в каждом ее пальчике образовался свой мозг и каждый щедро проявлял свои таланты во имя блага, любви и красоты.

Сердце моё не успокаивается, требует, чтобы я взял её ручку, — я беру правую её ладонь, она ближе ко мне, на ней юбилейное кольцо, — и требует, чтобы я изливал душу свою, — и я это делаю: держу её ладонь в своих руках, как мог бы держать чашу Грааля, и шепчу:

— Пика, сердца наши переполнены чувством благодарности...

Мы с тобой благодарны всем за всё:

за улыбки, за доброе слово, за приветствие...

Твоя благодарность часто переходит в благословение.

Если кто-то,

близкий, чужой, неважно,

оказал тебе маленькую услугу,

ты благословляешь того.

Обычно от тебя мы слышим твои сердечные слова:

«Шен гаихаре», что в переводе означает: «Да будет тебе радость!»»,

а истинный смысл этих слов — «Да благословит тебя Господь!»»

Ты пришла из университета усталая,

в ногах тяжесть, ложишься на диван.

Я знаю, что сейчас тебе нужно:

не спрашивая, готовлю чашечку кофе,
на блюдце кладу шоколадные конфеты и
подаю всё тебе на подносе...

Ты лежишь с закрытыми глазами,
а я делаю это бесшумно.

Открываешь глаза,
улыбаешься и говоришь от всего сердца:

«Шен гаихаре!».

Не скрою, я жду этих слов, от них мне становится хорошо.

Мне не надо, чтобы ты благодарила, не для этого я стараюсь,

но что делать, хочу услышать

это божественное магическое звучание двух слов из твоих уст:

«Шен гаихаре!».

Для меня это то же самое, что полив цветов во время засухи...

Пика, сколько нас окружает добрых людей,
которые доставляют нам радость,
помогают, способствуют...

Начнём с самых близких и родных.

Вот Паата, наш первенец, любимец, талантливый, трудолюбивый и заботливый.

У него прекрасная, любящая жена Тамрико, тоже талантливая.

Она стала нашей дочерью.

А Нинца, наша первая внучка!

Она уже замужем за обаятельным и устремлённым молодым человеком Геги.

Они подарили нам правнучку Тамуси...

Давай, Пика, скажем Паате и всей его семье твои волшебные слова:

«Тквен гаихарет!».

Слова эти будут нашей признательностью Господу за то, что

наша жизнь так творчески вплетена в их жизнь, хотя мы с тобой, Пика, живём в Москве, они же — в Тбилиси...

А теперь наша дочь Нина.

Забота Нины о нас не знает границ.

Сама увлечена ювелирным делом и часто одаривает нас изделиями своей фирмы...

Пика, любимая, не обижайся на Нину, что она делала тебе уколы, заставляла глотать таблетки...

Она до последней минуты не хочет расставаться с надеждой...

Теперь она всего этого не делает, но всё же надеется...

Она подарила нам двоих внуков —

Александра и Михаила.

Они — благородные молодые люди, радуют нас, любят нас, продвигаются в жизни...

Нина недавно вышла замуж второй раз — за доброго и великодушного Андрея.

Они тоже заслужили твои волшебные слова благословения.

Скажи им, Пика:

«Тквен гаихарет, швилебо!»...

А моя сестра, ставшая сестрой и для тебя — Натела.

Муж её — Жора — стал для нас братом...

От дочери Маки и её мужа, которого тоже зовут Паата,

пошли Мариам и Анна,

они наши внучки.

Обе замужем:

Мариам — за Ираклия, Анна — за Сосо,

и появились правнуки: Анна, Мариам и Отари.

Так мы с тобой, Пика, соприкоснулись с нашим третьим поколением...

Твои волшебные слова, Пика, обязательно принесут им счастье.

Пусть они услышат от тебя: «Тквен гаихарет!»

Тина и Гиви, эти милые люди —

мой племянник с женой,

стали хранителями нашей усадьбы.

Они ухаживают за всем хозяйством,

держат дом в порядке, строят, что нужно.

Мы гордимся розами, виноградниками,

мягкими газонами, бассейном, подземной водой...

Гости, приезжающие к нам из разных городов и стран,

уносят с собой и их имена — Гиви и Тина.

И так почти двадцать лет.

У них дети, внуки, невестки.

Пусть Гиви с Тиной тоже услышат от тебя:

«Тквен гаухарет!».

*А сколько близких людей у нас в России, Москве,
в Украине, Латвии, Литве, Эстонии, Казахстане, Кыр-
гызстане, Белоруссии.*

*Мы с ними вместе творим новое педагогическое простран-
ство.*

*Подарим им тоже, Пика,
этим преданным, творческим, устремлённым людям
твои победоносные слова:*

«Тквен гаухарет!»...

Пика, любимая, твоё лицо светлеет...

Ты своим светом благословляешь нас всех?

Спасибо тебе, Пика!..

Я закрываю глаза и погружаюсь в мысли. Передо мной плывут картины из нашей многогранной жизни. Думаю, что заснул, и эти видения перетекли в сновидения.

Какая-то сила будит меня.

Открываю глаза.

Смотрю на Пику.

Меня охватывает тревога: дыхание её становится бы-
стрей и глубже.

У меня нет нужного опыта для таких случаев, но чув-
ствую, сердце говорит мне ясно: «Проводи её достойно!»

Собираю в себе всю свою волю, беру себя в руки.

Входит Нина.

— Нина, сохраним полное спокойствие... — и чтобы
хотя бы отчасти отвлечь ее внимание от происходящего,

говорю, — Нина, нам придётся нарядить Пику, пожалуйста, отбери одежду...

Нина опешила, поняла, что близится час.

Начала подбирать одежду.

Я не отрываю глаз от Пики.

Дыхание её всё более убыстряется.

Лицо становится вполне сознательным. Она знает, что с ней сейчас должно произойти.

И вдруг вижу: она открывает глаза!

Уже четыре дня она лежала без движения, с закрытыми глазами. А теперь открывает глаза.

— Нина, — восклицаю я, наверное, с радостью, — Пика глаза открыла!

В комнату вбегает Мика.

— Пика пришла в себя?

— Пика, Пика... — говорю тихо, думаю, что она услышит меня.

Но нет!

Она открыла глаза и смотрит в сторону окна, на угол потолка.

— Мика, стой перед глазами Пики, чтобы она тебя увидела...

Но Мику она не видит...

Смотрит сквозь него, не моргая глазами, без движения зрачков.

Смотрит не в пустоту, а на Кого-то!

Он, на Кого она смотрит, находится здесь, перед её глазами.

Она смотрит на Него не в ужасе, а с доверием.
Это видно, это написано на её лице!
«Проводи Пику!», — повторяет сердце.
Дыхание становится ещё более быстрым и глубоким.
Она напрягается и дышит так, как Он наставляет.
Она борется со своим телом,
старается оторваться от тела,
делает невероятные усилия, чтобы порвать цепь!
Она хочет, она старается, она спешит,
лицо её, дыхание её весьма убедительно говорят об этом!
Глаза пристально смотрят в тот же угол, и мне ясно: от-
туда идёт помощь, там Светлая Сущность, которой она сле-
дует.

«Помоги тоже!», — приказывает сердце, и само начи-
нает подсказывать, что говорить и что делать.

Я беру ладонь Пики и шепчу ей по-грузински:

— Пика, любимая,
устремись к Богу...
Думай о Боге, Пика, думай о Христе...
Бог любит тебя, Пика, потому зовёт...
Стремись к Свету, к Свету, Пика...
Лучше ослепнуть от света, находясь в Свете,
чем быть зрячим во тьме, Пика...
Радуйся, Пика, ты познаешь бессмертие,
познаешь Вечность и Беспредельность...
Познаешь Царство Небесное...
Радуйся Богу, Христу радуйся...

*Помолимся, Пика...
Отче наш, сущий на небесах!
Да святится имя Твое.
Да приидет Царствие Твое,
да будет воля Твоя и на земле, как на небе...
Слава тебе, Господи!..
Люблю Тебя, Господи!..
Спаси душу чада Твоего Лелы, Валерии, Пики...
Прими её, Господи, в небесном Царствии Твоём...*

*Дыхание нарастает, лицо напрягается!
На лице — бесстрашие!*

Мне хочется быть там, где она сейчас, видеть Того, от Кого она не отводит взгляд. Хочется так же, держа её ладонь в своих руках, рука в руке, вместе с ней взлететь в тот же Великий и Бесконечный Мир, куда она с таким рвением устремляется.

*— Пика, —
продолжаю шептать и верю, что душа её, чем бы она сейчас ни занималась,
слышит мои слова, и они ей нужны, —
Пика, земля тебе не оковы,
любовь твоя к нам и наша любовь к тебе не цепи,
а крылья для взлёта...
Не оглядывайся,
устремись к Богу,
к Христу,*

к Свету...

Отдай Богу всю твою любовь, Пика!..

Я шепчу всё это в ритме её всё убыстряющегося и на-
прягающегося дыхания.

В словах моих — вся моя сущность.

В них нет сострадания, жалости к ней.

Есть только одно: проводить её достойно, как прика-
зывает сердце.

— *Пика, ввысь...*

Ввысь к Богу, к Христу, к Свету...

И вдруг я чувствую,

как в моих руках трепещущаяся от напряжения ладонь Пики
сникла,

дыхание разом прекратилось,

всё тело затихло...

Первое, что я делаю, закрываю Пике глаза.

Нина рядом. Она рыдает без звука.

Я не успеваю дать волю чувствам,

как спустя семь-десять секунд

Пика опять открывает глаза и смотрит туда же,

делает ещё несколько быстрых и глубоких вдохов и за-
тихает...

Что это было?

Бывает ли такое?

Всё, она победила!

Следы победы остались на лице...
На часах 15.30...

Нина тихо рыдает.
Я пока держусь мужественно.
Я потрясён тем, свидетелем чего стал.
Что же сейчас нужно?
Надо нарядить оставшееся тело.
Где будем предавать тело земле?
В Бушети, конечно.
Когда полетим в Тбилиси?
Завтра уже не успеем, значит, послезавтра...
Приходит Андрей. В глазах слёзы.
Он самый знающий и деловой среди нас.
Надо немедленно сообщить в поликлинику, говорит он, надо оформить справку, иначе как в Тбилиси полетим?
Звонит в поликлинику и спустя десять минут приходит врач. Потом сразу приходят конкуренты из похоронных бюро (и как только узнали!).
Приходит молодой лейтенант полиции.
Наше внимание переключается на обсуждение деловых сторон.
Лейтенант заполняет акт.
Врач заполняет свою официальную бумагу.
Андрей договаривается с представителем похоронного бюро, и они вместе куда-то уходят.

Вскоре Андрей возвращается со справкой о смерти.

И я узнаю, что служители из похоронного бюро должны немедленно забрать тело. Запрещено оставлять тело дома, таков закон большого города, говорят они, ссылаясь на постановления.

Меня уже не спрашивают, не уговаривают, а делают своё дело.

Завтра в 16 часов можно назначить гражданскую панихиду, говорит представитель, а послезавтра утром можете лететь в Тбилиси; гроб, говорит он, мы сами погрузим в самолёт.

Андрей тут же заказывает билеты через интернет.

Я огорчен не тем, что Пики у меня уже большое нет (я даже еще не успеваю это до конца осознать), а бесчеловечными, безнравственными законами Москвы. Законы неуважительно относятся к чувствам людей, потерявших близкого человека, они безразличны к самому ушедшему. Законы без сожаления и понимания...

Собранная воля пока ещё помогает мне сдерживать чувства и слёзы. Не надо, чтобы меня успокаивали...

На другой день в зале панихиды собралось огромное количество людей — весть распространилась сразу... Гроб покрыли цветами... Говорили много прекрасных и добрых слов, говорили искренне, с любовью...

После панихиды Сандрик повёл нас в ресторан. Мы говорили о Валерии, Лере, Пике, Цаце, Мурмур, Леле...

А на другой день вечером мы уже были в Бушети.

Гроб с телом Валерии установили в ее библиотеке, где позавчера в своём воображении я с Пикой праздновал 50-летие нашей свадьбы.

На другой день прошла гражданская панихида.

О. Матата всю ночь вёл бдение и исполнял православный церковный обряд.

Наша семья получила письмо соболезнования от Католикаса — патриарха всей Грузии Ильи II.

А 28 октября тело Валерии предали земле у стены нашего маленького храма, который Валерия назвала именем Святого Николая Чудотворца...

После поминок все разошлись и разъехались.

Я поднялся в свой кабинет в башне.

Было уже темно.

Сел за свой рабочий стол, собираясь что-то записать, и выглянул в окно.

Сразу я не осознал, на чём остановился мой взгляд.

Там, где обычно при дневном свете я созерцал наш маленький храм и любовался им, мерцал огонёк. Он был совсем маленьким, но не таким, чтобы спутать его со светлячками.

Это же горит свеча, привезённая Марианной из Риги!

Свеча не погасла!

Под её тусклым светом я различаю холмик. Не вижу, но знаю: холмик покрыт цветами.

Бегу к холмику, к храму, к свече.

Наклоняюсь и беру с холмика горсть сырой земли, как доказательство того, что происходившее на этом месте несколько часов тому назад есть правда.

И только сейчас осознаю, что с этого дня в упряжке я остался один...

Сон в Бушети.

3-го ноября, ближе к рассвету.

Большой город, скорее всего, Москва.

Пика куда-то повела меня. Я её не вижу, но знаю, что она рядом.

Оказались на маленькой площади, откуда в разные стороны уходят улицы. В центре площади — круглый бар.

Место для меня незнакомое.

Пика велит мне подождать здесь, а сама уходит, не говоря куда.

Жду. Идёт время, но она не возвращается.

Я волнуюсь — где она?

Решаю вернуться домой.

Вокруг меня много узких улиц. По какой из них нужно идти, чтобы найти какую-нибудь станцию метро? Не знаю.

Иду по одной из них, напрасно. Выбираю другую улицу, опять напрасно. Спрашиваю у прохожих, но они молчат.

Так я стою на площади, не зная, куда идти...

С этим я и проснулся...

Москва-Бушети (Грузия)

31.12.2012

29 884

Р.С. В дни Международных Педагогических Чтений в Москве я обнаружил в кармане записочку:

«18.03.2013... Она рядом и не торопит. Несмотря на тягость и тоску, он, как мужчина, должен порадоваться за неё, попытаться проникнуться и воодушевиться её новым видением всего того, что окружает. Ей легко, хорошо, вся её забота — о нём! Она сейчас добровольно вступила на новое служение. Он пока здесь нужен. Она подождёт. Она Защитник и охранитель гуманной педагогики. Она — очень сильный дух, её главная духовная суть — защитник и охранитель мира и согласия во всем, чего бы ни коснулась мысль. Она помогла и продолжает помогать».

«Р.С. Бог даровал мне приобщить Святых Христовых Тайн и напутствовать в жизнь вечную верную подругу Шалвы Александровича, его замечательную супругу рабу Божию Валерию, сподобившуюся истинно христианской праведной кончины в 2012 году. Кроткая, любящая и любимая, она с удивительным мужеством встретила неизлечимую болезнь и, никого не отяготив, отошла в мир иной со светлой улыбкой всепрощения...

Уповаем, что её ходатайством пред Учителем всех учителей и наставников Бог дарует сродникам преставившейся рабы Божией Валерии подлинное христианское просвещение».

Протоиерей Артемий Владимиров.

УЧИТЕЛЬ, УКАЖИ
ПУТЬ КРАСОТЫ ДУХА!

Педагогическая песня

*Светлой памяти
Валерии Гивиевны Ниорадзе
посвящается...*

Пика, любимая,
спасибо Господу,
что одарил Он нас с тобой счастьем
совместно жить, творить и служить миру
почти 50 лет.
Мы находились в постоянном поиске
Пути Красоты Духа.

От автора

Дорогой Коллега!

В мои намерения не входит создать новый литературный жанр, но то, что у меня получилось, не могу назвать иначе как педагогической песней.

Во-первых, писал это маленькое произведение с песнею в душе, вот и строки сами слагались как песенные стихи. А настроение было у меня такое потому, что предвкушал радость встречи с Вами на будущих — уже Четырнадцатых Международных Педагогических Чтениях, тема которых и дала название этой книге.

Во-вторых, я увидел: то, что мне хочется Вам сказать, в такой форме у меня получается лучше. Хотя я об этом заранее и не думал, так само собой получилось.

Я попытался предложить Вам взгляд на тему: **«Учитель, укажи Путь Красоты Духа!»**. Этот мой взгляд имеет источники, которыми я пользовался: Святые Писания, духовные и философские учения, мысли великих классиков педагогики.

Я старался писать так и с такой последовательностью, чтобы, при желании, Вы смогли бы применить эту «песню» не только для себя, но и для детей, читая и обсуждая прочитанное вместе с ними в семье и в школе. И если Вы это делаете, я буду рад узнать у Вас, полезным ли оказалось такое чтение.

*С любовью к Вам
Шалва Амонашвили*

Вступление

Мальчик

Мальчик мой,
Со своим заданием — указать тебе
Путь Красоты Духа —
Ты застал меня врасплох.
Молод я или стар,
Это не важно,
Ибо меня плавил и творил века и тысячелетия
Учительской жизни, —
Но прости меня, друг мой:
О Красоте Духа и,
О Путиях Красоты Духа
Я не задумывался никогда.

Когда был учеником, как ты,
Меня учили и воспитывали
В духе традиционного материализма:
Ревниво оберегали мои сердце и разум
От понятий
Красота и Дух,
Любовь и Вера,
Жизнь и Смерть,

Вечность и Бессмертие,
Царство Небесное и Высшие Миры.
И особенно оберегали меня
От понятия

Бога

И от самого

Бога

А ты, мальчик мой, велишь мне указать тебе

Путь Красоты Духа.

Ты — Путник Вечности и знаешь,

Куда направляешься,

Но тебе надо знать Путь.

А я не знаю, где Храм твой,

И не знаю также и о Пути к нему.

Если я не дам тебе ответ,

Я не буду учителем твоим.

Но я привязался к тебе так,

Что не мыслю жизнь свою

Без тебя.

И чтобы указать тебе

Путь Красоты Духа,

Я сам я должен разобраться:

Что есть Дух и

Что есть Красота,

И где лежит этот загадочный

Путь.

Я знаю, своим заданием
Ты не испытываешь меня,
Ты веришь, что я не подведу тебя.
Но что есть доверие ученика,
Если не испытание учительского долга
Перед поколением молодых и если не
Служение Творцу!

Ты — Путник,
Тебе нужен путеводитель,
Чтобы не заблудиться в лабиринте жизни
И не попасть в тенета,
Коварно расставленные повсюду.
И раз требуешь разгадки
Пути Красоты Духа,
Значит, это для тебя важно.
А раз так,
Я должен разобраться во всем,
Чтобы не подвести тебя.
Только
Дай мне время, мальчик,
Чтобы выбрать нужные книги и прочесть их,
Пойти к мудрецам и задать им вопрос твой,
Поговорить с Солнцем и Звездным Небом,
С цветами в поле и с деревьями в лесу,
С птичками и со зверями,
С муравьями и пчелами.
Дай мне время,

Чтобы погрузиться в воспоминания своего детства
И оживить молитвы моей бабушки,
Пережить любовь матери,
Осмыслить подвиг отца,
Погрустить у развалин войны...
А потом отдамся безмолвию и бессонным ночам,
Окунусь в океан дум,
Помолюсь...

Так буду искать, и, может быть,
Мне откроется ответ, —
Назову это просветлением
Учительского сердца и разума, —
Ответ о

Пути Красоты Духа.

И тогда,
Счастливый и радостный,
Не задерживаясь ни на минуту,
Поспешу к тебе
И расскажу обо всем, что познал.
Дай только время,
И я проявлю все свое прилежание и усердие.

В учительской

Учитель

— Коллеги, коллеги!

Помогите мне, если кто может.

От ученика своего я получил задание:

Он просит указать ему

Путь Красоты Духа.

— Кошмар какой!

Ученики учителю домашнее задание задают!

Видите ли,

Укажите им путь красоты духа!..

Что за время настало,

Что за дети рождаются —

Обреченные изначально...

— Странный сегодня день:

То же самое задание задали мне и мои ученики!

Может быть, они сговорились,

Хотят поиздеваться над нами?

— Почему поиздеваться!

Может быть, интересуются?

Вопрос же глубокий!

— Никакой глубины
В этом вопросе нет!

— И что же вы ответили вашему ученику?

— А что им ответить?

Вопрос пустой!

— Как? Почему пустой?!

— Неужели вам нужно это объяснять?

Духа же нет!

Вы видели свой или чужой дух?

Не видели!

Значит, нет и красоты духа.

А искать путь к тому,

Чего нет, —

Догадываетесь, что я хочу сказать? —

Глупость!

Вот! Разговор окончен.

Теперь поняли?

Советую то же самое сказать

Вашему ученику.

Есть у него дела поважнее,

Чем интересы к несуществующему.

— А ученики поняли вас?

— Мне это неважно.

Они прекрасно знают, что

Со мной спорить нельзя.

— Мои ученики такой ответ от меня
Не примут.
Они у меня любят обсуждать,
Привыкли иметь свое мнение, отстаивать его...

— Ааа, сейчас понятно,
Почему именно в вашем классе
Мне так трудно работать.
Они хотят превратить мои уроки в забаву...
Приду завтра к ним и, если хотите,
Сам объясню, что есть...
Как вы сказали?
Какое высокопарное выражение —
«Путь красоты духа!»
Ишь ты!..
А все остальные пути им уже известны?

— Нет, вам не надо ничего объяснять моим ученикам,
Это я должен сделать сам.
Только зачем Вы
С таким неуважением отзываетесь
О детях, об учениках?

— Что вы от меня хотите?
Как они заслужили, так и отзываюсь!
Только не говорите, что вы один среди нас,
Кто, видите ли, любит молодежь!
Может быть, я не меньше вас люблю ее!

— Коллеги, вы тоже так думаете?

— Не совсем...

— Может быть, поделитесь со мной,

Что мне сказать своим ученикам

О Пути Красоты Духа?

— Конечно, могу подсказать,

Но эти пути красоты духа

Вы знаете сами не хуже меня.

Вот они:

Пусть рисуют картины

И участвуют в выставках,

Пусть хотя бы раз в три года

Посещают один музей искусств.

Пусть ходят в музыкальные школы,

Школы балета,

Пусть запишутся в наш драматический кружок.

Пусть устраивают концерты,

Показывают, на что они способны.

Хороши и художественная гимнастика,

И фигурное катание,

И ораторское искусство,

И словесное творчество,

И чтение книг...

Вот видите, сколько путей,

Как там это?..

Да, красоты духа.

Могу сказать еще:

Участие в разных конкурсах, соревнованиях...

Но нужно побеждать, занимать призовые места,
Завоевать
Грамоты, дипломы, кубки, благодарности...
Эти трофеи красноречиво покажут
Уровень, качество...
Как вы сказали?
Ну, да, красоты духа.

— Простите, но мои ученики
Совсем не того ждут от меня.
Они имеют в виду
Нечто другое...

— Тогда не знаю, как вам помочь...
«Красота духа», —
Ишь, какие слова высокопарные!
Им, видите ли, не подходят
Пути, проверенные веками!
Нечто другое нужно!..
Знаете, что я вам скажу?
Вот, видите, сидит в углу отшельник,
Он не от мира сего.
К нему и идите.
У него точно будет, что Вам сказать.

И хотя это было сказано
С сарказмом,
Сердце мое подсказало:

«Поспешим к нему,
Он непризнанный в коллективе учитель,
Но он — Учитель.
Он поможет нам».

Я подошел к нему.
Он взглянул на меня,
И в его глазах я увидел
Бездонное лазурное небо.

— Я все слышал, —
Сказал он спокойно, -
Ваши ученики — умницы,
Вы получили от них
Прекрасное задание:
«Учитель, укажи Путь Красоты Духа».
Смысл его глубокий и очень важный.
Разгадка нужна не только им,
Но и вам».

Он протянул мне листик,
На котором были записаны
Названия книг.

— Почитайте, — сказал он, —
В них вы почерпнете нужные знания
Для разгадки вашей тайны.

— Вы поможете мне...

Он с улыбкой прервал меня:

— Конечно, я буду всегда рядом с вами.

Я отошел от него озадаченный:

Впервые ли я вижу его сегодня,

Или встречался с ним тысячу раз?

В Ночи

Сова

Не спалось,
И я вышел прогуляться,
Подышать чистым ночным воздухом.
Я вспомнил Сову, живущую в дупле
Старинного дуба,
Что недалеко от дома.
«Она не откажет мне в помощи», —
Подумал я и поспешил к дубу.

«Друг мой, Сова,
Мудрец мудрецов,
Наполни меня
Мудростью своей!»

Мой мысленный зов
Сова услышала сразу.
Она вышла из дупла
И взглянула на меня сверху вниз.
При лунном свете ее глаза горели глазами
Учителя
В учительской.
Она спокойно,

Как подобает мудрецу,
Объяснила мне следующее.

«Знание — Жизнь
Тела и Духа.

Жизнь — Свет
Земли и Небес.

Свет — Путь
С Планеты в Беспредельность.

Путь — Истина
Смерти и Бессмертия.

Истина — Смысл
Жизни Человека.

Смысл — Познание
Себя самого.

Познание Тайны
Вечного Бога,

Тайны встречи
С Богом,
С Богом!

Человек есть Знания,
Истина и Мудрость.

Человек есть Путь
Поиска Бога.

Человек есть Путник
Бескрайной Вселенной.

Человек есть Смысл
Для Бога,
Для Бога!

Знания — изваяния
Творчества Духа.
Знания — купола
Храма Духа.
Знания — Иконы
Молитвы Духа.
Знания — Путь
Красоты Духа.
Знания — Пот
С лица Духа.
Знания — Лучи
Сердца Духа.

Знания — Сила.
Знания — Власть.

Какая Сила?
Какая Власть?
Знания доброго —
Добрая Сила.
Знания злого —
Злая Власть.

Доверяйте Знания
Доброму,
Светлому!
Закройте Знания
От злого,
Темного!

Любите Знания!
Храните Знания!
Берегите Знания!
Умножайте Знания!»

Сова умолкла.
«Иди теперь домой,
И в полночь
Увидишь сон», —
Шепнула она мне.

Во сне

ГНОМИК

Он приблизился ко мне медленно.
Вид у него был серьезный, деловой.
Посадил меня за парту,
Велел протянуть ладонь,
Забрался на нее и
Беззвучно произнес:
«Покажи сердце».

Другой рукой
Я покорно вынул сердце из груди
И приблизил к его очам.
Он надел очки и
Начал рассматривать мое сердце:
То маленькими пальчиками прощупывал стенки,
То залезал внутрь,
То прислушивался к его биению.

После такого осмотра
Таинственным шепотом сообщил в Небо:
«Сердце надежное»,

И я получил указ:

«Просветляй».

Он мигом взобрался на мое плечо,

Залез в правое ухо и

Зашептал:

«Запомни и храни в сердце:

Никакой дар от людей

Богу

Не может быть так приятен,

Как приношение Ему

Чистых Душ.

Ибо весь мир не стоит одной Души,

Потому что мир преходящ,

А Душа нетленна

И пребывает во веки.

Запомни и храни в сердце:

Дух есть Божья Искра,

Он творец Жизни.

Где Дух — там Жизнь.

Через Жизни

Дух познает себя самого.

Жизнь нужна ему

Для более глубокого

Познания и совершенствования

Своей сути.

Жизнь нужна ему для того, чтобы
Узнавать больше и больше,
Становиться краше и краше,
Светить ярче и ярче,
Устремляться выше и выше,

Творить лучше и лучше,
Любить сильнее и сильнее.
Восхождению Духа не будет конца.

Дух стремится к Свету,
Потому поражает тьму.
Дух — соратник у Бога
В строительстве Вселенной.
А Путь восхождения Духа —
В Духе.

А теперь напишу на твоём сердце
Главные слова,
Ими живи».

Он достал птичье перо,
Залез внутрь моего сердца
И записал на стенках слова:
«Любовь
Знание
Красота».

Я проснулся и не знаю:
Остался гномик в сердце моем
Или ушел.
Но запомнились его глаза:
Они были такие,
Как у
Учителя
В учительской.

В библиотеке

Старичок

Она высокая,
Сферическая,
Она обширная,
Старинная.
Здесь замкнутый мир.
Здесь Царство Книг.
Здесь тишина —
Трудятся мысли.
Полки книг — до потолка.
К ним приставлены высокие стремянки.
На них можно подняться
И пожать руку книгам,
Поговорить с ними, посоветоваться.
По списку Учителя
Набрал я книги,
Их четырнадцать.
Кладу их на стол
Столбом и вижу:
Столб светится,
Он животворящий,
Он высокий,
Тянется к Небу.

В моем воображении вырастают
Животворящие столбы книг
По всей Земле,
Они держат
Все купола земного мира
И излучают Веру, Надежду, Любовь, Разум.
В них, как в самых надежных сейфах,
Хранится
Духовный мир людей.

Смотрю на светящийся столб и думаю в тревоге:
Господи,
Смогу ли я вместить в себя весь этот
Свет?
А мальчик ждет моего ответа.
Он не может вечно ждать,
Он взрослеет, спешит.
«Учитель, укажи Путь Красоты Духа» —
Звучит голос в моих ушах.
А сам он смотрит мне в глаза.

Да, кстати, глаза:
Его глаза очень похожи на глаза
Учителя
В учительской,
Голос тоже похож...

Господи,

Помоги преуспеть в моих стараниях!
Беру первую книгу.
Говорю: «Здравствуй!»
Нежно глажу обложку.
Открываю. Начинаю читать.
Увлекаюсь,
Погружаюсь в идеи и мысли,
Забываю, где нахожусь...

Время улетело, библиотека закрывается,
Пора заканчивать.
Но прекращать чтение не хочется.

Оглядываюсь вокруг и
Вижу:
Сидит рядом милый старичок,
Перед ним тоже столб сияющий.
Он собирается уходить.
— Вам тоже пора, — говорит мне и улыбается.

Из Царства Книг выходим вместе.
Идем по безлюдной улице.
Он ходит медленно,
Опирается на мою руку, как на палку,
И шепчет:
— Ваш столб книг — как горный водопад:
Мчится и несет
Учение Жизни.

Тебе хочется напиться?
Хочется познать смысл жизни?
Жаждешь?
Тогда протяни ладони
И с чувством острой жажды
Набери горсть воды
Из водопада
И выпей.
Глоток, который набрался в твоих ладонях
В это неповторимое мгновение
Движения водопада,
Принесет тебе искру мысли
О смысле жизни.

Может ли утолить она твою жажду?
Конечно, нет, только отчасти.
Протяни ладони еще и еще,
И ты наберешь другие искры мыслей.
Создай из них в своем сознании
Пламя думания.
Думай, думай, размышляй.
Будь мыслителем,
Будь мудрецом.
И откроется тебе
Искомое знание.

Но не забудь:
Тебе не высушить весь водопад,

Не познать всю тайну жизни,
Ибо есть
Беспредельность,
Есть Вечность,
Есть постоянное движение.
Движение стремится только
К вершинам
И несет все новое.
Обо всем этом ты узнаешь в
В Учении Жизни.

Оно необъятно,
Но не теряй надежды:
Есть еще бессмертие Духа,
И в этом вечном процессе
Твоему познанию тоже не будет конца
Только,
Только!
Жаждавать нужно вечно.
Жажду к познанию не ослабляй,
Жажду к знанию не теряй.

Так мы дошли до площади Свободы.
Я собирался было пригласить старика
В кафе на чашку кофе
И слушать его дальше,
Но он странным образом исчез.

Все нашептанное им
Мне запомнилось как стих.
И что же это было?
Помощь?
Напутствие?
Ключ к моим поискам?
Да, да, именно так!
И как был похож голос старика на голос
Учителя
В учительской!
И глаза тоже...

В кафе

Девушка

Вхожу в кафе один.
Все места заняты.
В углу сидит девушка,
Молодая, красивая,
И только за ее столиком свободно одно место.
Может быть, разрешит сесть рядом?
— Да, пожалуйста, — говорит она.
Улыбается.

Она моложе меня, наверно, лет на пять.
Может быть, студентка?
Перед ней чашка с чаем.
На столике лежит закрытая тетрадь,
Внутри заложен карандаш.
Видимо, только что она записала в ней
Последнюю строчку
Своих новых стихов.
(Мне показалось, что она поэтесса).

— Простите, — говорю.
— За что? Мне уже пора уходить. —

И она дала мне заглянуть ей в глаза.
Расплачивается с официантом.
— Я рада была встрече с вами... —
И покидает кафе.

Провожая ее взглядом.
А потом вижу:
Тетрадь-то осталась на столе!
Я хватаю ее и выбегаю на улицу.
Где она?
В какую сторону направилась?
Ее не видно. Ее не нахожу.
Может быть, в тетради записан адрес, телефон?
Заглядываю,
И первая же страница принуждает меня
Прочитать тетрадь до последней строки.
«Думаю, это вам нужно», —
Записано на первой странице.
«Мне?!» — удивился я.
Но скоро убедился, что это так.
«Нужно научиться думать
Шире широкого.
Для того, кто не подымет голову
К Небу,
Не будет Небо существовать.
Не будут существовать звезды,
А потому он не размечтается
О Дальних Мирах,

О полетах,
И не поймет, откуда льется дождь.

Кто озабочен земными вопросами,
Ответа о Небесном не получит,
И не будет иметь Истину
О Духе,
О Вечности,
О Беспредельности.

Кто одержим самостью,
Тот лишится понятия
Великого Служения.
Тот не постигнет
Радость жертвы.

Кто не верит ни во что,
Тот лишится счастья
Вдохновения и творчества,
Счастья привнесения на Землю
Своих даров Духа.
Тот не постигнет смысл
Самосовершенствования
И не будет спрашивать
О Пути Красоты Духа.

Кто живет отрицанием,
Пусть знает:

Отрицающий беден.
Отрицающему не познать
Чувства красоты.

Переведу эти мысли
На слог утверждения,
Чтобы лучше познать,
Чего желает Дух.

Итак,
Кто любит смотреть на Небо,
Тот видит Солнце,
Восхищается Небом,
Размышляет о Дальних Мирах,
Мечтает о полетах к звездам.
Тот видит облака
И знает,
Откуда льется живительная влага.

Кто верит в Бога,
Тот мыслит о Высшем,
Познает Высшее,
Философствует
О Духе,
О Надземном,
Беспредельности,
О Вечном,
О Жизни,

О Бессмертии.
Ищет
Смысл Жизни
И творит общее Благо.
счастье Великого Служения,
Познает Истину Любви,
Познает Бога в себе и во всем.

Нужно научиться
Думать
Шире широкого.

Всякий разговор о Небесном
Возвышает сознание,
А нрав направляет к действию:
Отдавать Жизни все.

Надо стоять на Земле прочно,
А взор направить к Небу,
Сознавать Небесное
Через Земное и
Сознавать все Земное
Через Небесное.
Так рождается понимание
Истины Жизни.

Скажут: Бога нет.
Твердите: Его я и сейчас вижу.

Скажут: Нет Бессмертия.
Твердите: Вот я перед вами вечно живущий.
Скажут: Дух — выдумка.
Твердите: Я точу его грани ежеминутно.
Скажут: Мы привязаны к Земле.
Твердите: Я порвал цепи для дальнего полета.
Скажут: Нет Надземного.
Твердите: Там я живу.
Скажут: Не верим.
Твердите: Кто не верит ни во что,
Тому лучше не жить».

Перечитываю тетрадь еще и еще.
Да, это мне нужно,
Это написано для меня!
Мне нужно расширить сознание,
Думать
Шире широкого,
Иначе не пойму
Путь Красоты Духа
И указать его ученику моему
Мне будет не позволено.

Думать шире широкого!
Не это ли объясняла мне
Книга,
Из которой выписал сегодня
Мысль,

Однако суть ее осталась для меня
Закрытой.
Открываю свою тетрадь с выписками
И читаю:

«Трехмерность есть окова демона,
Так сказал кто-то
Действительно,
Тот, кто сковал человеческое сознание
Трехмерностью,
Был настоящим тюремщиком.
Как можно было скрыть прочую
Прекрасную,
Высшую мерность!
Дети в первых вопросах своих
Часто устремляются
За пределы условных ограничений.
Древняя мудрость
Нигде не настаивала на трех измерениях.
Лишь при огрублении человечества
Ограничение заняло умы.
Люди начинают заниматься ограничением,
Когда светильники сердца
Потухают...
Человеческое сознание
Не хочет понять
Основы
Самоусовершенствования.

Тем оно пытается
Закреть
Самые
Ценные
Возможности».

Думать шире широкого!
Что это значит?
Что за прочая
Прекрасная,
Высшая
Мерность?
О трех измерениях мне говорили
Университетские профессора.
И я прочно запомнил:
материя, пространство.
Мне толковали:
Можно судить обо всем и объяснять все
На основании этих измерений.
Но о прочем,
Получается четвертом,
Измерении
Слышу впервые.

Измерение, которое освобождает, называется
Духовностью.
Если я допущу в своем сознании
Духовность

Как основу моего
Восприятия мира,
Моего мышления и
Образа жизни, —
Это и будет
Расширением сознания,
Умением думать
Шире широкого...

Кто эта девушка?
Почему ее глаза напомнили мне
Глаза
Учителя
В учительской?

В школьном коридоре

Мальчик

Он увидел меня в коридоре школы.

— Ну, как, — спрашивает,

Можете указать мне

Путь Красоты Духа?

Время же не терпит,

Я спешу.

Только сейчас начинаю удивляться:

— Мальчик, скажи мне,

Откуда у тебя эта мысль возникла?

— Не из внешнего мира,

А из внутреннего, — говорит он.

— Но она выходит за грани

Обычного сознания!

Он объясняет мне:

— Обычное сознание, которое

Шире широкого,

Это мое сознание,

Оно свободное, без ограничений.

И вопрос мой тоже обычный, естественный.
Но вот сознание взрослых — не обычное,
А искусственное, ограниченное,
В нем не хватает
Чего-то очень важного.
Потому понятия и дела взрослых
Неполные,
В них много
Заблуждений.
Если взрослые хотят понять нас,
Пусть мыслят
Так же свободно,
Как мы.

— А зачем тебе
Путь Красоты Духа?

Мальчик удивлен:
— Как зачем?!

Без этого Пути
Мое поколение
Мир строить не будет!
Путь Красоты Духа
Есть защита от соблазнов и заблуждений,
Он сделает жизнь возвышенной и прекрасней.
Путь Красоты Духа
Нужен и взрослым,
Чтобы осознать свои заблуждения

И исправить ошибки,
Которые они свершают сплошь и рядом
Во имя ложной истины.

— Мальчик, о какой ложной истине
Ты говоришь?

— Вам назвать? —

Он вдруг стал суровым
И начал по пальцам перечислять:

— Вы нас уговариваете:

«Берите от жизни все!» —

Это ваше заблуждение, а не наша истина.

Вы властвуете над слабыми, —

Это ваше заблуждение, а не наша истина.

Ваши конкуренция и соревнования

Есть сплошные лож и заблуждения,

В них нет нашей истины.

В ваших войнах и разрушениях

Нет ни йоты правды,

Мы не можем их принять.

Ваша озабоченность вещами и удовольствиями

Есть ваше невежество,

Оно противно нашей душе, нашему сознанию.

Лож и предательство,

Грабеж и коррупция,

Безвкусица и сквернословие,

Безнравственность и бездуховность —

Все это есть пороки ваши,
И их порождает ваша ложная истина.
Она порочит нашу истину.
Зачем вы, взрослые,
Родившись прежде нас,
Придумали
Наркотики и сигареты,
Алкоголь и чревоугодие,
Криминал и тюрьмы,
Бомбы и ракеты,
Химическое и психотропное оружие,
Безработицу и ограничения?
Все это от тьмы, во всем этом только зло,
Мы не можем это принять.
Зачем вы, взрослые, развили на Земле
Коварство и вероломство,
Зависть и жадность,
Ненависть и мстительность,
Самость и унижение,
Грубость и хамство,
Дезинформацию и порабощение,
Недоверие и раздражение?

Вы не в состоянии воспитать нас
Достойными гражданами
Земли,
Ибо сами таковыми не являетесь.
Ваша педагогика ложная,

Потому мы сопротивляемся
Вашим ложным намерениям.
Вам понятно сейчас, почему мы просим вас
Указать нам

Путь.
Красоты
Духа?

Мне стало стыдно перед мальчиком,
Перед всем молодым поколением мира.

Мне показалось, что
Нас, взрослых, дети приставили
К стене китайской

И хором гудят:
«Отвечайте, отвечайте,

Зачем вы унизились,

Стали падшими,

Погрязли в грехах,

Зачем?

Когда и где вы потеряли

Путь Красоты Духа,
Богом вам дарованный?

Найдите, найдите немедленно

И дайте нам по нему

Пройти нашу жизнь,

Чтобы возвыситься самим

И помочь вам обрести спасение!

Иначе мы уподобимся вам

И так же,
Как и вы,
Станем позорить планету!
Укажите, укажите нам
Путь Красоты Духа!»
Весь грех человеческий
Обжег мое сердце.
Я опустил голову и заплакал.
Мальчик приласкал меня,
Успокоил.
— Не плачь, учитель,
А лучше помоги нам:
Укажи Путь Красоты Духа!
Время не терпит,
Мы взрослеем,
Потом будет поздно!

«Скажи мальчику,
Что сейчас тебе на ум приходит», —
Подсказало сердце.
И я с жаром произнес:
— Я люблю тебя, мальчик,
Я верю в твое поколение!
Я буду искать
Этот Великий Путь,
И дай мне возможность,
Каждый день отчитываться перед тобой,
Перед твоим поколением!

Я рассказал мальчику о том,
Что говорил мне старик,
И о том, что было в письме девушки.

Он смотрел на меня
Широко раскрытыми глазами,
В которых светились любовь и надежда.
Глаза — как глаза
Учителя
В учительской.

В горах Гималаев

Мудрец

Я был слышан, что в Индии,
В горах Гималаев,
Живет Мудрец.
Я с трудом поднялся в те высокие горы
И застал Мудреца в пещере.
Увидев меня,
Мудрец добродушно произнес:
— Значит, ты все-таки нашел меня...

Я преклонился перед ним:
— О, Великий Мудрец,
Дай мне Твою Мудрость, чтобы...

Мудрец прервал меня:
— Знаю, знаю,
Это тебе сказал мальчик:
«Учитель, укажи Путь Красоты Духа!».

— О, Великий Мудрец,
Ты уже знаешь об этом?

— Почему я тоже?
Весь мир знает о твоих муках,
Знают Небеса,
Знает Вселенная,
Знают и горы Гималаев.
Задание мальчика есть задание
Всего молодого поколения Земли.
Садись у костра и пиши.

Я приготовил ручку и тетрадь.
Мудрец открыл старинную
Книгу Мудрости
И продиктовал,
Отчеканивая каждое слово.

— Понеси мальчику и всему молодому поколению
Мудрость величайшего мудреца Китая.
Он сказал:
«Когда я занимаюсь
Каллиграфией,
Я крайне серьезен.
Моя цель не в том,
каллиграфия была хорошая,
Мои занятия —
Это лишь
Путь
Духовного совершенствования».

Кто поймет эту мудрость
И последует за ней,
Тому открыт

Путь Красоты Духа.

Спросят:
Какие бывают малые и большие дела
На Пути Красоты Духа?

Отвечай:
На пути Великом
Все дела великие.

Спросят:
Чем достигается
Красота Духа?

Отвечай:
Красота Духа достигается
Красотой Духа.

Спросят:
Чем заpastись
На Пути Красоты Духа?

Отвечай:
Мужеством,
Устремлением,
Преданностью,
Творящим терпением.

В трамвае

Спортивный парень

Милого старика
В тот день не было
В Царстве Книг.
А как жаждал я вновь его послушать.
Я заглянул в кафе:
Не было там той девушки,
А я так хотел ее увидеть.

Было поздно.
Я дождался последнего трамвая,
Он был совсем пуст.
На следующей остановке
Поднялся парень в спортивной одежде.
«Скорее всего, он каратист,
Возвращается с тренировки», —
Подумал я.

Хотя в вагоне нас было только двое,
Он без колебаний
Присел рядом со мной,
Улыбнулся и сказал как старому знакомому:
— Добрый вечер.

— Добрый вечер, — ответил я, — Вы меня знаете?

— Вы же учитель!

У Вас озабоченное лицо!

— Да, это из-за задания моего ученика.

— Могу догадаться, о чем задание.

— О чем же?

— **О Пути Красоты Духа.**

— Угадал?

— Да, но как вы узнали?

— Наверно, вычитал ваши мысли,

— Это же просто.

— Был бы я на вашем месте...

— Что бы вы сделали на моем месте?

— Сначала проверил бы свое сознание:

Если оно в клетке,

Выпустил бы его на волю

И дал бы взлететь.

— И как мне проверить свое сознание?

— Скажите,

Вы верите, что есть Дух —

Бессмертная сущность в нас?

— Ну, я знаю об этом.

— Вы знать об этом не можете.

Знают о бессмертии Духа Ваши ученики,

Они пока еще помнят об Истине,

Потому и требуют от Вас указать им

Путь Красоты Духа.

А в Вас должна быть вера,
Крепкая, глубокая, неоспоримая,
Как сон, как личная Истина.
Есть она у Вас?
Я вынужден был признаться:
— Скорее, нет.

— В таком случае Ваше сознание
Чирикает в клетке.
И пока оно в заключении,
Вам не откроется
Путь Красоты Духа,
Ибо Путь этот находится
За гранью Вашей клетки.
Откройте дверцу,
Дайте вере
Просветлить Ваше сознание,
Так оно расширится,
И глаза его узрят Дух.
Начнется великое познание
Собственного Духа.

Он сказал это,
И мое сердце затрепетало:
Оно властно потребовало от меня
Немедленно
Высвободить сознание
И само начало ломать клетку.

И я оказался в положении своей бабушки,
Когда она по всем комнатам
Разыскивала очки,
Которые были у нее на глазах.

— Да, я верю, верю! —
Почти закричал я от радости.
А он произнес с улыбкой:
— Я так и думал...
Тогда продолжим проверку
Вашего сознания.
Скажите:
Вы когда-либо думали о том,
Зачем находитесь на Земле?

Я ответил, не задумываясь:
— У меня есть планы на жизнь,
Я знаю, к чему стремлюсь!
— К чему же?
— Стать прекрасным учителем...
— А зачем Вам Ваше устремление?
Есть этому причина?
— Думаю, у меня есть призвание.
— Вам не кажется,
Что Ваши ученики глубже знают
Причину своей жизни на Земле,
Чем их учитель?

Я смутился.
Действительно,
Иначе мальчик не сказал бы мне:
Учитель, укажи Путь Красоты Духа!
Часа два тому назад
В Царстве Книг
Из источников
Учения Жизни
Я вычитал фразу, которую сейчас
И воскликнул:
— Лишь для совершенствования Духа
Мы здесь!

— Да, да, — подтвердил мой собеседник, —
Вы уже вылетели из клетки.
Поздравляю!
А теперь вообразите,
Что Вас окружили ваши ученики
И, затаив дыхание,
Слушают Ваш рассказ
О Духе,
О Жизни Духа,
О том, куда стремится Дух.
Как бы Вы об этом им рассказали?

Сегодня в Царстве Книг
Я выписал несколько десятков мыслей
Из **Учения Жизни.**

Теперь в моем сознании
Все они сложились
В состояние моего Духа.
Я закрываю глаза и воображаю:
Передо мной мои ученики,
Мы в школьном кабинете.
Мальчик напоминает мне:
— Вы обещали нам ежедневные отчеты!
— Да, да... Так слушайте! —
И я рассказываю.

— Дух каждого из вас,
Каждого человека,
Есть Божья Искра, Частица Бога...
— Мы это знаем...
— Тогда дальше.
Когда пойдем, что Дух вечен,
Нас посетят чудесные открытия:
Мы пойдем Беспредельность,
Постигнем суть Вечности,
Поверим в Бессмертие...

— Это тоже знаем...
— Хорошо, слушайте дальше.
Величие Духа в том,
Что он живет Будущим.
Он знает Будущее
И устремлен к нему.

Но надо понять,
О каком Будущем идет речь.
Это есть жизнь Духа
В Высших мирах:
В Мире Надземном,
В Мире Огненном.
Это есть жизнь
В Царстве Небесном.

Высшие Миры —
Будущие обители Духа.
Но прекрасные обители Духа
Достигаются лишь прекрасными Путиами.
Суть человека — в Духе.
Его Истина — в Духе.
Жизнь Духа есть основание эволюции
Как земного бытия,
Так и космической
Вечности и Беспредельности.
Движение Духа есть
Их движение.
Восхождение Духа есть
Их восхождение.

Жизнь бессмертного Духа
Творит
И Вечность,
И Беспредельность.

В Духе хранится Образ Бога,
И долг каждого —
Раскрыть его в себе.

— Это нам известно...
— Тогда слушайте дальше.
Зачем мы пришли на Землю?
Есть Великая Цель,
Она одна у всех:
Мы здесь лишь для...
Скажите, для чего?
— Для совершенствования
Своего Духа!

Внутренний голос подсказывает:
«Расскажи об алмазе Толстого».
И я рассказываю дальше:
— Вообразите:
каждого — как самобытный алмаз.
На него надо нанести грани,
Как можно больше тончайших граней,
И превратить алмаз
В бриллиант,
Который заблестит
Тысячами огнями и цветами.
Кто превратит наш алмаз
В бриллиант?
Где ювелир искусный,

Где мастер?
Нет такого ювелира и мастера,
Зря его будем искать на стороне,
Ибо каждый из нас —
Ювелир своего Духа.

Мое Я —
Это не тело мое,
Тело — лишь инструмент Духа.
Мое Я —
Это Зерно Духа,
Вечное, Нетленное, Неразрушимое.
Оно знает, куда надо стремиться.
Знает, где Родина его.
Оно имеет могущество.

Но Зерно Духа
Может спать или сиять творчеством.
И когда оно действует,
Дух восходит.
И вся планета —
Одна великая
Ювелирная Мастерская.

Как люди в этой мастерской трудятся?
Трудятся они по-разному.

Кто забыл об алмазе Духа
И увлекся мелким ремеслом,
Дух того грустит.

Кто погряз в разврате
И готовит гибель своему Духу,
Дух того уже оплакивает себя.

Кто с усердием наносит на алмаз Духа
Новые грани,
Дух с трепетом следит за таким творчеством.

Кто набрался ума-разума
И возрождает свой Дух,
Дух радуется надежде.

Кто направляет свой Дух вверх
По лестнице Иакова,
Дух того с улыбкой машет рукой.

Кто завершает
Свой длинный путь,
Дух того торжествует.

Я закончил.
Ну, как?
Мальчик говорит:
— Учитель,

Мы все это знаем.

Я понял весь смысл своих мытарств:

— Вы-то знаете,

Но я же не знал?

Теперь мы

Равны!

Ученики аплодируют...

Из воображаемой действительности

Выводит меня рядом сидящий

Спортивный парень.

— Хорошо, прекрасно.

Ищите дальше.

Вы сможете помочь Вашим ученикам.

— А я разве говорил вслух? — удивился я.

— Нет, но я читал Ваши мысли.

Но мне пора выходить.

Он улыбнулся мне, пожал руку

И исчез.

«Кто же он?» — подумал я.

Общались как давно знакомые,

Но не узнал и имени его.

Хотя запомнились глаза:

Они были такие же,

Как у

Учителя

В учительской.

В парке

Младенец

По пути в Царство Книг
Я заглянул в парк.
Зашел так просто,
Не зная зачем.
Сел на скамейку,
Достал свои записи
И собрался пересмотреть их.

Но в это время
Молодая мама
Подкатила детскую коляску.
В правой руке она держала
Мобильник и,
Быстро двигая большим пальцем,
Играла в какую-то игру.
Она не воспринимала вокруг себя ничего.
Села на скамейку рядом со мной,
Не заметив меня.

Лицо младенца в коляске было открыто,
Оно сияло светом.
Глаза упорно смотрели в Небо,

А ручонками малыш махал так,
Как будто протягивал их кому-то.
И мне показалось,
Что он там с кем-то общается.

«Какое ты чудо», — подумал я.
И он медленно
Перевел взгляд на меня.
Сначала он внимательно присматривался,

А потом улыбнулся
И пролепетал что-то вроде «авеи».

В то же мгновение
В моей голове
Голосом младенца
Зазвучали слова:
«Как рад, что встретил тебя».
«Что это такое?» — подумал я.
Встал и собрался уходить.
Но младенец опять залепетал:
«Не уходи,
Мне поговорить с тобой надо».

«Боже,
Это правда,
Что сейчас со мной происходит?»

И опять лепетание младенца
Приняло во мне следующий смысл:
«Правда, правда, не надо удивляться.
Сиди спокойно и слушай меня».

«Это ты со мной говоришь, младенец?» —
Обратился я к нему мысленно.
«Я, я, и послушай меня».
Младенец продолжил лепетать,
А я его голос воспринимал как речь.

«Я сейчас совсем маленький,
Мне всего три месяца.
Но годы пролетят мгновенно,
Я подрасту
И приду к тебе в школу.
Ты станешь моим учителем.

За это время, пока я расту,
Ты поумнеешь,
Станешь мастером.

У тебя доброе сердце,
И вместе с другими твоими учениками
Я люблю тебя.
Буду верить тебе»...

«Малыш, когда это будет?»

«Скоро, совсем скоро,

Лет через двенадцать.

Ты меня узнаешь:

Я буду шалуном.

Меня твои коллеги назовут

Невоспитуемым,

Неуправляемым,

Необучаемым,

Непослушным,

Умственно отсталым,

Трудным,

Дерзким,

Неадекватным.

Потребуют выгнать меня из школы.

Но придешь ко мне ты,

И все изменится.

Для тебя эти понятия

Не будут существовать.

Ты станешь моим любимым учителем,

Моим кумиром.

Я приму твою заботу,

Твои наставления.

Во мне проснутся мои способности, мой талант.

Ты прославишься

Как мастер новой педагогики»...

Речь прервалась,
И я взглянул на младенца:
«В чем дело?»
Он тоже смотрел на меня испытующе,
И пролепетал что-то вроде «адабибабу».
А во мне зазвучало:
«Хватит тебе удивляться.
Будь крайне внимательным.
До назначенного времени
Мы с тобой больше не встретимся.
А это очень серьезно:
Судьба моя — в твоей воле».

«Да, да, я понял.
Вот я достал блокнот,
Все запишу», — подумал я покорно.

«Тогда продолжим, — и он залепетал, —
То, о чем я сейчас знаю,
Настанет время, забуду:
Для меня перекроется доступ
К моим сокровенным знаниям.
Ты должен напомнить мне о них.

Зачем я пришел в этот мир,
Ты уже знаешь:
Свой Дух
Совершенствовать и развивать дальше.

Дух мой страдает,
В нем много отклонений.
У меня есть твердое намерение
Исправить их.
Но я повзрослею и забуду
О своем намерении.
А взрослых слушаться не буду,
Им будет трудно со мной.

Мама не хотела меня рожать,
Я для нее обуза,
И потому она не знает,
Как меня нужно воспитывать.

Папа скоро бросит маму
И меня тоже.
Я знаю, у него есть другая.
На меня будут влиять много
Случайных людей.

Я, восьмилетний,
Окажусь в плохой среде
И восприму все дурное.
Меня мало будут любить,
И во мне зародится злоба.
Но когда я встречусь с тобой,
Жизнь моя изменится.

Ты будешь тем,
Кто искренне полюбит меня,
И твоя любовь меня изменит.
С твоей помощью я пойму свою суть,
Пойму цель жизни,
Во мне начнет просыпаться
Божья Искра.

Ты береги себя,
Чтобы не оборвалась цепь движения.
Укажи мне тоже
Путь Красоты Духа,
Иначе я собьюсь с жизненного пути
И стану беспутным.
А мое беспутство
Спутает пути других.
Ты понимаешь, как это опасно?
Запомни:

Путь Красоты Духа
Один,
Но внутри него много тропинок.
Ты своим искусством любви
Пробуждай во мне
Два истока:
Первый — Духовность,
С которой я пришел.
В ней, как в дорожном сундуке,
Хранятся суть Бога и Вера,

Опыт и высшие знания,
Смысл жизни и предназначение,
Способности и таланты,
Чувство красоты и устремленность,
Чувство любви и долг служения.

Дорожный сундук мой богат,
В нем все есть,
Что мне на Земле будет необходимо.
Напоминай мне
О духовности, о сундуке.
И я буду спасен.

Второй — Человечность.

Это есть самое важное качество,
С которого человек может начать

Путь Красоты Духа.

У тебя и у многих других

Я должен научиться

Человечности.

Ты в этом деле ведущий:

Твоя Человечность станет источником

Моей Человечности.

Любя тебя, я приму все от тебя.

В Человечности кроется искусство гравирования

Алмаза Духа.

Без Человечности

Земная жизнь не станет для меня
Ювелирной мастерской Духа.

Что есть Земля и Земная Жизнь
Для духа?
Мощное очищение и Лестница Иакова,
Ведущая в Небо.
Человечность
Есть огранка
Красоты Духа.
Перед рождением
Светлые Силы внушили мне:
Постигай Человечность,
Она приведет тебя
К вратам всех Миров Высших.

Человечность притягивает
Огненные Силы.
Человечность есть
Крылья для возвышения Духа.
Человечность —
Броня от сил темных.
Напоминай мне эти наставления
И можешь дарить их своим нынешним ученикам,
Ищущим
Путь Красоты Духа.

Чтобы обрел я Человечность,
Тебе нужно будет
Расширить мое сознание.
До тебя
Многие из моих учителей и воспитателей
Будут настойчиво
«Формировать» во мне
Материалистическое представление о мире,
И мое сознание окажется
В клетке.
Освободится ли оно —
Будет зависеть от тебя.

Укрепи свое сознание
В Свободе,
И тогда сможешь помочь мне тоже.
Научись
Понимать, что ты принадлежишь
Двум мирам:
Миру Земному и
Миру Небесному.
Научись
Жить одновременно
В Мире Земном и
В Мире Небесном.
И когда встречусь с тобой,
Объясни мне терпеливо,
Доходчиво и красиво

О действительности этих миров.
И расскажи,
Как ты сам живешь,
И как мне жить в них
Одновременно.

Стань моим другом,
Люби меня мудро и красиво,
И тебе удастся повлиять на меня.
Избавь и огради меня от людских пакостей,
Которыми уже сейчас давят на меня
Окружающие меня взрослые.

Может ли Дух утвердиться
Среди изобилия довольства?
Нет, не может.
Довольство есть смерть Духа.
Благополучие есть кладбище Духа.
А я стремлюсь
К Жизни Вечной.

Может ли Дух победить,
Лелея чувство собственности?
Нет, не может.
Ты воспитай во мне
Понимание собственности
Без чувства собственности.

Не дай этому чувству
Поработить меня.

Может ли Дух созидать,
Тая в себе чувство ненависти?
Нет, не может.
Но может разрушать.
Огнем своей
Чистой любви
Зажги во мне
Чистую любовь.

Может ли Дух преуспеть,
Держа в себе чувство предательства?
Нет, не может.
Дай мне понять смысл
Величия Преданности и Служения,
И направь на служение
Высшему Благу.

Сад Духа
Не терпит зависти,
Она воняет.
Не терпит бездуховности —
Она не цветет.
Не терпит самости —
Она отравляет.
Не терпит злобы —

Она распространяет болезни.
Вырви эти сорняки, если заметишь их
В моем саду Духа.

Помоги мне
Не поддаваться земным соблазнам,
Ибо каждое действие,
Отрывающее Дух
От земных вожделений,
Есть утверждение высшее.

Будь бдителен, учитель!
В этом ты найдешь и свой
Путь Красоты Духа».

Младенец умолк.

Я взглянул на него.
Он улыбался мне ясными глазами
И тянул ко мне ручонки.
Потом закрыл глаза и заснул.

Но глаза!
Нет, мне не показалось:
Они были те же,
Что и у
Учителя
В учительской.

Мама так и продолжала играть в мобильнике,
Даже ни разу не обратив внимания
На гуление Ребенка
И не заметив рядом сидящего.
Она встала,
И, не отрывая глаза от развлечения,
Покатила коляску прочь.

А мне показалось,
Что вокруг меня вдруг,
Откуда не возьмись,
Собрались мои ученики,
И мальчик сказал:
— Мы пришли послушать ваш отчет
О поиске
Пути Красоты Духа.
— Хорошо...

Открываю запись разговора с младенцем
И зачитываю медленно и мелодично,
Интонационно подчеркивая
И выделяя особо значимые мысли.
Их не удивило
Мое странное общение с младенцем,
И на этот раз они не восклицали:
«Мы это знаем».
Они задумались.

В горах Гималаев

Мудрец

Он открыл
Великую Книгу Мудрости.
Страницы ее сияли,
Буквы лучились.
Сказал Мудрец:
— Понеси своим ученикам,
Путникам Вечности,
Напутствие из
Книги Мудрости.
Каждый, кто будет следовать за ним,
Преуспеет.
Пиши — **Когда...**
Когда
Кто-нибудь заступит на дорогу,
Отойди в молчании,
Ты знаешь свой Путь.

Когда
Надо ночлег найти,
Припаси добрую весть
Для хозяина.

Когда

Придет час ухода,
Найди улыбку оставшимся,
У тебя долог Путь.

Когда

Расцветает дерево при дороге,
Не ломай его,
Может быть,
Оно придаст радость
Идущему следом.

Когда

Слышишь зов привета,
Не соли его.

Когда

Слышишь поющую птицу,
Не тряси дерево.

Когда

Видишь приходящих детей,
Скажи:
Мы ждали вас.

Когда

Торопись к званому обеду,
Ступай по сухим камням.

Когда

Собираешься отдохнуть,
Утверди положение мысли.

Когда

Творишь добро,
Не заноси в свою записную книжку.

Когда

Думаешь об обиде,
Оглянись, где сор на полу.

Могут спросить:
Зачем горы Гималаев?
Мы и так знали все это.
Отвечай:
Я из гор Гималаев
Принес вам

Указ

Исполнения этих напутствий.
Кто знает,
Но не исполняет,
Знает наполовину.
Полнота знаний —
В их исполнении.

На улице

Бомж

Был вечер.

Я проходил мимо ярко освещенной витрины.

И увидел:

Пожилой человек, согнутый в плечах,

Что-то упорно ищет на тротуаре.

Почему-то во мне проснулось желание подойти к нему.

Я спросил:

— Могу Вам помочь?

Он не ответил.

Я опять спросил:

— Что Вы ищите? Хотите, помогу?

Он выпрямился и, взглянув на меня,

Приветливо улыбнулся.

— То, что я искал несколько лет,

Уже нашел,

У меня праздник на душе.

Хотите, сам помогу Вам

В Вашем поиске?

— А Вы откуда знаете, что я ищу?

— Знаю.

У Вас голос учителя, а я ведь тоже учитель.

Небось, ученики задали задание,

И Вы озабочены им.

— Верно, ищу ответ...

— Это не Вам ли

Ученики сказали:

«**Учитель, укажи Путь Красоты Духа?»**

— Да, но откуда...

— Я, понимаете, бомж, человек

Без Определенного Места Жительства,

То есть бездомный и беспризорный.

Но этому пришел конец.

Как Вы думаете,

Почему я стал бомжем?

— Не могу сказать...

— По той же причине:

Ученики однажды спросили у меня:

«**Учитель, как нам обрести смысл жизни?»**

И тут я обнаружил,

Что сам никогда не задумывался

О смысле жизни.

«Зачем вам это нужно?» —

Спросил я у них.

Они удивились моей непонятливости и сказали:

«Как же,

Иначе не сможем

Дух свой совершенствовать,

Иначе как
Обрести Человечность?»

И я понял более важное:
Надо совершенствоваться
Свой дух!

Что же я мог сказать своим ученикам,
Когда в моих земных побуждениях
Не было ответа
Для небесных запросов?
Тогда я сказал им:
«Вам еще предстоит три года учиться.
А я возьму посох и пойду по миру.
Обрету сперва
Свой смысл жизни.
Приду и расскажу,
Как вам его искать»...

Бомжи бывают разные.
Есть бездомные,
Которые бродят и спят, где попало,
Едят, что найдут в мусорных ящиках.
Есть бомжи, у которых все есть:
Дом, близкие, семья, работа.
Вот взгляните на этого прохожего:
Кто скажет, что у него чего-то не хватает?

Но точно знаю:
Он тоже бомж.

Всех бомжей, —
Бездомных или со всеми благами, —
Роднит одна общая проблема:
Нет у них
Смысла жизни.
Кто-то имел его,
Но не уберег и потерял.
Кто-то поддался
Ложному смыслу жизни
И разочаровался в ней.
Кто-то ищет свой смысл жизни,
Но не находит.
Кто-то же и не знает, что
Без смысла жизни
Жизнь пройдет в пустую.

Люди без смысла жизни —
Бомжи духовные.
Среди бомжей, —
Бездомных или с благами, —
Есть такие,
Которые понимают, что
Без смысла жизни
Жить нельзя,

Потому и бродят, познавая себя и мир.
Но бомжей таких очень мало....

Он умолк.

— Как я понял,
Вы тот, кто искал и обрел
Смысла жизни?

Он ответил, выражая радость:
— Да, да!
Я был бомж Духа.
Но я действительно обрел
Свой смысл жизни,
И сейчас я уже не бомж,
А становлюсь
Аристократом Духа
Я возвращаюсь к своим ученикам,
Чтобы рассказать им,
Как это у меня получилось...

Он сделал паузу и добавил:
— Думаю, вы тоже бомж Духа,

Тоже ищите свой

Смысла жизни.

«Он прав, я тоже бомж», —
Подумал я и искренне взмолился:
— Прошу вас,
Расскажите, если можно, мне об этом!
— Да, конечно!
Я же обещал вам свою помощь!
Я расскажу вам в таком же порядке,
Как буду рассказывать своим ученикам.

И я услышал следующее.

— Здравствуйте, здравствуйте,
Учителя мои!
Да, да, не удивляйтесь,
Что называю вас
Своими учителями!
Учитель есть даритель Света.
Вы пробудили во мне
Мое дремлющее сознание,
Осветив его понятиями
Жизни,
Смысла жизни,
Совершенствования Духа.

Вы ждете от меня ответа уже три года.
Все это время я был погружен
В самопознание,
Изучал жизнь людей,

Изучал вещи
И вникал в Мудрость Природы.
Познавал Смысл Жизни и
Путь Красоты Духа.
Меня учили
Мудрецы и случайные прохожие,
Космос и узкие улочки больших городов,
Книги и внутренний голос.
И с теми знаниями, что я обрел,
Я поспешил к вам.
Пропою сперва вам
Гимн Жизни,
Которым одарили меня
Книги Учения Жизни
И Голос Матери Терезы.
Так, послушайте.
Жизнь питает
Душу.

Воображение — ничто по сравнению
С Жизнью.

Возьми микроскоп —
И Жизнь наполнится
Чудесными формами.

Сталь пробуют огнем —
Сила Духа растет

От дыхания Жизни.

Чудо творится среди Жизни,
Среди действия,
Среди напряженной гармонии.

Учите читать Книгу Мудрости,
Разлитую в явлениях Жизни.
Жизнь — это шанс,
Не упусти его!

Жизнь — это красота,
Удивляйся ей!

Жизнь — это мечта,
Осуществи ее!

Жизнь — это долг,
Исполни его!

Жизнь — это игра,
Так играй!

Жизнь — это любовь,
Так люби!

Жизнь — это тайна,
Разгадай ее!

Жизнь — это трагедия,
Выдержи ее!

Жизнь — это приключение,
Решись на него!

Жизнь — это Жизнь,
Спаси ее!

Жизнь — это счастье,
Сотвори его сам!

Жить стоит!
Не уничтожай свою жизнь!

А теперь скажу вам
О смысле Жизни.

Смысл Жизни
Есть суть нашего земного бытия.
Он есть кисть и палитра
В руках каждого из нас,
И каждый творит ими
Чудо
Собственной прекрасной жизни.

Смысл Жизни есть
Воля, свобода и радость

Утверждения на Земле
Каждым из нас
Всеобщго блага.

Смысл Жизни

Есть Путь
Возвеличивания Духа на Небесах.
Он есть защита
От земных соблазнов и заблуждений.
Он есть архитектор
Нашей человечности.

Раскрыть образ Бога в себе и
Щедро отдавать миру дары своего Духа
Возможно
Только через утверждение
Смысла Жизни.

Смысл Жизни есть

Радость Духа.
Он есть
Путь Красоты Духа.
В нем — мастерская
Для гранения алмаза Духа.

Кто открывает в себе
Смысл Жизни,
Тот и имеет Путь.

Итак,
Живет тот,
Кто хочет жить.

Я понял, что
Смысл Жизни
Не лежит на прилавках,
И ни на какие деньги
Его не купишь.
Смысл Жизни

Никто тебе не подарит,
Им с тобой никто
Не поделится.

Смысл Жизни
У каждого свой.
Его можно открыть
Только
Внутри себя.
Он записан в сердце.
Он зашифрован,
И разгадка Шифра — тоже в тебе.

Истинный **Смысл Жизни** питается
Высшими Чувствами:
Любовью и Преданностью,
Радостью и Ответственностью,

Щедростью и Великодушием,
Верой и Служением,
Смелостью и Подвигом.

Смысл Жизни

Есть ответ на вопрос:
Зачем я живу, и чему я служу.

А живем для того, чтобы
Через возвышение своего Духа
Возвысить Жизнь на Земле.
Живем, чтобы
Утвердить на Земле
Любовь и Красоту,
Ибо человек принадлежит
Любви и Красоте.

Можно приблизиться
К Смыслу Жизни,
Когда пойдем
Свою значимость
В Творящей Жизни
Бога.
Когда примем Истину,
Что Мир Земной и Мир Небесный
Связаны нераздельно.
Когда поверим, что
У Бога

Нет других рук, кроме наших.

Кто поймет, что
Вся наша жизнь —
Это Жизнь Бога
Через нас, —
Тот и утвердит в себе
Свой Смысл Жизни.

Несу вам мудрость Мудрецов:
**Кто хочет легкую жизнь,
Тот лучше не живи.**

А теперь внимайте:
Основа Смысла Жизни есть
Служение.

Но Тот,
Кто призывает нас
К служению,
Задаёт
Каждому из нас вопрос:
Служить можно Свету или тьме.
Не ошибся ли ты в выборе?
Не находишься ли в заблуждении
Своих желаний?

Сомневающийся привязывает

Камни к ногам.

Не ты ли это?

Трусливый
Трясется перед опасностью.
Не ты ли это?

Превративший служение
В самость —
Катится в бездну.
Не ты ли это?

Считающий служение
Жертвою —
Честолюбив.
Не ты ли это?

Сохранивший в себе
Ненависть, зависть, эгоизм —
Лжец в служении.
Не ты ли это?

Мысль о служении
Вплотную подведет тебя
К вратам сердца,
Где хранится твой **СМЫСЛ ЖИЗНИ.**

Будь честен в выборе,
Проверь себя,
И останется тебе один шаг
К своей же тайне.

Если сердце наше вмещает
Служение
Богу и
Общему Благу,
Если служение наше
Добровольное и бескорыстное,
То перед нами открываются
Все врата Земные и Небесные.

Путь Красоты Духа

Есть понимание
Служения.
Служение
Светлому и Прекрасному
Творит Красоту Бытия.
Каждый,
Отдавший себя на служение
Прекрасному и Высшему,
Насыщает
Пространство и Жизнь
Огнем своего Сердца.

Ходит по миру светлый человек,

С чувством и мыслью
Дарить людям Радость,
Творить вокруг них
Красоту Жизни,
И свершает все благое
Во имя Бога.
Пусть этим человеком будет
Каждый из нас.

А теперь о законе
Самопознания.
Оно есть поиск ответов на вопросы:
Что я должен оставить
Миру Земному?
Что я должен унести
В Мир Небесный?

Погружение в самопознание
Происходит в единстве двух путей:
Первый —
Зоркое наблюдение
Над жизнью, над людьми,
Над природой, над обстоятельствами.
В них можешь найти
Знаки и предупреждения.

Второй —
Думание, мудромыслие,

Жизнь в духовном мире, общение с Высшим.
В них можешь улавливать ответы,
В них просветится Истина.

Погружение в самопознание
Поможет тебе узреть
Великую картину
Единства Земного и Небесного.
Переживешь
Блаженный трепет
От постижения Истины:
Ты есть
Частица, Искра
Бога,
Ты — соработник
У Бога.

Вся Земля и вся Вселенная,
Простирающиеся перед тобой,
Существуют для того,
Чтобы ты понял
Свою причастность к ним,
Свое Божественное могущество в них.

Погружение в самопознание
Приведет тебя
К таинствам своего духа.
В тебе откроются дары,

С которыми ты пришел в эту жизнь,
И поймешь, что
Дары эти
Надо сполна и щедро
Оставить
Миру Земному.

И, наконец,
Озарится твое сознание пониманием
Смысла собственной жизни.
Ты будешь знать:
Что и как нужно отдавать
Миру Земному,
Чтобы взамен достались тебе
Дары для Мира Небесного.

Так откроется тебе
Путь Красоты Духа.
Только
Пусть не покинут тебя
Терпение, Радость и Трепет,
И пусть погружение
В самопознание
Будет для тебя
Праздником.

А теперь открываю вам закон
Приобретения смысла жизни:

**Каждый и всё вокруг для тебя —
Учитель.**

Прими Учителем любого,
Кого встретишь на своем пути,
И всё,
Что тебя будет окружать.
И тогда смысла твоей жизни
Приблизится к тебе.

Только

Надо решиться стать
Пожизненным
Учеником.

Учись у родителей своих
Любви и заботливости.

Учись у детей
Искренности и правдивости.

Учись у бабушки
Мудрости и мастерству

Учись у Учителя
Сердечному дарению Света.

Учись у природы
Гармонии и творчеству.

Бери от гор высоких
Терпение и невозмутимость.

Бери от деревьев
Умение дарить и хранить.

Муравьи скажут тебе
Об единении.

Пчелы поговорят с тобой
О щедрости.

Орел скажет тебе
О счастье высоты полета.

Первый снег призовет тебя
К непорочности.

Ручеек расскажет тебе
О Благе.

Птички пропоют тебе
О дне насущном...

Будь чистым, устремленным,
И, может быть,
Придет к тебе
Учитель Духовный

И поведет дальше.

Береги имя

Учителя,

Почитай

Учителя,

Будь предан

Учителю,

Учись всему у

Учителя.

Здесь он умолк.

Он говорил все это закрытыми глазами,

И по всему было видно:

Он общался со своими учениками,

Видя их перед собой.

Говорил он с вдохновением и убежденно.

Несколько минут он не открывал глаза,

Думаю, продолжал общение с учениками.

Но открыв глаза, он встревожился.

— Что со временем? — спросил он меня, —

Нельзя опаздывать на вокзал,

Завтра предстоит встреча с детьми.

Как вы думаете,

Я несу им ответ на их вопрос?

— Да, да, конечно... — подтвердил я, —

И, если позволите, я и своим ученикам расскажу...

— А-а, вот где моя монета... —

Воскликнул он вдруг,
Увидев на асфальте у своих ног
Рублевую монету.
Он нагнулся и забрал ее.
— Это я и искал.
Именно рубля не хватало на билет...

Он в спешке протянул мне руку,
Улыбнулся и
Помчался.
Я провожал его с чувством признательности.
А внутренний голос шептал мне:
«А ты не заметил:
У него были те же глаза,
Что и у
Учителя
В учительской!»

В книжном магазине

Ребята

В освещенной витрине выставлены книги.
Магазин еще открыт.
«Надо посмотреть новинки», — подумал я.
У философского отдела стоят ребята.
Дети —
Народ, действующий в Истине.
Меня потянуло к ним.
Они стоят группой,
Окружив мальчика в очках.
Он среди них
Самый маленький.
Ему задают вопросы,
Он отвечает.
Он серьезен, убежден.
прислушался.

— Ты говорил о Прошлом...
— Кто живет Прошлым,
Не найдет смысл жизни.

— Мы же в долгу перед Прошлым!
— Прошное закрыто,
Оно не знает долгов.
Мы в вечном долгу только перед
Будущим.

— Как мы можем быть в долгу
Перед человеком,
Который еще не родился?
— Мечты и думы наши,
Сила эволюции человечества
Есть долги наши перед
Будущим.

— Будущее в нашем сознании?
— Да.
Прошное не имеет рождения,
А Будущее рождается дважды:
Вначале — во внутреннем,
А потом во внешнем мире.

— Но все же Прошное...
— Привязанность к прошлому
Есть задержка в Пути,
Когда спешишь.
Прошное —
Камни преткновения,
Их надо убрать с дороги.

— Скажи тогда о Настоящем.

— Настоящее

Взимает проценты с долгов наших.

— Что это значит?

— Настоящее для того,

Чтобы люди творили, созидали, утверждали,

И делали все это

С чувством долга,

С радостью,

Со всем своим талантом и трудом.

Долги перед Будущим

Отдаются жизнью в Настоящем.

— В этом смысл жизни?

— Смысл жизни каждый

Должен открыть сам.

— Как?

— Научитесь говорить

О Небесном,

И вы поймете истоки

Смысла жизни.

Научитесь говорить

О Земном,

И вы поймете

Образ жизни.

Единство духовного и материального,

Когда духовное верховодит,
Есть Путь Красоты Духа,
Есть просветленность Духа.
Там откроете смысл жизни.

— Итак, в чем Истина?

— Истина —

Творить Земное с
Мыслью о Будущем.

Здесь мальчик
Дал понять, что он закончил.
Раздвинул круг и, с новинками под мышкой,
Поспешил к выходу
Я успел под очками разглядеть
Его глаза:
Они были как
У Учителя
В учительской.

В горах Гималаев

Мудрец

— Запиши притчу, — сказал Мудрец, —
Пусть твои ученики разберутся
В ложном и истинном смысле жизни,
Это поможет им понять
Путь Красоты Духа.

Человек днем и ночью бредил о золоте.
В нем он видел
Свое величие и
Свое счастье.
«Найти залежи золота,
Вот смысл моей жизни», — думал он.
о не помышляя о том,
Для творения каких благ
Применит свое богатство.

В поиске места, где могло быть золото,
Он приметил подножие скалы.
«Здесь мое золото!», —
Сказал он самому себе,
И начал ревностно копать землю.
В самозабвении он не заметил,

Что скала вот-вот
Обрушится.

Проходивший мимо путник крикнул ему:
— Берегись,
Как бы скала не задавила тебя!
Но он подумал,
Что тот хочет завладеть его золотом
И возмутился.
— Уходи!.. — закричал он грозно путнику.

Скала начала скрипеть,
А ему слышался звон золота,
И он порадовался.
Но путник, увидев,
Что скала вот-вот обрушится,
Подбежал и, с риском для собственной жизни,
Отбросил его от скалы.
Так искатель золота
Избежал трагической смерти.
Но встав на ноги,
Он возвел проклятие своей судьбе,
Которая не дала ему золота,
А потом набросился на путника со словами:
— Не получишь от меня золота, уходи!

Но путник и не думал о золоте,
Он служил Богу.

В Храме

Голос

А теперь расскажу,
Что было в Храме.
Вы не поверите! Вы не поверите!
Я зашел туда по просьбе сердца —
Оно биением своим всегда напоминает
О пище духовной.
Я знаю, что есть
Молитва:
Она есть собеседование
С Высшим.
Она есть осознание
Вечности.
Она как магнит:
Притягивает из Высшего Мира
Лучшие мысли и ответы,
Дарящие новые силы.
Молитва есть касание потока
Благодати.
Я все думаю о том,
Как сделать
Всю жизнь свою

Непрерывной молитвой.
Как сделать так, чтобы уроки мои
Стали зажженными на алтаре свечами,
Которые просветляют
Мою и ваши души.
Так я вошел в Храм
С чувством любви и радости.
Поставил свечу,
Закрыв глаза
И произнес в сердце:
«Господи,
Дай мне то заветное
Слово,
Которое я понесу своим ученикам,
Ищущим
Путь Красоты Духа!»

И во мне зазвучал
Голос,
Идущий Свыше.
Этот Голос и это Слово
Я и несу вам.
«Скажи своим ученикам:
Хвалю ваше устремление.
Вы посланы на Землю
Именно с той целью,
Чтобы утверждать
Путь Красоты Духа

Для землян.
Это есть Путь, ведущий вверх —
В Миры Высшие.
Это есть путь,
Ведущий к своей сущности,
Путь, приближающий
К Богу.
У этого Пути есть имя:
Любовь —
Красивая,
Созидающая,
Истинная.
Любовь есть
Огненное творящее начало
Всего Сущего.
Она есть основание
Мироздания
Вечного движения
И Жизни.
Она — оправдание
Вечности и Беспредельности.
Она — судья смерти
И торжество Бессмертия.
Любовь —
Дар Божий всему сущему.
Она —
Путь созидания Красоты Духа
Человека.

Потому в каждом из вас,
Идущем по жизни земной,
Любовь должна быть
Осознанной,
Устремленной,
Самоотверженной и
Преданной.
Любовь —
Венец и факел Света.
Она — могущество.
Каждая трудность побеждается
Силою Любви.
Любовь есть ключ ко всем вратам,
Земным и Небесным.
Любовь есть
Сущность и облик
Красоты Духа.
Красота Духа измеряется Любовью,
Любовь измеряется Красотой Духа.
Любовь — двигатель жизни.
Жизнь без любви
Превратится в болото.
Знание без любви —
Оружие зла.
Любовь и знание —
Божья Воля.
Дух достигает вершины
Могуществом Любви.

Дух обретает высшую Красоту

В лучах Любви.

Любовь созидает Дух,

Любовь озаряет Дух.

Любовь только одна,

Нет Любви выше Любви.

Путь Красоты Духа

Есть Любовь, Любовь, Любовь.

Путь Красоты Духа

Узок, как кончик иглы.

Путь Красоты Духа

Усеян колючками.

Путь Красоты Духа

Проходит над бездной.

Путь Красоты Духа

Требует жертв.

Кто ищет

Путь Красоты Духа?

Покажи сердце свое!

Покажи разум свой!

Покажи мысли свои!

Покажи чувства свои!

Покажи жертву свою!

Покажи ношу свою!

Покажи руки свои!

Дай заглянуть

В глаза твои!

Дай услышать

Молитву твою!
Дай увидеть
Ауру твою!
Есть в тебе
Чистота?
Есть в тебе
Красота?
Есть в тебе
Искренность?
Наполнен ли ты
Верой,
Любовью и
Преданностью?
Тогда
Открой глаза:
Великий Путь Красоты Духа
Перед тобой!
Иди смело!
Но если ты еще не готов
Вступить на
Путь Красоты Духа,
То решишь на очищение:
Вырой общую могилу
И похорони в ней все,
Что пожирает тебя,
Что унижает тебя,
Что оскверняет тебя,
Что задерживает тебя!

Похорони торжествуя,
Без слез, без грусти,
И пусть там окажутся
Страх, гордыня, себялюбие,
Эгоизм, корысть, сомнение,
Умаление, предательство, злоба,
Мщение, зависть, ненависть,
Дурные привычки, дурные помыслы,
Дурные желания, дурные вкусы,
Сквернословие, грубость, хамство,
Зломыслие, отрицание, гнев,
Раздражение,
Раздражение,
Раздражение...

Оставь могилу
Без надгробной надписи
И забудь о своих умерших
Навсегда.
Пусть им не будет воскрешения
Во веки веков.
Аминь!
Ты чист,
И сияет перед тобой
Путь Красоты Духа!
Иди смело, мужественно,
Радостно, торжественно!
Прими трудности Пути,

Они благословенны,
Ими растем
Чтобы обрести истинную
Свободу,
Стань на время
Рабом
Своей Воли,
Прими Высшим Советником
Свое Сердце,
Зажги в духовном мире своем
Свет Разума,
Окутывай свою суть
Верой
И стань слепым,
Стань глухим,
Стань стойким
Для любых
Соблазнов.
Неси с собой и умножай
Все цвета Любви:
Доброту и бескорыстие,
Служение и преданность,
Заботу и помощь,
Отдачу и самопожертвование,
Понимание и сочувствие,
Улыбку и ласку,
Веру и надежду,
Радость,

Радость,
Радость!
Пылай сердцем и гори любовью.
Думай о любви
К Богу
И возвращивай любовь
К Богу.
Твори свободу,
Твори единение,
Твори жизнь,
Любя Бога.
Так на пути твоём
Колючки превратятся в цветы,
Извилины сделаются правильными,
Над пропастью расстелется мост,
А камни станут знаками и указателями.
Дух твой засияет высшей красотой.
Если кто спросит:
«Где же поиски совершенства?
Где же
Путь Красоты Духа?» —
Отвечай:
«Мой — в Любви, Красоте и Смелости —
Этих трех путей достаточно».
Поспеши, учитель,
И расскажи об этой вести
Твоим ученикам —
Новым людям Земли.

Благословляю твой порыв.

Аминь!»

Голос во мне умолк.

Я открыл глаза и увидел:

Моя свеча догорает,

А на меня смотрят глаза

Святого Апостола

Они те же,

Что у Учителя

В учительской.

В ресторане

Друзья

Нас было немного,
Всего семеро —
Друзья детства,

Мы знакомы со школьной скамьи.
Собрались, как обычно,
Просто повидаться, поговорить, вспомнить,
Рассказать о событиях своей жизни.
За столом речь зашла
О моих учительских делах.

— Ты ищешь
Путь Красоты Духа?!
Ух, ты! Здорово!
Смотри, какие пошли дети!
Этот Путь
Каждому из нас тоже нужен!
— А ты знаешь, — сказал один, —

Путь Красоты Духа
Ты не найдешь

Без понимания
Сердца!

И дальше весь разговор превратился в симпозиум
О Сердце.

Они размышляли, вспоминали,
Давали мне советы,
Что сказать моим ученикам
О Сердце.

— Помните, как сказал

Иисус Христос:

«Добрый человек из доброго сердца
Выносит доброе.
Злой человек из злого сердца
Выносит злое».

— Он еще сказал:

«Где сокровища человека,
Там и будет сердце его».

— Но важно,

Что ты считаешь для себя сокровищем...

— Я читал

В одной прекрасной книге:

«Сердце есть Свыше действующий орган».

Это есть правда,

И знаете почему?

Сердце принимает Весть

Из Высших Миров,

И тот, кто это осознает,
Становится человеком
Со-Вести!
Совесть живет в Сердце!

— Умеет ли Сердце мыслить?
— Да, да, умеет!
Переживания Сердца —
Это его мысли...
— Сердце умнее ума и разума...
— Мудрость рождается в Сердце...
— Чувствознание Сердца —
Это источник нашей эврики,
Наших чистых и истинных знаний...
— Сердце есть дом, знаете чего?
Духа, духа!

— В Сердце живут еще
Вера, Надежда, Любовь...
— И их мать София!
— Слушайте
Вспоминаю притчу,
Ее рассказала нам наша любимая учительница.
Некий отшельник
Вышел из своего уединения
С вестью,
Останавливает каждого прохожего
И спрашивает:

«Имеешь Сердце?»
Люди говорят ему:
«Почему ты не спрашиваешь
О милосердии, о терпении,
О преданности, о доброте,
О любви
И обо всех благих основах жизни,
А только: «Имеешь Сердце?»»
И знаете, что он ответил?
Он сказал:
«Лишь бы люди не забыли о Сердце,
Остальное приложится».
— Хорошая притча!
Я размечтался:
Вообразите,
Какой могла бы стать жизнь людей
На Земле,
Если хотя бы каждый третий
Знал, что
Имеет Сердце,
И если бы
Помнили о Сердце
Олигархи, министры, депутаты,
И президент, конечно...
— Я скажу тебе,
Какая стала бы тогда жизнь на Земле.
Ты видел Рай?
Вот, увидел бы его здесь...

— Тоже вспомнил притчу,
Только не помню, кто ее рассказывал в школе.
Некий юноша просит у мудреца
Научить его управлять
Государством.
Мудрец сказал:
«Охотно,
Но для начала
Назначу тебя
Правителем своего Сердца.
Когда осилишь это царство,
Приди, и дам тебе совет».
Вы понимаете, что значит
Владеть царством Сердца?
Вот как начинается
Путь Красоты Духа:
Владеть царством Сердца!..

— Послушайте мою притчу тоже.
Ее услышал я от тренера по карате.
Ученик приходит к Конфуцию
И просит дать ему
Жизненный совет.
И знаете, что он сказал?
Не догадаетесь.
«Постись,
И дам тебе совет»,
Сказал он.

Ученик обиделся
«Учитель, ты же знаешь меня,
Я из бедной семьи,
Вот уже несколько месяцев
Не ел мясо, не пил вина.
Это же пост!
Дай мне совет!»
Но Конфуций пояснил:
«Так постятся
Перед торжественным жертвоприношением.
А я говорю тебе
О посте Сердца!»
Ученик не понял,
Что есть пост Сердца.
А вы поняли, что есть пост Сердца?
Ученик спросил:
«Учитель,
Что есть пост Сердца?»
Конфуций ответил...
И как вы думаете,
Что он ему сказал?
Он сказал:
«Пусть будет в Сердце твоём
Чистота.
Приди, и дам совет».
О, друзья,
Как нам всем нужна
Чистота Сердца!

— Чистота Сердца
Сама собой не появится.
Нужно давать своему Сердцу
Постоянную работу.
Не хватает любви?
Пусть Сердце упражняется в любви.
Не хватает доброты?
Заставляй Сердце творить добро.
Не хватает милосердия?
Не хватает великодушия?
Не хватает благородства?
Дай сердцу работу,
Заставляй творить благо!
Это и будет освоением
Царства Сердца!
Пусть Сердце твое источает
Потоки даров духа!

— Да, да!
Нужно сеять
Добро и любовь
Каждым взглядом,
Каждым прикосновением.
И Сердце будет расти
В этом духовном труде!
Зачем иначе бьется Сердце в груди?

— Друзья мои,
В связи с этим я вспомнил притчу.
Послушайте, пожалуйста.
Вот, в древней Греции
Идут олимпийские соревнования.
Спортсмены состязаются
В бегах, прыжках,
В силе мускулов,
Даже испытывают мощь черепа.
Кто-то радуется,
Что победил других,
Кто-то плачет,
Что его постигло поражение.
Среди зрителей соревнований оказался
Никому неизвестный старик.
Он собрал соревнующихся и сказал:
«Вы состязаетесь
В проявление силы
Разных частей вашего тела.
Но забыли о самом главном,
О Сердце.
Соревнуйтесь в проявлении
Мощи Сердца!»
Люди не поняли,
В чем проявляется мощь Сердца.
А вы поняли?
Старик пояснил им:
«Соревнуйтесь в проявлении

Великодушия».

Но опять никто ничего не понял,

Что это за соревнование будет

И как можно выявить победителя...

Но понимаете, в чем дело?

Прошли века,

Но и до сегодняшнего дня

На спортивных олимпиадах,

На разных соревнованиях

О проявлении мощи сердца так никто и не помышляет

Даже наоборот:

Эти соревнования полны

Зависти, злобы,

Недоброжелательности,

Вражды...

— Вот что я вам скажу,

Друзья!

Облагораживание собственного Сердца

Есть превращение его в Солнце,

Восход которого ждут все.

Никто, никто

Не в силе

Сделать твое Сердце

Солнцем

Вместо тебя!

Но если,

Но если

Устремись ты сам,
То в этом великом преобразовании
Сердца в Солнце
Тебе помогут все:
И люди Земли,
И вся Природа,
И весь Космос.
Поможет сам
Бог!

— Подождите,
Я вам прекрасную мысль прочту,
Выписал из одной замечательной Книги.
Послушайте!
«Кто любит цветы,
Тот на пути Сердца.
Кто знает устремление ввысь,
Тот на пути Сердца.
Кто чисто мыслит,
Тот на пути Сердца.
Кто знает о Мирах Высших,
Тот на пути Сердца.
Кто готов к Беспредельности,
Тот на пути Сердца».
Ну, как? Нравится вам?
А что такое Путь Сердца,
Друзья мои?
Это

Путь Красоты Духа!

Ты понял, учитель?

Скажи об этом своим ученикам!

— Хочешь,

Тоже дам тебе один совет?

Пусть твои ученики создадут

Первый,

Понимаешь, первый

В мире

Словарь о Сердце!

Смотри,

Какие словесные образы могут туда войти:

Помнить Сердцем,

Память Сердца,

Мыслить Сердцем,

Слушать Сердцем,

Видеть Сердцем,

Хранить в Сердце,

Сердце умнее,

Зорко только Сердце,

Знает Сердце,

Мудрость Сердца,

Сердце радуется,

Сердце подскажет,

Доброе Сердце,

Ласковое Сердце,

Сердечный...

— Но есть и другие,
Не забудем об этом:
Злое Сердце,
Ледяное Сердце,
Бессердечный,
Жестокое Сердце,
Завистливое Сердце...

— Смотрите, как мудро:
Самого главного глазами не увидишь,
Зорко только Сердце...

Мы уже собирались расстаться,
Когда один вдруг остановил нас
И сказал:
— Ребята,
Как это без молитвы разойдемся!
Я молитву вспомнил,
Молитву
Святого Праведника Иоанна Кронштадского.
Послушайте и запомните.
Господи!
Даруй мне Сердце
Простое,
Незлобивое,
Открытое,
Верующее,
Любящее,

Щедрое,
Достойное вместилище
Тебя Всеблагого!
Аминь!

Мы еще долго стояли
На улице под фонарем,
Заучивая и записывая
Молитву
Святого Праведника.

Каждый на прощание пожал мне руку
И дал напутствие:
Учитель,
Обязательно расскажи своим ученикам
О Сердце,
Именно там начинается
Великий Путь Красоты Духа!

И каждый смотрел на меня глазами
Учителя
В учительской.

В горах Гималаев

Мудрец

Он перелистывает страницу

Великой Книги Мудрости.

— Пиши, — говорит он, —

Это есть напутствие тем,

Кто готовит себя для Пути.

Итак:

Лучше

Принять нужное послание,

Чем прятаться от посланного.

Лучше

Не раскрашивать ярко ворота

На пыльную дорогу.

Лучше

Пустить коня в огород,

Нежели пустить на камни.

Лучше

Простить урядника,

Нежели судиться с приставом.

Лучше

Уступить морковь,

Нежели лишиться гороха.

Лучше

Уснуть на доске,

Нежели на муравейнике.

Лучше

Дружить с ослом,
Нежели слушать лису.

Лучше

Позвать врача,
Нежели пустить кровь демону.

Лучше

Страшиться мучений прошлого,
Нежели сомневаться в будущем.

Лучше

Судить утром
И прощать вечером.

Лучше

Думать днем
И летать ночью.

Спросят ученики:

— Нужно понять все это

В прямом смысле?

Отвечай:

— Прямой смысл

Лежит перед носом,

А Истина —

На острие стрелы,

Выпущенной из натянутой тетивы

Гонись за ней.

В семье

Жена

Она открывает мне дверь,
И лучики ее улыбки
Ласкают мое сердце.
Она знает о моих заботах,
Потому спрашивает сразу:
— Что нового?
Я рассказываю о Голосе, Мудреце.
Слушает внимательно, радуется.
Мы пьем чай.
Я смотрю на нее,
Любуюсь ее обаянием.
И вдруг замечаю:
Она уходит в себя,
Задумчиво смотрит в окно,
Где, как на картине,
Наша любимая береза
Протягивает нам руки.
Ее лицо погружается
В фиолетовое свечение,
И она начинает тихо, спокойно

Вещать.

«Путь Красоты Духа

Есть Путь всех путей в жизни человека.

Чтобы пройти Путь,

Человек сам должен стать

Этим Путем, —

Так гласит Восток.

Путь Красоты Духа

В нас самих.

Я есть Путь свой.

Ты есть Путь свой.

Он есть Путь свой.

И каждый возвращает

Свой Путь

Мыслями и в мыслях своих.

Человек мыслит для того,

Чтобы открыть

В себе

Этот Путь.

Но откроет в себе Путь

Тот,

Кто поймет суть

Мысли.

Мысль есть основа

Духа,

Основа его

Творчества.

Дух есть
Мысль,
В ней источник
Пути.
Мысль есть
Вечная творящая энергия,
Самая могущественная
Во всей Вселенной,
Способная
Все созидать и
Все разрушать.

Направление Мысли зависит
От воли Духа,
От воли человека.

Мысль —
Естественное начало
Жизни.
Жизнь творима Мыслью.

Мысль —
Детище Духа,
Потому имеет все признаки
Самобытного существования.

Уничтожить Мысль
Невозможно.

Она вечна и пространственна,
Как сама Беспредельность.

Мысль аккумулируется в пространстве
И воздействует
На поступки и поведение
Как сообщества людей,
Так и отдельного человека.

Она влияет на
Природные явления Земли.

Следствия Мысли
Неминуемы и неотразимы.
Ничтожная Мысль вызывает
Крохотное действие.
Но величайшая, широкая
Мысль
Вызывает
Планетарные,
Вселенские сдвиги.

Мысль может
Очистить пространство,
Уничтожить микробы разложения,
Но может
Загрязнять его,
Засоряя грубостью и злостью.

По космическим законам,
Пусть это поймет каждый,
Мысль
Возвращается
К своему родителю,
И, в зависимости от ее качества,
Одаривает или
Поражает его.

Ум человека —
Фабрика добра и зла.
Чистые Мысли
Умножают добро, утверждают благо.
Каждая темная мысль
Есть колыбель зла.

Как крылья
Несут чистые Мысли.
Как стаи черных ворон
Затмевают горизонт темные мысли.
Можно представить
Мощный хор
Созвучных светлых мыслей,
Но можно представить
Стаю черных — галдящих галок.

Человек есть
Отражение Вселенной,

Образ и подобие
Творца.
Он обладает способностью
Мощью своей Мысли
Как творить,
Так и разрушать.
Потому
Велика ответственность
Человека
За свои Мысли.

Понимать истинное значение
Мысли
Есть важное достижение
На пути восхождения.
Жить и действовать
С чувством ответственности
За свои Мысли
Есть врата просветления.
Пусть каждый человек, вступающий
На Путь Красоты Духа,
Знает:
Самая Высшая красота и могущество
Духа — это
Мысль и Мышление.
Красота Духа достигается
Через
Возвышение Мысли и Мышления.

Вот цвета радуги Мышления,
Рождающего достойные Мысли:
Прекрасномыслие,
Добромыслие,
Чистомыслие,
Сердечномыслие;
Мышление
Пространственное,
Космическое,
Свободное,
Творческое;
Почитание в мыслях и делах
Бога,
Света,
Своего Ангела,
Высших Миров,
Учителя;
Забота в мыслях и делах
О страждущих,
О нуждающихся,
О детях,
О стариках,
О слабых,
О близких,
О семье,
О человечестве,
О Земле и о Космосе,
О Будущем, о Будущем, о Будущем...

Мыслящие же
Мелочно, эгоистично,
Злобно, безобразно,
С завистью, с ненавистью,
С гордыней, с самостью
Пусть знают:
Не видать им
Пути Красоты Духа.

Путь Красоты Духа
Есть Путь Высших Миров.
Путь этот
Великий,
Единственный,
Свыше предначертанный.

Но сложный —
Горный, тернистый,
С камнями и колючками,
С обрывами и пропастями.
Его отягощает тьма, тьма, тьма!

Каждому Духу
Тьма щедро предложит
Земные прельщения
В заманчивых красках и услугах,
Чтобы отвратить его
От Пути Высшего.

Предложит каждому по сознанию:
Кому — богатство,
Кому — царство,
Кому — золото,
Кому — власть,
Кому — удовольствия,
Кому — вещи,
Кому — замки,
Кому — дворцы,
Кому — армию, чтобы напасть,
Кому — сцену, чтобы прославиться,
Кому — чары, чтобы чародействовать,
Кому — вероломство, чтобы мстить,
Кому — талант, чтобы возгордиться...

И будет все это:
Ложь — в оправе правды,
Предательство — в оправе верности,
Заблуждение — в оправе откровения,
Ненависть — в оправе любви,
Зло — в оправе доброты,
Уродство — в оправе прекрасного,
Смерть — в оправе бессмертия...

Дух, —
Не выдержавший испытания,
Прельщенный и обманутый, —
Отойдет от Пути своего,

От Пути Жизни.
И беда в том, что
Поймет он это
Не сразу,
А по следствиям, которые неминуемы.

Пройдут годы,
Кончится сказка земная,
И где тогда окажется
Дух?
Пойми каждый:
Не питайся иллюзией
О легкости
Пути Красоты Духа!
Проверяй и готовь себя
До начала Великого Восхождения!

Велико
Будущее Мыслей и Мышления людей
На Земле.

Путь Красоты Духа
На крыльях своих
Несет это будущее.
Но нужны старания
Устремленных.

Когда это будет?
Но будет неминуемо:

Люди научатся
Общаться мысленно,
Передавать и принимать мысли
На расстояниях, близких и дальних.
Что станет тогда
С нынешней техникой связи?

Люди научатся общаться
С Миром Надземным,
И это будет естественно,
Без машин и аппаратов.
И тогда поймут они,
Что нет смерти,
А есть Вечность.
Что тогда станет с нынешним страхом
Перед смертью?

Люди научатся
Творить и создавать материальный мир
С помощью могущества
Мысли.
Что станет тогда
С бедностью, голодом и холодом?

Люди научатся
С помощью могущества
Мысли
Сохранять тело здоровым и молодым,

Научатся лечить болезни
Мыслью,
И что станет тогда
С нынешней лавиной
Химических таблеток, пилюль и микстур?
Что станет
С хирургией,
С больницами
И индустрией рекламы?

Люди научатся
Читать мысли друг друга,
И все тайное станет явным.
И что станет
Со зломыслием, заговорами, предательством?
Что станет с нынешним правосудием?

Люди научатся
Воспитывать в детях умение
Владеть и творить мыслями,
Научатся
Воспитывать детей
С помощью мысли.
Что станет тогда
С нынешней педагогикой?

Люди научатся
С помощью объединенной мысли

Чистить пространство Планеты,
Приостанавливать и отводить
Природные стихии,
Не допускать войны и разрушения.
Что станет тогда
С нынешней военной машиной?

Люди научатся
Выходить из тела
И молниеносно передвигаться
И на Планете, и в Космосе.
Что станет тогда
С нынешней техникой передвижения —
С самолетами, поездами, машинами, ракетами?

Мысль и Мышление
Изменяют духовный мир человека,
Образ жизни людей,
Облик Земли.
И это будет
Торжество
Красоты Духа.
Так будет.

Потому
Скажи своим ученикам,
Скажи им со всей мощью
Благого Слова,

Скажи,
Чтобы услышало
Все нынешнее поколение детей:
Полюбите, полюбите, полюбите
Будущее —
Крылья вырастут!»

Я очнулся только тогда,
когда пауза затянулась.
С изумлением вглядываюсь в нее.
Она смотрит на меня,
Улыбается.
— Что это было?! — спрашиваю.
— А что было? — отвечает она наивно.
Беру ее лицо в свои ладони,
Целую нежно в лоб, глаза.

О, Господи,
Глаза ее —
Как глаза
Учителя
В учительской!

В горах Гималаев

Мудрец

Запиши наказы
Из Великой Книги Мудрости
О том,
Чего не надо делать,
Чтобы не потерять
Путь Красоты Духа.
Итак:

Не живите
На проценты от денег,
Эта прибыль — нечистая.

Не будьте
Недовольными,
Разве только
Самими собой.

Не давайте
Делать другим,
Что можете

Сделать сами.

Не повторяйте
Дважды,
Что можете сказать
Один раз.

Не плавайте,
Где надо
Летать.

Не оборачивайтесь,
Где надо
Спешить.

Не изорвите
Рта злоречием,
Где надо пройти
Молча.

Не лучами
Покройтесь,
Но сталью
Подвига.

Не седло
Нужно,
Где крылья растут.

Не кулак,
Но молот
Гвоздь забивает.

Не лук,
Но стрела
Достигнет цели.

Не чертою
Заградитесь,
Но огнем
Мысли.

Спросят:
Зачем эти запрещения?
Отвечайте:
Чтобы обрести свободу.

На базаре

Продавец винограда

Выбор большой,
Глаза мои бегают: какой купить виноград.
Продавцы призывают: «Берите мой!»
Но стоит в сторонке задумчивый молодой продавец,
Он никого не зовет, не хвалит свои гроздья.
Меня потянуло к нему.

Он, думая о чем-то другом,
Начал подбирать солнечные кисти.
Взвесил небрежно, в мою пользу.
Я сказал:
— Вы перевесили!
— Ешьте на здоровье! — и протянул мне пакет.

Я заплатил и собирался уходить,
Как он вдруг говорит мне:
— Хотите послушать притчу?
— О чем притча? — спросил я.
— Понимаете, сам не знаю,

Пока не могу разгадать.
У меня прадедушка есть.
Он на днях будит меня ночью и говорит:
«Сынок, запомни, что я расскажу,
А ты Расскажи, кому нужно будет».

— А почему вы хотите именно мне
Свою притчу рассказать?
— Тоже не знаю...
Если не хотите, ну что же, простите.
— Нет, почему, я вас слушаю.

— Так вот,
Жил-был скульптор,
Совершенный мастер дела,
Но хотел стать еще лучше,
Однако, не знал как.

Пришел к нему Светлый Ангел
В образе купца
И сказал:
— Изваяй из мрамора орхидею,
Чтобы мог я подарить ее жене на день рождения.

Мастер применил
Свое искусство
И создал из мрамора
Чудо-цветок.

— Как прекрасно! — воскликнул «купец»
И щедро вознаградил мастера.
— Сделай мне точно такой же,
Чтобы послать в подарок Богу!

«Богу?!» —
Удивился мастер.
Ему еще не приходилось
Для Бога
Что-либо создавать.
Он взял кусок мрамора, применил
Всё свое искусство
И создал орхидею.

— Ой, какое чудо! — воскликнул «купец», —
Точно такой же, как первый!

Но мастер грустно проговорил:
— Не получилось для Бога,
А получилось как для твоей жены!

Взял он другой кусок мрамора,
Применил
Всё свое искусство,
Да еще вдохновение
И создал орхидею.

«Купец» восхитился:

— Отлично, прекрасно!

Но мастер мрачно проговорил:

— Тоже не для Бога

— Почему?! — удивился «купец», —

Он точно такой же,

Как первый!

— Чего-то не хватает, — грустно сказал мастер.

Он опять взял кусок мрамора,

Применил

Всё свое искусство,

Да еще вдохновение,

А также новые способы,

И создал орхидею.

«Купец» кричал от восторга:

— Чудо! Прекрасно!

Совсем такой же,

Как первый!

Но мастер был недоволен:

— Не для Бога!

Так он брал куски мрамора,

Создавал новые и новые орхидеи.

«Купец» восторгался и восклицал:
— Отлично, прекрасно,
Совсем такой же, как первый!

Но мастер все грустнее произносил:
— Опять не для Бога,
Не хватает чего-то важного!

И когда он был готов
Бросить свое искусство,
Ибо не находил этого чего-то особенного,
Он вдруг понял,
Чего не хватает.

Взял сотый кусок мрамора
И, паря над ним,
Создал цветок,
И сказал «купцу»:
— Бери, это для
Бога!

«Купец» взял мраморную орхидею,
Посмотрел внимательно,
И с удивлением спросил:
— Чего ты мучился?
Он ведь точно такой же,
Как первый,
Как все остальные!

— Нет, — сказал мастер, —
Он совсем другой!

— В чем же отличие
Я его не вижу!

— Ты и не увидишь глазами,
А Бог увидит!
Он не есть скульптура,
Он есть моя Любовь
К Богу,
Он есть моя Душа
Для Бога.
Больше,
Чем в этом изваянии,
Я Бога любить
Пока
Не научился,
И больше,
Чем красота этого изваяния,
Нет выражения красоты моего Духа.
Но я уже знаю,
Как восходить.
Спасибо Тебе,
Господи,
Что дал мне такой простой
Путь Красоты Духа!
Впредь в каждом куске мрамора

Буду искать
Совершенство своей Любви
К Тебе
И Красоты своего Духа
Для Тебя!

Он забрал первую орхидею,
Изваял другую,
И сказал «купцу»:
— Подари своей жене на день рождения
Орхидею
Для Бога!

— Вот такая притча.
И мне только сейчас приходит мысль:
Может быть, надо выращивать лозу
Тоже для Бога,
И продавать виноград вам
Как Богу?
Ни это ли хотел сказать мой прадед
Своей притчей?
Простите, что задержал вас! —
Закончил молодой продавец винограда.

И он улыбнулся,
Взглянув на меня глазами
Учителя
В учительской.

Я отошел от него и тоже подумал:
Ему — виноград выращивать
Для Бога!
Мастеру — творить скульптуры
Для Бога!
Это их Путь Красоты Духа.
А мне детей воспитывать и учить —
Для кого?
Для Бога!
Для Бога!
Для Бога!
Вот мой Путь Красоты Духа!

В горах Гималаев

Мудрец

Книга Жизни

В руках Мудреца

Горел факел голубым светом.

Голубое пламя заполнило всю пещеру.

Я не видел Его,

Слышал только голос.

А сердце мое застучало молотком,

Вбивая в душу каждое Слово.

«Скажи своим ученикам то,

Что услышишь сейчас.

Скажи о нем любому прохожему,

У кого есть уши, чтобы слышать.

Подымись на высокую гору

И оповести всех жителей Земли:

Думайте, люди, думайте!

Думайте,

Что ничего вам не принадлежит,

Тем заботливее будете относиться к вещам.

Думайте,

Как лучше украсить каждый уголок,
Тем чище станет пространство вокруг вас.

Думайте,

Как новая вещь должна быть лучше старой,
Так утвердите лестницу восхождения.

Думайте,

Как прекрасно завтра,
Так сегодня устремит вас вперед.

Думайте,

Как жестоко бытие животных,
Так будете щадить низшее.

Думайте,

Как мала Земля,
Так поймете величие Космоса.

Думайте,

Как обласкивает вас Солнце,
Так забудете о раздражении.

Думайте,

Как белы голуби,
Так укрепите надежду.

Думайте,
Как сине Небо,
Так приблизитесь к Вечности.

Думайте,
Как черна мгла,
Так возлюбите Свет.

Думайте
О Ликах Высших,
Так поймете красоту служения.

Думайте,
Какое счастье ходить по Планете
Так будете насыщать ее сознанием духа.

Думайте
О даре созерцать созвездия,
Так поймете благодать принимаемых лучей.

Думайте
О Руке Ведущей,
Так поймете величие Учителя.

Люди,
Думайте,
Думайте,
Думайте!

**Ваша высокая мысль
Приблизит вас
К Красоте своего Духа,
Приблизит
К Высшим Небесам».**

Голос умолк.
Я чувствовал в себе,
Как Светом наполнялось
Мое сознание.
Происходило преображение.

В лесу

Птичка

Кто не любит ходить в лес,
Тот не познает тайну Природы.
Кто не любит птичье пение,
Тот не постигнет истину жизни.
Задумчивость леса — как творчество Духа.
Птичье пение — как Дух на виду.

С такой философией я вхожу в лес.
Углубляюсь в него,
Скоро заблужусь.

Могучее дерево приглашает меня.
Я сажусь на пенек под его покровом
И отдаюсь стихии умиротворения.
Сквозь ветви видны куски синего неба.
А на верхушке сидит птичка и поет.
Слушаю. Восхищаюсь.

«Птичка чудесная,
Хочу видеть тебя близко,

А подняться к тебе не могу.
Пожалуйста, спустись сама,
И дай мне полюбоваться тобой!»

Неужели она действительно поняла
Мой мысленный зов?
Она мигом оказалась передо мной
На кусте,
Подняла клюв к небу
И запела.
Это были не просто
Чарующие звуки и мелодия,
А это была речь, речь!
Птичка вещала о чем-то важном.
И раз она спустилась
По моему зову,
Сидит передо мной на кусте
Клювом уже ко мне
И поет,
Значит,
Поет она для меня,
Говорит она со мной!
Но о чем?

«Скажи мне, птичка чудесная,
О чем ты мне толкуешь,
Помоги понять тебя!»

Мой мысленный вопрос
Еще больше вдохновил птичку.
Она села мне на плечо
И запела свою мелодию
Прямо мне на ухо.
Я замер
И даже не заметил,
Как ее пение
Перешло в наставление.

«Слово!
Слово!
Божье Слово,
Священное Слово,
Солнечное Слово,
Путеводное Слово,
Ласковое Слово,
Целебное Слово,
Мудрое Слово,
Доброе Слово,
Правдивое Слово,
Веское Слово,
Живое Слово,
Прекрасное Слово,
Спасительное Слово,
Единственное Слово,
Важное Слово...

Слово Любви,
Слово Радости,
Слово Жизни,
Слово Чести,
Слово Возвышения,
Слово Свободы,
Слово Утверждения,
Слово Оправдания,
Слово Милосердия,
Слово Утешения...
Слово воскрешает,
Слово вдохновляет,
Слово лечит,
Слово обнадеживает,
Слово зовет,
Слово объясняет,
Слово убеждает,
Слово устремляет...

В Слове Любовь,
В Слове Знание,
В Слове Культура,
В Слове Память,
В Слове Будущее,
В Слове Жизнь Духа,
В Слове Путь Духа,
В Слове Тайна Духа...

Верьте в Слово,
Цените Слово,
Ищите Слово,
Найдите Слово,
Выбирайте Слово,
Держите Слово,
Уважайте Слово,
Почитайте Слово,
Берегите Слово,
Храните Слово,
Скажите Слово,
Нужное Слово...

Дарите Слово,
Сейте Слово,
Несите Слово,
Несите Слово,
Несите Слово!

Человек и Слово
Единое целое.
Держите ответ
За свое Слово.
Берегите Слово,
Берегите Слово,
Берегите Слово!

Слово сокровище Духа,
Слово ларец Духа,
Слово тайна Духа,
Слово луч Духа,
Слово цвет Духа,
Слово запах Духа,
Слово образ Духа,
Слово Жизнь Духа!

Красота Духа
Познается в Слове,
Величие Духа
Утверждается в Слове...

Слово есть Мысль,
Слово — корабль Мысли
Слово — наряд Мысли,
Слово — Истина Мысли...

Огненное Слово сердца
Возвышает сознание,
Пронизывает Дальние Миры,
Наполняет Вселенную...

Дайте каждому
Сказать свое Слово,
Заветное Слово,
Правдивое Слово,

Духовное Слово,
Нравственное Слово,
Только свое Слово
Свободное Слово!

Не хлебом единым
Жив человек,
Но всяким Словом, —
Светлым Словом,
Сердечным Словом,
Небесным Словом,
Божьим Словом,
Божьим Словом!

Любите Слово,
Почитайте Слово,
Берегите Слово,
Берегите Слово!

В начале было Слово,
В начале было Слово,
В начале было Слово,
Слово,
Слово,
Слово!>>

Птичка взмахнула крыльями
И улетела.

Но перед тем как взлететь,
Дала мне заглянуть
Ей в глаза.
Птичьи глаза!
Глаза
Учителя
В учительской!

А я поспешил к своим ученикам,
Чтобы принести им
Птичье
Слово о Слове,
Которое есть
Путь Красоты Духа.

В горах

Мудрец

Дарю тебе речения
Из **Великой Книги Мудрости.**
Вдохновись ими
И следуй им
Вместе со своими учениками.
Пусть жемчужины мудрости этой
Станут смыслом
Для твоих
Педагогических устремлений.

Пиши:
*Лишь для
Совершенствования Духа
Мы здесь.

*Любовь есть
Венец Света.

*Ростом Духа
Человечеству все доступно.

*Дух ликует
Вдохновением.

*Радость —
В творчестве Духа.

*Жизнь Духа есть
Основание эволюции.

*То, что законно для эволюции,
Все прекрасно.

*Будем по Духу
Великанами.

*Новое сознание
Придет лишь от Духа.

*Возвысим Дух
До высших вершин.

*Забота —
Красота Духа.

*Молитва Духа
Претворяется на всех языках.

*Поверх всех формул существует
Сила Духа.

*Чистая, великая Любовь рождает
Благородство Духа,
Которое может
Переродить человека.

*Нет более мощного чистилища,
Нежели жизнь землян,
Если напряжены все силы Духа.

*Как дерево обновляет листву,
Так люди процветают
На пути добра.

*Отношение к Жизни должно быть
Служением.

*Научитесь мыслить
О высоком качестве бытия.

*Скипетр Духа может показать
Истину.

*Дух стремится на свою
Родину,

Только дайте ему
Свободу.

*Дух знает,
Где Красота.

*Человек должен принадлежать
Красоте.

*Космос направляет мир
К овладению Красотою.

*Любовь — чудо,
Красота — чудо.

*Бесстрашие —
Наш водитель,
Красота —
Наш луч понимания,
Простота —
Наш ключ от тайных дверей счастья.

Вступающий на
Путь Красоты Духа
Пусть мыслит понятиями:
Культура Духа,
Полет Духа,
Господство Духа,
Просвещение Духа...

Равновесие Духа,
Присутствие Духа,
Неутомимый Дух,
Растущий Дух...

Восторг Духа,
Сила Духа,
Праздник Духа,
Пламя Духа...

Песнь Духа,
Лиризм Духа,
Музыка Духа,
Сияние Духа...

Закаленный Дух,
Бодрствующий Дух,
Духовная битва,
Герой Духа...

Негодование Духа,
Возмущение Духа,
Духовная общность,
Зародыш Духа...

Дары Духа,
Сокровища Духа,

Подъем Духа,
Озарение Духа...

Царь Духа,
Великий Дух,
Закалка Духа,
Утонченный Дух...

Крылья Духа,
Полет Духа,
Сад Духа,
Храм Духа,
Храм в Духе,
Победа Духа...

Красота сознания,
Красота молчания,
Красота безмолвия,
Красота действия...

Красота эволюции,
Красота единения...
Красота вдохновения,
Красота устремления...

Высшая Красота,
Красота Жизни,

Истина Красоты,
Красота Истины...

Красота восхождения,
Красота подвига,
Красота суждений,
Красота фантазии...

А теперь поспеши к своим ученикам
И объяви им закон:

Красота Духа есть
Совершенство Духа,
И его достигает тот,
Кто Высшие Знания
Умеет превратить
В пламенное
К Высшему.

В Бушети

Он

Бушети —
Мое родное село,
Гнездо моей души.
Я ложусь на цветущем травяном поле,
Под открытым ночным Небом,
Смотрю на созвездия
И засыпаю.

... Я Его не вижу,
Но Он рядом.
И я чувствую,
Что мне будет подарен сейчас
Самый важный
Урок
В моей жизни.

Спокойным и ласковым голосом
Он мне объясняет:
«Если учитель собирается
Указать своим ученикам

Путь Красоты Духа,
Он уже сам должен стоять
На этом Пути.
А ты как?»

«Не знаю».
«Видишь, сияет маяк.
Там начало
Пути.
Поспеси».

«Не могу.
Я тяжел.
Трудно передвигаться».

«Ты должен лететь,
А не передвигаться.
Где твои крылья?».

«У меня их нет».

«Крылья есть у всех.
Но кто забывает о Небе,
Тот забывает и о крыльях.
Взамен набирает груз земной,
Который и покрывает и давит крылья.
Груз надо сбросить».

«Я не знаю крыльев,
Не знаю груза».

«Сейчас узнаешь.
Зарисуй на белом листке круг.
Пусть это будет твоя душа.
Запиши в нем слова:
**Великодушие и
Благородство.**
Это и есть твои крылья.
Великодушие нужно,
Чтобы служить Небесам,
А Благородство —
Чтобы служить человечеству.
А теперь зарисуй в кругу пятна».

«Пятна?! Какие?»

«У тебя в голове гуляют
Недостойные мысли?»

Я покраснел:
«Да, гуляют».

«Это пятно на душе.
Зарисуй.
В тебе есть раздражение?»

Я покраснел сильнее:

«Да, есть».

«Это тоже пятно на душе.

Зарисуй.

Чувствуешь ненависть к кому-либо?»

Я заплакал:

«Да, чувствую».

«Тоже накладывай пятно на душе.

А теперь продолжай сам:

Чем еще запачкана

Твоя душа?».

Я увидел в душе своей

Легион темных образов.

Когда же они успели проникнуть в меня?

Откуда они взялись?

Кто открывал им двери, окна, форточки

Моей души?

Я сам,

Сам,

Сам...

И рука моя набрасывала в круг души

Пятна.

Они ложились друг на друга,

И этому не было конца.

Я зарыдал,
Из моих глаз ручейком потекли слезы,
И лились они уже на совсем темный круг.
Вот, оказывается, какая у меня душа!
А Он стоял рядом и спокойно наблюдал,
Что со мной происходит.

«Теперь ты знаешь,
какой тащишь груз в душе своей.
Покаяние и решимость помогут тебе
Освободиться от него».

«Господи, помилуй!
Господи, помилуй!
Господи, помилуй!
Дай мне
Путь Красоты Духа!» —
Произнес я в сердцах.

Моя мольба была услышана:
Пятна в кругу растворились в моих слезах,
И они начали сходить
С души моей,
Злобно и с досадой обвивая
Чистый круг с крыльями
**Великодушия и
Благородства...**

«Проснись,
Поспешి со своей вестью
К ученикам своим», —
Сказал Он мне ласково.

Я открыл глаза и увидел надо мной
Торжество звезд:
Они поздравляли меня
С днем великого рождения.

А глаза Его?
Я их не видел.
Но знаю, что они те же,
Что и у
Учителя
В учительской.

В церквушке моей

Господи,
Благодарю Тебя
За все,
Чем Ты одарил меня
В жизни.
Щедра Твоя милость
Ко мне,
Я не заслужил ее.
Если сделал я что-то благое,
Все это была
Воля Твоя.
Но грехи мои, которых не счесть,
Есть плод моей безрассудности.
Господи,
Прости мне их,
И не напоминай мне о них,
Когда предстану
Пред Тобой.
И пусть будет
Воля Твоя,
Чтобы вступил я
На Путь Красоты Духа,
И дай мне силы
Выдержать его.
Аминь.

В учительской

Учитель

Спешу к мальчику,
Спешу к каждому, кто меня ждет.
Несу Весть,
Которая меня преобразила,
А теперь, через меня, преобразит других.

Надо сначала поклониться
Учителю.

Вхожу в учительскую
И нахожу Его
В том же углу.

— Учитель,
У меня есть Весть!

Он улыбается.
Смотрит мне в глаза.
Произносит:
— **Процветает Дух,**

**Который
Понял
Путь восхождения.**

И получаю наставление:
— Неси свою весть,
Как последнюю влагу:
Спокойно,
Чтобы не расплескать,
Заботливо,
Чтобы досталась она каждому,
Ясно,
Чтобы поняли и приняли все.

И перед тем,
Как выйти из учительской,
Поневоле заглядываю в зеркало,
Висевшее у входа.
Оттуда на меня взглянули
Глаза —
Те же самые,
Что и
У Учителя
В углу учительской.

В ушах звучит голос, исходящий
Из Животворящего Столба Книг:
«Источник мысли светится

**Счастьем в глазах.
Привыкайте видеть
Огонь Духа
В глазах».**

Чувствую крылья:
Я,
Ученик всех учителей мира,
Несу Весть
О Пути Красоты Духа
Мальчику
И всем ученикам мира!

Бушети, Грузия
8.09.2014
30 500

Содержание

Разговор с Сердцем.....	3
Проводы в вечность	139
Учитель, укажи Путь Красоты Духа!	245

Розничный магазин

м. Красносельская / Комсомольская,
ул. Краснопрудная, д. 22а, стр. 1,
тел.: 8 499 264 13 60

В магазине представлено
более 10 000 наименований литературы

по ценам издателей

и по тематикам нашего издательства:

- *эзотерика*
- *теософия*
- *философия*
- *восточные методики*
- *практики совершенствования*
- *традиционная и нетрадиционная медицина*
- *астрология*
- *мировые религии и течения*
- *а также аудио-, видео- и сувенирная продукция*

Для членов клуба — постоянно действующие скидки,
книги по предварительному заказу,
встречи с интересными авторами.

Наши новости в социальных сетях:

http://vk.com/amrita_rus

<https://www.facebook.com/izdatelstvoAmrita>

Розничная продажа:

м. Красносельская / Комсомольская,
ул. Краснопрудная, д. 22а, стр. 1,
тел.: 8 499 264 13 60

Вы можете заказать книги на нашем сайте:

www.amrita-rus.ru | alla@amrita-rus.ru

Подпишитесь на рассылку с нашего сайта www.amrita-rus.ru
чтобы получать информацию о новинках и приобретать книги
со скидкой до 20%

Книга — почтой: 107140, Москва, а/я 37

По заявке оптовиков осуществляется электронная
рассылка полного книжного каталога
info@amrita-rus.ru
тел.: 8 499 707 21 20

ИЗДАДИМ ВАШУ КНИГУ

Издательство «Амрита-Русь» обеспечит движение рукописи

от автора до читателя

Полиграфические услуги

- Весь цикл допечатной подготовки: корректура, редактура, дизайн-макет, верстка, присвоение ISBN, УДК, ББК
- Печать от 1 книги
- Продажа по России и за рубежом
- Продвижение
- Реконструкция неликвидных изданий

тел.: **8 499 707 21 20** (многоканальный)

www.amrita-rus.ru

г. Москва, ул. Краснопрудная, д. 22а, стр. 1

СКАЧАЙТЕ БЕСПЛАТНО!

Бесплатное приложение с электронными книгами издательства «Амрита-Русь»

- Еженедельная подборка бесплатных книг для скачивания
- Ежемесячное обновление ассортимента
- Низкие цены

Основные функции:

- Возможность бесплатно начать читать любые платные книги
- Возможность экспорта электронных книг в iBooks
- Возможность делать заметки во время чтения

Скачайте приложение бесплатно и имейте доступ к лучшим книгам по саморазвитию. Наш каталог включает в себя литературу по психологии, межличностным отношениям, ведической мудрости, духовным практикам, религии, целительству и многому другому. Следите с помощью push-уведомлений за промо-акциями, скидками и бесплатными раздачами книг.

Ключевые слова для поиска в AppStore: «Амрита-Русь» или «Книги по эзотерике»

Амрита-Русь
Книги по эзотерике

Будем благодарны вам, если вы оцените наше приложение!

вишенна12091978

как долго я этого ждала! эти книги настоящая находка, а теперь когда они в одном приложении и находятся всегда под рукой это вообще чудо!! а само приложение удобное, простое и красивое. а еще как плюс мало весит и бесплатное))) можно скачать и без сети WiFi в любой момент)) для любителей эзотерики-лучшее решение, рекомендую

Lyinil

Крутое приложение с большим выбором книг по эзотерике, вот прямо реально большим, не как везде;) для меня этот критерий пожалуй на первом месте. Надоело устанавливать кучу приложений и сканать из одного в другое в поисках нужной книги из этой области:(наконец удалила все лишние, оставила это. Приятный интерфейс, несложно разобраться, все просто и доступно. Спасибо, жду интересных обновлений.

Шалва Амонашвили

РАЗГОВОР С СЕРДЦЕМ

Подписано в печать 12.02.17.
Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 25.52.
Заказ №

Издание предназначено
для лиц старше 16 лет

ООО «Свет»
107140, Москва, ул. Краснопрудная, д. 22а, стр. 1
тел.: 8 499 707 21 20 (многоканальный)
e-mail: info@amrita-rus.ru www.amrita-rus.ru

Книга — почтой: 107140, Москва, а/я 37
тел.: 8 800 505 70 25
звонок бесплатный по всей России

Розничный магазин:
ул. Краснопрудная, д. 22а, стр. 1
Тел.: 8 499 264 13 60

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного электронного
оригинал-макета